

Российский университет дружбы народов

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

СЕРИЯ
ЛИНГВИСТИКА

том 20, № 2 (2016)

Научный журнал

Основан в 1993 г.

Серия издается с 1997 г.

Главный редактор

Т.В. Ларина, доктор филол. наук, профессор, РУДН

Заместитель главного редактора

В.Н. Денисенко, доктор филол. наук, профессор, РУДН

Ответственный секретарь

А.С. Борисова, кандидат филол. наук, доцент, РУДН

Члены редакционной коллегии

Лаура Альба-Хуес, Национальный университет дистанционного образования (Мадрид, Испания)

Богданова Людмила Ивановна, доктор филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филол. наук, профессор, Гранадский университет (Испания)

Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Мария Еленевская, доктор, Технион — Израильский институт технологии

Жельвис Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Зализняк Анна Андреевна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук

Иванова Светлана Викторовна, доктор филол. наук, профессор, Башкирский государственный университет

Карасик Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Иштван Кечкеш, профессор, Университет штата Нью-Йорк (Олбани, США), президент Американской ассоциации прагматики

Анета Павленко, профессор, Темплский университет (США), президент Американской ассоциации прикладной лингвистики

Красина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор, РУДН

Лассан Элеонора, профессор, Вильнюсский университет (Литва)

Михеева Наталья Фёдоровна, доктор филол. наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Мартин Путиц, профессор, Университет Кобленц-Ландау (Германия)

Дуглас Марк Понтон, доктор, Университет Катании (Италия)

Нилакши Сурьянараян, профессор, Делийский университет (Индия)

Клаус Шнайдер, профессор, Боннский университет (Германия), президент Немецкой ассоциации изучения английского языка

Эбзеева Юлия Николаевна, кандидат филол. наук, доцент, РУДН

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

VESTNIK RUDN

VOLUME 20 NUMBER 2 (2016)

Founded in 1997

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Tatiana Larina

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Denisenko

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Anna Borissova

EDITORIAL BOARD

Prof. Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Prof. Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Prof. Vadim Dementyev, Saratov State University (Russia)

Dr. Julia Ebzeeva, Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Svetlana Ivanova, Baskir State University

Prof. Vladimir Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University (Russia)

Prof. Istvan Kecskes, State University of New York at Albany (USA), President of American Pragmatics Association

Prof. Elena Krasina, Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Eleonora Lissan, Vilnius University (Lithuania)

Prof. Natalya Mikheeva, Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Aneta Pavlenko, Temple University (USA), President of American Association of Applied Linguistics

Dr. Douglas Mark Ponton, University of Catania (Italy)

Prof. Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Germany)

Prof. Klaus Schneider, University of Bonn (Germany), President of German Association for the Study of English

Prof. Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (India)

Prof. Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Spain)

Dr. Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology

Dr. Anna Zalizniak, Senior Researcher, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow

Prof. Vladimir Zhelvis, Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Иванова С.В. (Уфа, Россия) — Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум 9

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Воркачев С. Г. (Краснодар, Россия) — *Ex Pluribus Unum*: лингвокультурный концепт как синтезное образование 17

Логонова П.Г. (Москва, Россия) — Лингвокультурный концепт «вино» в языковом сознании французов 31

Фоменко Т. А. (Коломна, Россия) — Образ врага как стереотип мышления 46

Болотина К.Э. (Москва, Россия) — Прецедентные феномены в языковой картине мира квебекцев 61

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Черничкина Е.К., Лунева О.В. (Волгоград, Россия) — Псевдокоммуникация vs квазикоммуникация 77

Багана Ж., Яковлева Е.С. (Белгород, Россия) — Национально-культурные особенности лексем «кошка» и «собака» на материале английского и китайского языков 91

Егорова К.Г., Ан Сан Чоль (Якутск, Россия) — Усечения в корейском интернет-языке 100

Смирнитская А.А. (Москва, Россия) — Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов 112

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Тасенко П.С., Нелюбова Н.Ю., Ершов В.И. (Москва, Россия) — Использование приема адаптации при переводе текстов художественной литературы (на примере перевода на русский язык романов «Дама с Камелиями» и «Грозовой Перевал») 128

ХРОНИКА

Рецензии

Панченко Н.Н. (Москва, Россия) — Карасик В.И. *Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы*: Монография / В.И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2015. — 432 с. 142

Конференции

Нефёдова Л.А., Краснопеева Е.С. (Челябинск, Россия) — VIII Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах», г. Челябинск, 20—22 апреля 2016 г. 146

Михеева Н.Ф. (Москва, Россия) — II Фирсовские чтения «Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития», г. Москва, 26—27 апреля 2016 г. 149

Обращение к читателям	152
Объявления	154
Наши авторы	162

CONTENTS

Svetlana V. Ivanova (Ufa, Russia) — Cultural Linguistics: Studying Linguocultural Unicum	9
---	---

LINGUOCULTURAL CONCEPTOLOGY

Sergei Vorkachev (Krasnodar, Russia) — Ex Pluribus Unum: Linguocultural Concept as an Integral Entity	17
Polina Loginova (Moscow, Russia) — Perception of Cultural Concept “Wine” in French Evaluational World View	31
Tatiana Fomenko (Kolomna, Russia) — The Image of the Enemy as a Stereotype of Thinking	46
Ksenia Bolotina (Moscow, Russia) — Precedent Phenomena in Quebecois Linguistic World View	61

COMPARATIVE LINGUISTICS

Elena Chernichkina, Oksana Luneva (Volgograd, Russia) — Pseudo-communication vs Quasi-communication	77
Jerom Baghana, Elena Iakovleva (Belgorod, Russia) — Language Cultural Specificity of the Language Units “Cat” and “Dog” in English and Chinese Languages	91
Kyunney Egorova, Ahn San Chol (Yakutsk, Russia) — Truncation in Korean Cyber Communication	100
Anna Smirnitskaya (Moscow, Russia) — Semantics of Kinship Terms in Tamil from the Semantic Typology Point of View	112

TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Polina Tasenko, Natalia Nelyubova, Viktor Ershov (Moscow, Russia) — Adaptation Technique in the Translation of Literary Texts (as Exemplified in the Translation of French and English Literary Texts)	128
---	-----

CHRONICLE

Book Reviews

Nadejda Panchenko (Moscow, Russia) — Karasik V.I. <i>Language Spiral: Values, Signs, Motives</i> : monograph / V.I. Karasik. — Volgograd: Paradigma, 2015. — 432 p.	142
---	-----

Conferences

Lilya Nefyodova, Ekaterina Krasnopeyeva (Chelyabinsk, Russia) — The 8th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. Chelyabinsk, April 20—22 2016	146
Natalia Mikheeva (Moscow, Russia) — II Firsova’s Readings: on the International Conference: “Contemporary Philology and Methodology of Foreign Language Teaching: Basic Tendencies and Development Prospects”. Moscow, April 26—27, 2016	149

Appeal to Readers	152
Announcements	154
Our Contributors	162

© Peoples' Friendship University of Russia, 2016

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ИЗУЧАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСУМ

С.В. Иванова

Башкирский государственный университет
ул. Коммунистическая, 19, Уфа, Россия, 450074

Одна из парадоксальных закономерностей развития науки о языке заключается в том, что идеи новых нарождающихся и впоследствии широко востребованных направлений лингвистических исследований произрастают из концепций и подходов, первоначально совершенно не поддерживающих или, более того, полностью отвергавших эти идеи.

Языковое значение, будучи изгоем лингвистического анализа в рамках структурной лингвистики, не только с триумфом вернулось в лоно науки о языке в качестве объекта исследования, но и привело за собой то, что его порождает: человека говорящего, сделав *homo loquens* «мерой всей вещей» в лингвистическом описании.

Действительно, доминирующая в настоящее время на языковедческом фронте антропологическая парадигма возникла как реакция на господствовавшую до этого структуралистскую концепцию или, иначе говоря, вслед лингвистике, жестко ограничивавшей себя рамками изучения структурных единиц языковой системы. Однако осознание того, что язык представляет собой гибкий и тонкий инструмент коммуникации, служащий человеку и для человека, и образует пространство, в пределах которого не только находит отражение, но и проходит жизнь человеческого сообщества, то есть сообщества как лингвистически, так и культурологически объединенного, заставило лингвистов выйти за пределы структурно-системной парадигмы. Именно эта сторона функционирования языка — обслуживание коммуникативных нужд лингвокультурного сообщества, так же как и вербализация его ценностных векторов, трансляция смыслов, передача особенностей менталитета, — составляющая предмет лингвокультурологических исследований, стала приоритетной в языкознании конца XX — начала XXI в. Более того, в силу многогранности и глубины данного предмета исследования он остается главенствующим в лингвистике и в настоящее время.

В связи с тем что проблематика статей, объединенных в данном сборнике, напрямую связана с описанием лингвокультурного взаимодействия, хотелось бы рассмотреть их на фоне современных достижений лингвокультурологической парадигмы, поместив в широкий и многофактурный контекст лингвокультурологических изысканий. Данный контекст обусловлен сопряжением концепций, парадигм и дисциплин, что в рамках изучения взаимодействия языка и культуры стало первопричиной появления таких объектов исследования, как культурный концепт, языковая личность, коммуникативное поведение, лингвокультурный код, культурные коды, культурная коннотация, этнокультурный дискурс, социо-, лингво- и культурная компетенция и т.п.

В настоящее время лингвокультурология представляет собой интенсивно развивающееся направление, объединяющее широкий фронт исследований, сфокусированных на «изучение и описание корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1998: 217]. Исследовательские векторы работ, выполняемых в русле лингвокультурологической парадигмы, выводят в широкое пространство научной мысли, направленной на изучение «лингво-культурного семиозиса» [Лотман 1999: 164].

Изначально развитие лингвокультурологии было связано с несколькими концептуальными направлениями лингвистической мысли, достижения которых позволили таким образом развернуть научный поиск, что в рамках лингвокультурологической проблематики были поставлены вопросы, соотносящиеся с самыми разными аспектами взаимодействия языка и культуры. Трехакторная модель лингвокультурологии, которая объединяет ЯЗЫК—ЛИЧНОСТЬ—КУЛЬТУРУ, в настоящее время позволяет исследователям ставить такого рода задачи, которые расширяют поле лингвокультурологии от лингвокультуры до пространства лингвокультурного универсума. Данное расширение происходит за счет подключения к обозначенной выше триаде дополнительных опорных точек, в качестве которых выступают ЭТНОС, КОММУНИКАЦИЯ, СОЗНАНИЕ. В результате в современном прочтении лингвокультурология выступает как «научная дисциплина, изучающая (а) способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, (б) особенности представления в языке менталитета того или иного народа, (в) закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010: 29].

Понимание лингвокультурологии как парадигмы, направленной на выявление способов и средств воплощения культуры в содержательной стороне языкового знака [Ковшова 2016: 53], позволяет поставить целую серию вопросов, раскрывающих ее эвристический потенциал.

1. Что следует понимать под культурным содержанием в рамках лингвистического исследования? С какими модусами или, иными словами, составляющими культуры, связано культурное содержание языкового знака?

2. Каким образом в языковом знаке репрезентировано культурное содержание? Что превалирует в языке: национально-культурная специфика или универсалии? Находится ли национально-культурная специфика на периферии языка или составляет его суть?

3. Насколько возможно отразить культурное содержание языкового знака лексикографически? Каковы способы индексации культурной информации?

4. Если принимать во внимание знаковый характер языка и культуры, то на каких основаниях целесообразно проводить кодификацию лингво-культурных знаков?

5. Какие сущности ментального уровня соотносятся с культурным содержанием? Возможна ли структуризация этих ментальных сущностей? Каким образом осуществляется вербализация сущностей культурного и ментального уровней?

6. Существуют ли особые лингвокультурологические категории, соотносящиеся с описанием языкового знака в связи с его отнесенностью к культуре?

7. Существуют ли особые методы анализа, которые позволяют выявить культурное содержание в языковом знаке?

8. Каким образом соотносится с коммуникативным поведением ментальный уровень, связанный с культурно-ценностными установками? Является ли коммуникативное поведение индивидуальной особенностью личности или существуют особенности коммуникативного поведения представителей лингвокультурного сообщества?

9. Какие лингвистические парадигмы наиболее тесно связаны с описанием лингвокультурного взаимодействия? Возможно ли и продуктивно ли проводить описание интеракции культуры и языка в рамках других направлений лингвистического анализа или такое описание должно быть сосредоточено в рамках лингвокультурологической парадигмы?

Все перечисленные выше вопросы логично укладываются в те направления, которые активно разрабатываются в рамках лингвокультурологических штудий или которые составляют точки пересечения лингвокультурологии и сопряженных с нею других языковедческих парадигм.

Изучение корреспонденций языка и культуры прежде всего требует уточнения исходного понятия культуры. Многообразие подходов к этой проблеме сводится к семи основным концепциям определения культуры, шесть из которых были обозначены американскими антропологами А. Кребером и К. Клакхоном [Kroeber, Kluckhohn 1952] еще в 50-е гг. XX в. и впоследствии дополнены выделенным позже семиотическим подходом [Иванова 2004б: 10—11]. Суммарное прочтение данных интерпретаций культуры сводится к ее истолкованию как трансляции ценностной информации, передающейся последующим поколениям небиологическим путем. В конечном итоге наполнение культуры определяется ее тремя составляющими: (1) цивилизационной, которая связана с прохождением обществом различных стадий технического и технологического прогресса, (2) социально-психологической, которая раскрывается через особенности проявления нравственности, и (3) модусной, указывающей на способы освоения действительности [Иванова 2004а: 16]. Соответственно, культурное содержание языкового знака может быть идентифицировано как попадающее под одну из приведенных выше составляющих.

Определение культурного содержания выводит на значительное количество исследований, посвященных тому, *каким образом* это культурное содержание передается в языковом знаке и в *какой части* языкового знака оно локализуется. С одной стороны, культурное содержание ищут в языковом знаке, соотнося его с различными аспектами значения или со смыслами, которые передаются в речи при употреблении языковой единицы [Иванова, Чанышева 2010: 193]. С другой стороны, культурное содержание обнаруживают в ментальных сущностях. К таковым относят концепты, составляющие концептосферу, фреймы, сценарии, гештальты, стереотипы.

Среди всех культураносных и культуросозначимых ментальных сущностей в настоящее время наибольшую исследовательскую распространенность получил концепт [Тер-Минасова 2007: 36—38]. «Основная ячейка культуры в ментальном

мире человека» [Степанов 2001: 43], концепт является образованием двойной природы: он принадлежит ментальному миру и миру культуры. Соответственно, концепт обладает достаточной эвристической силой, обеспечивая выход на концептосферу социума, с одной стороны, и фиксируя коллективный опыт и делая его достоянием индивида, таким образом проливая свет на индивидуальное сознание, с другой [Карасик 2002: 137—141; Прохоров 2011: 24].

Теория концепта, типология концептов — все это выросло, в конечном итоге, в отдельное направление, изучающее концепты как национально-детерминированные информационные структуры сознания [Прохоров 2011: 28], как носители «ценностной культурной информации, которая имеет невербальное воплощение, обладает определенной внутренней организацией... отличается определенной динамикой формирования и эволюционирования благодаря различным формам переживания и осмысления мира, способностью накапливать информацию, а также способностью к вербальному преобразованию посредством некоего множества языковых знаков» [Зыкова 2014: 14]. Именно концептологии в ее части, касающейся культурного и лингвокультурного концепта, посвящена глубокая аналитическая и полемически заостренная статья *С.Г. Воркачева* (Краснодар, Россия) «*Ex Pluribus Unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование*».

Видный отечественный лингвокультуролог и лингвокогнитолог подчеркивает несомненный эвристический потенциал концепта как «синтезного ментально-вербального образования». Вместе с тем автор отмечает, что суровая критика, которой подвергается как сам термин «концепт», так и дисциплина «концептология», обусловлены идеологическими позициями противников идеи этноспецифичности языка и культуры. Безусловно заслуживающим внимания является вывод *С.Г. Воркачева* о том, что сверхзадачей лингвоконцептологии является «установление структуры этнического менталитета носителей определенной лингвокультуры и его концептуального наполнения».

Попыткой раскрыть особенности менталитета этноса через описание конкретного концепта является статья *П.Г. Логиновой* (Москва, Россия) «Лингвокультурный концепт „вино“ в языковом сознании французов». На материале паремий французского языка, имеющих отношение к лингвокультурной сфере «виноделие», в работе раскрываются некоторые элементы национальной культуры французского народа. Отражая французскую культуру, изучаемые паремии раскрывают своеобразие языкового развития, условия жизни и быта народа.

Хотя отношения между языком и культурной идентичностью говорящего на нем индивида неоднозначны, язык является чувствительным индикатором отношений между человеком и лингвокультурным сообществом, которому он принадлежит [Kramsch 1998: 77]. Рассмотрение особенностей индивидуального сознания составляет предмет лингвоперсонологии, такого направления лингвокультурологических исследований, которое связано с изучением лингвокультурных особенностей проявления отдельной личности или идентичности [Карасик 2015: 157], с анализом лингвокультурных типажей. В основе данного направления лежит теория языковой личности *Ю.Н. Караулова* [Караулов 1987], которая широко используется как в лингвокультурологии, так и в лингводидактике.

Наряду с описанием отдельной личности лингвокультурологические изыскания касаются описания всего лингвокультурного сообщества. В этом плане интерес представляют разные параметры его лингвокультурологического портретирования: коммуникативное поведение, языковое сознание, языковая картина и модель мира [Гладкова 2010; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012; Корнилов 2003; Wierzbicka 2003, 2006 и др.]. Языковая картина мира, которая понимается как «многомерная система образов, представлений, знаний, существующая в сознании как отдельной языковой личности, так и социальной группы, этноса в целом, которому эта личность принадлежит» [Ковшова 2016: 63], реконструируется за счет анализа разнообразных вербальных проявлений, «овнешняющих» культурное содержание. Именно в этом ключе проведено исследование *К.Э. Болотиной* (Москва, Россия).

В статье «Прецедентные феномены в языковой картине мира квебекцев» автор останавливается на прецедентных текстах, именах, высказываниях и ситуациях, которые образуют культурное пространство жителей данной канадской провинции, отражая особенности их менталитета и значимые этапы исторического развития.

Этнокультурный дискурс ярко раскрывается в коммуникативном поведении представителей лингвокультурного сообщества [Larina 2015: 204—208], поскольку анализ коммуникативного поведения позволяет описать широкий историко-культурный контекст [Прохоров, Стернин 2006: 35]. Соответственно, анализ коммуникативного поведения может пролить свет на особенности менталитета и ценностные ориентиры определяющие речеповеденческие нормы представителей различных лингвокультурных общностей [Ларина 2009, 2013; Леонтович 2005; Kecskes 2014; Leech 2014; Leech, Larina 2014; Wierzbicka 2003, 2006 и многие др.]. Именно эта задача решается *Е.К. Черничкиной* и *О.В. Луновой* (Волгоград, Россия) в статье «Псевдокоммуникация vs квазикоммуникация в русской и английской лингвокультурах». Строгость методологии и тщательность выполнения аналитической процедуры позволяет авторам описать оба вида фиктивной коммуникации, объединенных параметром смысловой выхолощенности.

Одним из важнейших направлений в лингвокультурологии является уточнение ее понятийного и методологического аппарата, поскольку наличие строго постулированной концептуальной основы и дефинированного категориального аппарата представляет собой одно из солидных свидетельств полноценного существования научной парадигмы. Сложность, которую испытывают ученые при формировании методологической базы этой науки, связана с разночтением лингвистов в трактовках языка и культуры, существованием смежных парадигм, терминология которых повлияла на выбор лингвокультурологов [Комарова 2012: 535—537], а также относительной молодостью данной дисциплины.

При выделении лингвокультурологических категорий многие исследователи сходятся во мнении о существовании категории «свой—чужой». Как отмечает акад. Ю.С. Степанов, различие по линии «свой—чужие» относится к древнейшим архетипическим представлениям человека [Степанов 2001: 135—143]. Более того, «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является

одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2001: 126]. Соответственно, категория «свой—чужой» может в полной мере претендовать на статус базовой культурологической категории, отвечающей за категоризацию действительности по принципу принадлежности существующих объектов к своей личной сфере, то есть себе самому или своему личному пространству, как физическому, так и ментальному, или выходящему за рамки данного пространства [Иванова 2010: 120].

Оппозиция «свой—чужой» лежит в основе процесса стереотипизации при демонизации образа России западными СМИ. Именно этот пример вербального выражения стереотипного мышления подвергает анализу *Т.А. Фоменко* (Коломна, Россия) в статье «Образ врага как стереотип мышления». Поставленная к решению задача достигается автором в результате использования лингвокультурологического анализа, нацеленного на описание культуросферы «сквозь призму языка и дискурса и культурного фона коммуникативного пространства» [Красных 2002: 13].

Исследовательское поле лингвокультурологии неизбежно пересекается с другими смежными языковедческими направлениями, которые также ставят вопросы изучения лингвокультурного взаимодействия сквозь призму своей методологии и проблематики. Одной из таких дисциплин является теория перевода. Так, в статье *П.С. Тасенко, Н.Ю. Нелюбовой и В.И. Еришова* (Москва, Россия) «Использование приема адаптации при переводе текстов художественной литературы (на примере перевода на русский язык романов „Дама с камелиями“ и „Грозовой перевал“») анализу подвергаются лексические трансформации в процессе перевода. Проведенное исследование подтверждает, что в переводе оригинального художественного текста реализация эстетической функции за счет сохранения художественного стиля не менее важна, чем передача информации текста.

С другой стороны, лингвокультурология тесно соприкасается с сопоставительным и сравнительным языкознанием. Как отмечает *В.Г. Гак*, «практически нет ни одного лингвистического метода, ни одной современной языковедческой теории, которую не попытались бы поставить на службу сопоставительному изучению языка, использовать в контрастивных целях» [Гак 1989: 15].

В то же время и сопоставительная и контрастивная лингвистика обильно используются лингвокультурологами. Более того, они выступают с тезисом о необходимости развития сопоставительной лингвокультурологии. Сопоставительный аспект представлен в трех статьях данного журнала. В статье *Ж. Багана и Е.С. Яковлевой* (Белгород, Россия) «Национально-культурные особенности лексем „кошка“ и „собака“ на материале английского и китайского языков» раскрывается национально-культурная специфика обозначенных выше лексем. Авторы привлекают анализ фразеологических единиц, на основании которого они выделяют культурно-значимые смыслы, представляющие наибольшую трудность в процессе межкультурной коммуникации.

Статья *К.Г. Егоровой и Ан Сан Чоль* (Якутск, Россия) «Усечения в корейском интернет-языке» сфокусирована на анализе интернет-коммуникации как новой формы общения. Авторы делают несколько весьма важных выводов, касающихся

механизмов усечения в процессе интернет-коммуникации. Одним из таких регуляторов в глобальной сети выступает смысл, что еще раз подчеркивает всеобъемлющий характер данного феномена речи.

А.А. Смирнитская (Москва, Россия) в статье «Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов» выявляет специфику бифуркативной системы родственных терминов. Полученные данные о семантических переходах чрезвычайно важны при составлении толковых и переводных словарей, в антропологических исследованиях, а также для реконструкции значения в сравнительно-историческом языкознании. Нельзя не согласиться с автором в том, что системное понимание семантических связей в лексике родства позволяет пролить свет на концептуальное пространство культуры.

Обзор подборки статей «Вестника» на фоне обращения к основополагающим проблемным зонам лингвокультурологии убеждает в несомненности ее достижений. Те рубежи, на которые она вышла по истечении двадцатилетнего срока своего «засвидетельствованного» существования, — это рубежи, которые лингвокультурология как языковедческая парадигма уверенно и прочно заняла методологически, концептуально и эмпирически. В этом плане номер, который Вы держите в руках, полностью укладывается в заданные лингвокультурологической проблематикой рамки и доказывает ее научную состоятельность и востребованность, эвристическую значимость и практическую ценность.

© Дата поступления: 27.05.2016
Дата принятия в печать: 28.05.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010.
- [2] Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5—17.
- [3] Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянской культуры, 2010. (Язык. Семиотика. Культура).
- [4] Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012 (Язык. Семиотика. Культура).
- [5] Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
- [6] Иванова С.В. Дейктико-аксиологическая природа категории «свой—чужой» // Homo loquens в языке, культуре, познании: сборник научных статей. К 70-летию профессора Р.З. Мурясова / Отв. ред. З.З. Чанышева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 120—132.
- [7] Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: РИО БашГУ, 2004(а).
- [8] Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004(б).
- [9] Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
- [10] Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Перемена, 2015.
- [11] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- [12] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

- [13] Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- [14] Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- [15] Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012.
- [16] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. М.: ЧеРо, 2003.
- [17] Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика. Культура).
- [18] Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.
- [19] Леонтович О.А. Парадоксы межкультурного общения. М.: ИТДГК «Гнозис», 2005.
- [20] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.
- [21] Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. Учебное пособие. М.: Флинта, 2011.
- [22] Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006.
- [23] Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
- [24] Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- [25] Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.
- [26] Kecskes I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- [27] Kramsch C. *Language and Culture*. Oxford University Press, 1998. [X].
- [28] Kroeber A.L., Kluckhohn C. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge, Mass., 1952. [VIII].
- [29] Larina T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. 7. P. 195—215.
- [30] Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford Studies in Sociolinguistics. New York, Oxford: Oxford University Press, 2014. [XVI].
- [31] Leech G., Larina T. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*. Vestnik RUDN (former Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics). 2014. 4. Pp. 9—34.
- [32] Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2-nd edition. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. [XXIX].
- [33] Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

CULTURAL LINGUISTICS: STUDYING LINGUOCULTURAL UNIVERSUM

Svetlana V. Ivanova

Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Faculty of Romance and Germanic Philology Bashkir State University
Kommunisticheskaya str., 19, Ufa, Russia, 450074

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

EX PLURIBUS UNUM: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК СИНТЕЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С.Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2-А, Краснодар, Россия, 350072

Рассматриваются содержание и особенности российского дисциплинарного ответвления антропологической лингвистики — лингвокультурной концептологии, а также ее базового термина — лингвокультурного концепта. Устанавливается, что лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, главным из которых является присутствие в его семантике нескольких качественно отличных составляющих, в которых отражается междисциплинарный характер использующей его дисциплины.

О состоятельности российской лингвокультурной концептологии как научной дисциплины свидетельствует факт обладания своей собственной терминологической системой, включающей как общепрофессиональные, так и узкопрофессиональные терминологические единицы. При всей целостности эта терминосистема имеет свои слабые места, превращающие ее в объект критики. Помимо конструктивной критики, лингвокультурная концептология сталкивается с идеологически мотивированной критикой, отрицающей ее аксиоматику: само существование этноспецифичности языка и культуры.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, лингвокультурная концептология, лингвокультурный концепт, терминологическая система, язык, культура, этноспецифичность

1. ВВЕДЕНИЕ

Представления об ориентации знаков языка на носителя речи появились не вдруг, не сегодня и не на пустом месте: с известной долей натяжки и огрубления уже в античных теориях происхождения языка можно увидеть противопоставление антропологической и структурной лингвистических парадигм, когда возникновение языка «по договоренности» («тесей») предполагает ограничение последнего структурно-системными рамками, в то время как возникновение «по природе» («фюсей») предполагает связь языка с его «носителем» как частью той же природы.

Можно предполагать, что взгляды на язык как на сущностную характеристику *homo sapiens* в «эмбриональном виде» присутствовали в лингвистической теории

всегда, так же, как, впрочем, и представления о языке как системе «чистых противопоставлений» — вещи в себе и для себя, а лингвистическая мысль постоянно совершает челночные движения между доминантными точками структурной и антропологической парадигм. Эти движения вполне укладываются в две основные модели: маятника и спирали, и каждый шаг сопровождается «приращением смысла»: расширением эвристической базы соответствующей теории. Вместе с тем в наши дни всплеск интереса к антропологической лингвистике — это еще и реакция на экспансию политико-экономической глобализации в область культурно-языковых отношений и, тем самым это научное направление выполняет функции инструмента лингвокультурной экологии, в задачи которой входит сохранение много- и своеобразия национально-этнических языков и культур.

В истории лингвистики довольно четко прослеживаются пики интереса к одной или другой исследовательской парадигме: на смену В. фон Гумбольдту и гумбольдианству приходят Ф. де Соссюр и Л. Ельмслев, а с середины XX в. структурализм теснит антропологическая лингвистика в лице Э. Сепира (см.: [10. С. 64]).

2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

«Антропологический поворот» в науке о языке, начавшийся во второй половине прошлого века, отмечен выходом лингвистики за собственные границы в культуру, психологию, философию, логику и социологию. В контексте антропологической ориентации в начале 90-х гг. этого века в России возникло достаточно специфическое дисциплинарное направление лингвокультурной концептологии (см.: [12. С. 64—65]).

К числу непосредственных предшественников, внесших определяющий вклад в становление этого ответвления антропологической лингвистики, можно, прежде всего, причислить Анну Вежицкую, давшую первое определение лингвокультурного концепта и проанализировавшую «культуроспецифичные» концепты «дружба» и «свобода» (см.: [8. С. 203—499]), Н.Д. Арутюнову, проведшую лингвокультурологическое исследование концепта «истина/правда» и определившую лингвокультурные концепты как понятия жизненной философии и обыденные аналоги мировоззренческих терминов, закрепленные в лексике естественных языков (см.: [4. С. 3—6; 5. С. 617—631]), и Ю.С. Степанова, автора российского лингвоконцептологического словаря, впервые заговорившего о «многослойности» лингвокультурного концепта (см.: [30. С. 45—56]).

На фоне многочисленных лингвистических школ и направлений, учитывающих и исследующих связь языка с культурой в форме изучения тематических полей, семантических классов слов, установления зависимости языковых фактов и явлений от социальных и культурных факторов и т.п., лингвокультурная концептология выделяется своим комплексным и систематизированным подходом к предмету исследования и, может быть, в первую очередь — разработанностью своих исследовательских методик. Связь культурно маркированных операциональных единиц мысли со средствами их вербализации изучается здесь в един-

стве выделяемых разнокачественных составляющих — понятийной, образной и оценочной — при безусловном доминировании образной, на важность которой впервые обратил внимание В. фон Гумбольдт (см.: [16. С. 70]), а материал для исследования берется из всех возможных дискурсных областей.

Как корабль назовешь, так он и поплывет... «Внутренняя форма» российской разновидности антропологической лингвистики вполне прозрачна и не требует этимологизации: ее название задано именем ее базового термина — «лингвокультурного концепта», утвердившегося в таком качестве в ходе достаточно напряженной борьбы с такими конкурирующими именами, как «лингвокультура» [15. С. 44—56], «мифологема» [6. С. 130—134], «логоэпистема» [9. С. 70; 24. С. 32—65] и пр.

Лингвоконцептология — продолжение и развитие классической структурной и функциональной семантики (см.: [20. С. 93]), обогащенной данными многих смежных дисциплин: культурологии, когнитологии, социологии, истории и пр. Междисциплинарный характер этого ответвления антропологической лингвистики, объединившего предметные области нескольких достаточно разнородных научных направлений, вызвал к жизни потребность в новом понятии и новом термине, и, закономерно, такой термин появился: лингвокультурный концепт через свои составляющие «вобрал в себя» в «снятом виде» сущностные характеристики смежных дисциплин.

Как эвристическая категория — инструмент исследования — лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, в число которых входят (см. подробнее: [11. С. 14]) эмоциональная «переживаемость» (см.: [30. С. 41]); семиотическая («номинативная» — [19. С. 111]) плотность — представленность в плане выражения целым рядом языковых единиц и синонимизированных символов; ориентированность на план выражения — включенность имени концепта в ассоциативные связи, сложившиеся в лексической системе языка, и обладание специфической языковой метафорикой. И, пожалуй, главный отличительный признак лингвокультурного концепта — многомерность семантического состава, проявляющаяся в присутствии в его семантике нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений, страт, секторов и пр.).

Уже акад. Ю.С. Степанов выделял в семантическом составе лингвокультурного концепта понятийное, собственно культурное, собственно языковое (этимология, внутренняя форма) содержание, пассивный (исторический) и активный (актуальный) слои (см.: [30. С. 41—53]). В настоящее время в лингвоконцептологии чаще всего упоминаются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие (см.: [12. С. 67—68]), причем более или менее согласованное единство мнений существует лишь в отношении двух из них — понятийной и образной.

Понятийная составляющая ЛК-концепта включает в себя все то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов, представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области. Образная составляющая лингвокультурного концепта

разделяется на перцептивную, отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания, метафорическую, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию и прецедентную, включающую закрепленные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт. Под ценностной составляющей лингвокультурного концепта понимается его культурная значимость, позволяющая трактовать особо важные для какой-либо культуры смыслы как «культурные доминанты» [19. С. 142]. И, наконец, значимостная составляющая (см.: [12. С. 68—69]), куда входят парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, а также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность, определяется местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка.

Лингвокультурный концепт, как представляется, выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования в аспектах которого — в его составляющих — отражаются предметные области наполняющих этот концепт основных дисциплин: понятийная составляющая отражает дискурсивность и рациональность представления смысла, идущие от логики, образная — метафоричность и эмоциональность этого представления, идущие от психологии, значимостная — его вербальность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка, ценностная — аксиологичность такого представления, идущую от философии.

Нужно отметить, что синтезная, объединительная сущность лингвокультурного концепта ощущается многими исследователями языка и культуры: это и его «синкретизм» и гиперонимичность по отношению к образу и понятию (см.: [23. С. 102, 122, 165—166]) — «диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака» (23. С. 51), и интегративность ценности, концепта и образа (см.: [24. С. 23, 29]).

Лингвокультурная концептология — раздел или даже некая ипостась лингвокультурологии как омонима антропологической лингвистики: если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные лингвокультурными концептами — конституирующими единицами этнического менталитета (см.: [22. С. 112]) и организующим началом дискурса, когда, например, политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», а религиозный — вокруг концептов «вера» и «Бог» (см.: [33. С. 69; 7. С. 100—106]).

Конечная, в достаточной степени утилитарная и отдаленная цель лингвоконцептологии состоит в разработке единой универсальной системы лингвоконцептов через изучение отдельных ментально-вербальных единиц и отдельных национальных концептосфер. В то же самое время у лингвоконцептологии есть и «сверхзадача», обусловленная ее междисциплинарным характером: установление структуры этнического менталитета носителей определенной лингвокультуры и его концептуального наполнения.

Возникнув на российской почве в начале 90-х гг. XX в., лингвоконцептология где-то за неполных полтора десятка лет достигла точки своего апогея: число пуб-

ликаций, содержащих в своем названии слово «концепт», увеличилось чуть ли не на порядок, были изучены не только отдельные конкретные концепты, но и теоретические основы этой дисциплины. К середине «нулевых» в ее развитии наметились кризисные проявления, которые были сняты в ходе смены вектора развития с экстенсивного на интенсивный (см.: [12. С. 69—70]). Предметная область лингвоконцептологии изменилась за счет заполнения разрыва между конкретными лингвоконцептами и национальной концептосферой за счет выделения укрупненных единиц, в границах которых можно было бы изучать как сами эти концепты, так и их семантические противочлены; были досконально исследованы отдельные особо значимые для лингвокультуры концепты уже в формате докторских диссертаций, были выделены новые типы и разновидности лингвокультурных концептов, продолжилось дробление и дифференциация основных составляющих лингвокультурного концепта и объектом изучения стали уже части частей концепта — составляющие составляющих.

Можно предполагать, что состоятельность и зрелость какого-либо научного направления диагностируются по нескольким признакам и определяются на основе нескольких критериев, как прямых, так и косвенных.

Здесь, помимо существования отдельных ученых-лингвоконцептологов и наличия сформировавшихся научных школ, объединяемых общностью понимания предмета исследования — лингвоконцептологические школы сложились в Волгограде, Воронеже, Иркутске, Кемерово, Краснодаре и других городах России и ближнего зарубежья. Эти научные школы, связи между участниками которых носят неформальный характер, образуют своего рода «незримый колледж» (Д.Д. де Сола Прайс), у которого, в свою очередь, есть свой неформальный «печатный орган» — продолжающаяся «Антология концептов» (см.: [2; 3]), первый том которой увидел свет в 2005 г., а восьмой — в 2011 г. (1 и 2 тома были также переизданы одной книгой в издательстве «Гнозис»).

В этом многотомном издании собраны на сегодняшний день около двух сотен работ лингвоконцептологической направленности и представлены концепты самых разнообразных типов и уровней. Представленные в ней работы — препарированные авторефераты диссертаций, кандидатских и докторских, из которых убрана «паспортная часть» и сокращена до минимума часть теоретическая — превращают «Антологию» в ценное справочное пособие, из которого можно узнать о том, что происходит в мире лингвоконцептологии: что и как там уже сделано и что еще можно сделать. Источником информации о лингвоконцептологии служит также и достаточно активно посещаемый сайт «Проблемы лингвоконцептологии» (<http://лингвоконцепт.пф>; <http://lincon.narod.ru>).

При всем разбросе мнений относительно широты предметной области лингвоконцептологии — в число лингвокультурных концептов включаются семантические объекты от матрешки, водки и мата до Бога, ангела и смысла жизни — лингвоконцептологи практически едины в понимании своего базового термина как многомерного и многопризнакового ментального образования, отмеченного этнокультурной спецификой и находящего выражение в языке (см.: [10. С. 70]), что, по сути, представляет собой перифразу определения концепта А.А. Вежбицкой

(«Объект из мира „Идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире „Действительность“» — см.: [32. С. 90]).

Еще одним косвенным признаком, подтверждающим зрелость какой-либо научной дисциплины, выступает появление учебных курсов и пособий (см.: [21; 28]) и ее выход в лингводидактику — применение ее результатов в практике обучения языку (см.: [26]). Здесь же можно указать на выход лингвоконцептологии в лексикографическую практику — появление словарей концептов (концептуариев) ([см.: 30; 29]) и осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода (см., например: [1]).

Прямым же непосредственным свидетельством состоятельности научного направления, однако, выступает наличие у него своей собственной терминологической системы (см.: [13. С. 16—18; 14. С. 59—62]), которая может быть представлена как теория в широком, логическом смысле — «совокупность высказываний, замкнутых относительно логического следования» [17. С. 860] — и в которой отражается предметная область этого научного направления.

Общеотраслевая терминология, представленная в названиях и вводных разделах диссертаций и монографий лингвокультурологической направленности, включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс».

Понятие «картины мира» как глобального образа мира, пришедшее в лингвистику из физики и философии в ходе «антропологического поворота» парадигмы гуманитарного знания, приняло вид «(этно)языковой картины мира» как совокупности знаний о мире в обыденном сознании, зафиксированных в единицах языка. Поскольку в языке фиксируется отнюдь не вся информация о мире, то языковая картина предметно беднее концептуальной, отличается от последней этнокультурной спецификой и консерватизмом.

Имя «концептосфера», обозначающее совокупность концептов вообще, образованное по аналогии с «ноосферой» и «биосферой» и введенное в научный обиход акад. Д.С. Лихачевым, получая расширение «национальная, этническая, лингвокультурная», обозначает уже совокупность концептов лингвокультурных, выделяемых из языковой картины мира.

В свою очередь на национальной концептосфере выделяются по какому-либо признаку более дробные сегменты, включающие группы концептов: «концептуальные области (поля)», хотя, нужно заметить, концептуальная метафора сферы («шара») в случае концептосферы последовательно не проводится, и «концептосфера» обозначает как раз семантическую область: концептосферы «война», «жизнь», «возраст» и пр.

Под языковой личностью в лингвокультурной концептологии понимается закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, включающий мировоззренческие установки,

ценностные приоритеты и поведенческие реакции, отраженные в словаре — личность словарная, этносемантическая (см.: [10. С. 66; 19. С. 22]), которая выступает субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы.

Любая личность — индивидуальная или групповая — имеет собственные взгляды на мир и на свое место в нем, обладает собственным характером и признаками только ей стереотипами поведения, и все это, безусловно, отражается в ее языке. Под термином «языковой менталитет» понимается совокупность специфически национальных мировоззренческих, психологических и поведенческих установок языковой личности как усредненного представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего. Национальный менталитет, национальная ментальность и национальный характер — понятия соположенные и пересекающиеся и в лингвокультурологических исследованиях часто неразличающиеся.

Понятие дискурса как текста в единстве с экстралингвистическими условиями его реализации включено в терминосистему лингвоконцептологии через ее базовый термин — лингвокультурный концепт, выполняющий функцию организующего начала дискурса, когда политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», религиозный — вокруг концептов «вера» и «Бог» и пр.

Напрямую — через свою лексическую основу — в терминосистему лингвоконцептологии включено понятие концептуализации: процесса и результата «сотворения» концепта — структурирования знаний о мире. Соответственно, терминологическое наполнение этого понятия зависит от понимания концепта как *лингвокультурной* сущности: языковая концептуализация — это обогащение семантики определенного понятия признаками, заимствованными из семантики языковых показателей, лексикализирующих это понятие (см.: [18. С. 58—59]).

Узкоотраслевую, собственно дисциплинарную часть терминосистемы лингвоконцептологии образует прежде всего сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем его видовые номинации и номинации его составляющих.

Внутри этих родовых, дефиниционных границ по самым различным признакам выделяются разнообразные виды лингвокультурных концептов (см.: [12. С. 66—67]), как разноименные («культурная доминанта», «ключевая идея», «лингвокультурный типаж»), так и образованные путем адъективного расширения базового термина («телеономные, эмоциональные, иллюкативные, регулятивные, параметрические и пр. концепты»).

Выстраиваемый терминологический ряд открыт, его члены образуют довольно стройную, хотя и не жесткую систему, в которой они связаны отношениями включения, выводимости и смежности, где составляющие складываются в лингвокультурный концепт, который может выступать организующим началом дискурса и который сам входит в состав какой-либо концептуальной области, входящей в состав национальной концептосферы, выделяемой в свою очередь из языковой картины мира, в то время как языковая личность — носитель языкового менталитета — представляется субъектом языковой картины мира и националь-

ной концептосферы, а концептуализация — формой вербализации какого-либо понятийного содержания.

В своей массе единицы терминологического ряда лингвоконцептологии соответствуют большей части требований, предъявляемых к «идеальному термину», характеризуемому такими признаками, как лексическая и словообразовательная системность, наличие словарной пометы, тенденция к моносемичности в пределах своей терминологической области, стилистическая нейтральность, наличие дефиниции, отсутствие синонимии, точность, номинативность, независимость от контекста, куда можно было бы еще добавить отсутствие антонимии.

Так, например, базовый термин «лингвокультурный концепт», безусловно, отличается словообразовательной системностью («лингвоконцептология», «лингвоконцептологический анализ» и пр.), однако о наличии словарных помет говорить не приходится, поскольку в толковых словарях он отсутствует. Он стремится, насколько это у него получается, к однозначности и стилистически нейтрален в границах научного дискурса, у него имеется дефиниция. Он номинативен в том смысле, что отправляет к реалии исследовательского аппарата определенной научной области, а вот что касается точности, независимости от контекста и отсутствия синонимии, то здесь можно заметить, что его точность, в принципе, ограничивается контекстом теории, создаваемой определенной «школой» лингвоконцептологии либо отдельным исследователем, а наличие синонимов напрямую зависит от понимания его сущности последователями этих «школ».

Вместе с тем, в общем и целом, на фоне терминосистем естественных наук терминосистему лингвоконцептологии отличает определенная аморфность и «размытость» определений терминов, присутствие в ней синонимии, что свидетельствует, очевидно, как о «гуманитарной» ориентации этого научного направления, так и о динамизме его развития.

Вместе с тем при всей своей целостности терминосистема лингвокультурной концептологии остается открытой: она не анкилозировалась — не утратила гибкости и способности к саморазвитию.

Естественно, у нее имеются свои «болевые точки» и слабые места, превращающие ее в объект конструктивной и неконструктивной критики. Так, например, «врожденным пороком» лингвокультурной концептологии является идиоэтничность ее базового термина: имя «концепт» представляет собой своего рода скрытую семантическую кальку «понятия» и при попытке передачи на языки, в лексической системе которых присутствует соответствующий производящий латинский этимон (*conceptus/um*) оно утрачивает свою терминологическую «значимость», основанную на с таким трудом созданной противопоставленности «понятию», и требует описательного перевода. Кроме того, в практике сопоставительных лингвоконцептологических исследований не решена до конца проблема «тождества концепта»: являются ли смыслы, обладающие различным «телесным воплощением» в различных языках отдельными семантическими сущностями или же они представляют собой ипостасные реализации какого-то единого глубинного смысла? Опять же вполне конструктивным моментом критики лингвокультуроло-

логических исследований представляется указанием на такую «болеую точку» как отсутствие четкого критерия выделения базовых, «ключевых» лингвоконцептов, в число которых включаются и массовидность стереотипов при разноуровневости средств их выражения, и распространенность в лексической системе определенных презумпций (см.: [34. С. 26]) и пр. Здесь же стоит, очевидно, и неопределенность понимания культуры, которой обусловлена национальная специфика *лингвокультурного* концепта: берется ли здесь вся культура целиком, материальная и духовная, в противостоянии природе, либо только культура духовная (см.: [31. С. 143]).

К числу «побочных продуктов» лингвоконцептологического анализа можно отнести парадокс, возникающий при конституировании таких концептов, как, например, «ангел» и «дьявол», когда статус концепта приписывается его метафорически-образному воплощению: «ангел» и «дьявол» являются символами основных понятий бытия — «добра» и «зла», и это, по сути, означает, что в представлениях об ангеле персонифицируется, т.е. метафоризируется, концепт добра, а в представлениях о дьяволе — концепт зла. Здесь, по сути, происходит то же самое, что и в случае «концептов» черемухи, березы и прочих русских прагмонимов, символизирующих концепт России, но не являющихся отдельными концептами.

Нужно заметить, что лингвоконцептология стала в одночасье «модной наукой», у которой появилось множество последователей, что вполне предсказуемо привело к появлению изрядного числа низкокачественных и недобросовестных работ номинально лингвоконцептологической направленности, тем более что к этому располагает кажущаяся простота «лингвоконцептологического» подхода: бери любое слово, называй его «лингвокультурным концептом», и готово. Однако это отнюдь не так: лингвоконцептологическое исследование невозможно без обращения к опросу информантов, без использования данных корпусной лингвистики, без глубокого семантического анализа, в том числе и компонентного, без обращения к теории дискурса.

Совершенно естественно, подобный «лингвоконцептуализм без берегов» вызывает раздражение экспертного сообщества и предубеждение против лингвоконцептологии в целом, хотя невозможно винить «раскрученность» какого-либо брэнда в обилии подделок под него.

Помимо конструктивной критики, направленной на исправление недочетов и ошибок, лингвоконцептология сегодня сталкивается с идеологически мотивированной критикой «непримиримой оппозиции», отрицающей аксиоматику лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, соответственно, объективно не существует национального самосознания, национальной идентичности, национальной специфики, национального характера и менталитета и, конечно, лингвокультурного концепта как составляющей последнего. Методологические установки лингвоконцептологии отождествляются с «сильным» вариантом гипотезы лингвистической относительности, полностью растворяющим язык в мышлении, российскую лингвокультурологию обвиняют в «пособничестве» лингвонарциссизму (см.: [27. С. 139—142]), выражающемуся в любовании родным языком и всяческом его восхвалении, в частных беседах

ее называют даже «лингвистическим фашизмом», продолжая, очевидно, заочную полемику с неогумбольдианством в лице Лео Вайсгербера. При этом, однако, забывается о том, что лингвоконцептология основывается, скорее, на «слабом» варианте гипотезы Сепира-Уорфа: каким-то образом взаимосвязаны язык и культура, но не язык и мышление в целом.

Позиция подобных «гонителей» лингвоконцептологии находит свое объяснение в установке Евросоюза и глобализма в целом на нивелирование сознания и «гомогенизацию» культурно-языкового «раствора» подобно созданию однородности в экономическом пространстве.

Можно также отметить, что под давлением критики лингвокультурная концептология превращается в лингвокультурную «криптоконцептологию», когда ее базовый термин («лингвокультурный концепт») «умалчивается» либо заменяется на какой-либо другой, близкий по смыслу термин («семантическая константа», «семантическое единство» и пр.), в то время как наработанная ею исследовательская методика сохраняется в полном объеме.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Антропологический поворот» в науке о языке отмечен выходом лингвистики за собственные границы в культуру, психологию, философию, логику, социологию и возникновением в России специфического дисциплинарного направления — лингвокультурной концептологии, представляющей собой продолжение и развитие структурной и функциональной семантики, обогащенной данными смежных дисциплин. Междисциплинарный характер этого ответвления антропологической лингвистики, объединившего предметные области нескольких достаточно разнородных научных направлений, вызвал к жизни потребность в новом понятии и новом термине, который и появился: лингвокультурный концепт через свои составляющие «вобрал в себя» в «снятом виде» сущностные характеристики смежных дисциплин.

Лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, главным из которых является многомерность семантического состава: присутствие в его семантике нескольких качественно отличных составляющих. Лингвокультурный концепт выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования, в составляющих которого отражаются предметные области наполняющих этот концепт основных дисциплин.

Состоятельность и зрелость какого-либо научного направления диагностируются по нескольким косвенным признакам: наличию сформировавшихся научных школ, объединяемых общностью понимания предмета исследования и базового термина, выходу в лингводидактику, в лексикографическую практику и в практику перевода. Прямым же свидетельством состоятельности научного направления выступает обладание своей собственной терминологической системой.

Общотраслевая терминология лингвокультурной концептологии включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная)

концептосфера), «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс». Узкоотраслевую часть этой терминосистемы образует прежде всего сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем его видовые номинации и номинации его составляющих.

При всей своей целостности терминосистема лингвокультурной концептологии остается открытой, хотя она имеет свои слабые места, превращающие ее в объект критики. Помимо конструктивной критики, направленной на исправление недочетов и ошибок, лингвоконцептология сегодня сталкивается с идеологически мотивированной критикой, отрицающей ее аксиоматику: существование этноспецифичности языка и культуры.

© Дата поступления: 07.01.2016
Дата принятия в печать: 01.03.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Александрович Н.В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
- [2] Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1—8. Волгоград: Парадигма, 2005—2011.
- [3] Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
- [4] Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3—7.
- [5] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- [6] Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре // RES LINGUISTICA. Сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. М.: Academia, 2000. С. 130—147.
- [7] Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007.
- [8] Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
- [9] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1999.
- [10] Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
- [11] Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: Становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13—22.
- [12] Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64—74.
- [13] Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. Вып. 3(49). С. 12—20.
- [14] Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 12. Воронеж, 2014. С. 50—69.
- [15] Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: РУДН, 1997.
- [16] Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков

в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Госучпедиздат Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 68—86.

- [17] Ивин А.А. *Философия: энциклопедический словарь*. М.: Гардарики, 2004.
- [18] Исаева Л.А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» // *Культурная жизнь Юга России*. Краснодар, 2012. № 2. С. 58—60.
- [19] Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис, 2004.
- [20] Карасик В.И. *Языковая матрица культуры*. М.: Гнозис, 2013.
- [21] Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. *Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу*. Волгоград: Перемена, 2014.
- [22] Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999.
- [23] Колесов В.В. *Философия русского слова*. СПб.: ЮНА, 2002.
- [24] Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. *Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века*. СПб.: Златоуст, 2001.
- [25] Маслова В.А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ? // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 3. С. 23–31.
- [26] Мишатина Н.Л. *Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход*. СПб.: Наука: САГА, 2009.
- [27] *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. СПб.: Антология, 2013.
- [28] Пименова М.В., Кондратьева О.Н. *Введение в концептуальные исследования: учебное пособие*. Кемерово: КемГУ, 2009.
- [29] *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый* / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004.
- [30] Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Языки русской культуры, 1997.
- [31] Стернин И.А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии // *Человек. Язык. Культура*. Ч. 1. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. С. 138—149.
- [32] Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // *Язык и наука конца 20 века*. М.: РГГУ, 1995. С. 74—117.
- [33] Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 2004.
- [34] Шмелев А.Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2011. Вып. 4(38). С. 21—33.

EX PLURIBUS UNUM: LINGUOCULTURAL CONCEPT AS AN INTEGRAL ENTITY

S.G. Vorkachev

Kuban State Technological University
Moskovskaja st., 2, building A, Krasnodar, Russia, 350072

Content and peculiarities of the Russian branch of anthropological linguistics — linguocultural conceptology — as well as its basic term — linguocultural concept — are studied. It is established that linguocultural concept possesses a set of differential features most important of which is the presence of various different components reflecting the interdisciplinary character of this discipline in its semantics.

Disciplinary status of the Russian linguocultural conceptology is proved by the fact of possessing its own terminological system which includes both general linguistics terms and special terms. Being rather integral this system has its weak points turning it into an object of criticism. Apart from the constructive criticism linguocultural conceptology is confronted with ideologically motivated criticism which denies its basic axiom: the existence of the language and culture ethnospecificity.

Key words: anthropological linguistics, linguocultural conceptology, linguocultural concept, terminological system, language, culture, ethnospecificity.

REFERENCES

- [1] Aleksandrovich N.V. *Konceptosfera hudozhestvennogo proizvedeniya v originale i perevode (na materiale romana F.S. Ficdzheral'da «Velikij Gehtsbi»): avtoref. dis.... kand. filol. nauk.* Volgograd, 2010.
- [2] *Antologiya konceptov.* Ed. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Vol. 1—8. Volgograd: Paradigma, 2005—2011.
- [3] *Antologiya konceptov.* Ed. V.I. Karasika, I.A. Sternina. M.: Gnozis, 2007.
- [4] Arutyunova N.D. *Vvedenie // Logicheskij analiz yazyka.* Mental'nye dejstviya. M.: Nauka, 1993. P. 3—7.
- [5] Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka.* M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
- [6] Bazylev V.N. *Mifologema skuki v russkoj kul'ture. RES LINGUISTICA. Sbornik statej. K 60-letiyu professora V.P. Neroznaka.* M.: Academia, 2000. P. 130—147.
- [7] Bobyreva E.V. *Religioznyj disurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya).* Volgograd: Peremena, 2007.
- [8] Vezhbickaya A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov.* M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
- [9] Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *V poiskah novyh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya reche-povedencheskih taktik.* M.: Institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 1999.
- [10] Vorkachev S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v yazykoznanii. Filologicheskie nauki.* 2001. No. 1. P. 64—72.
- [11] Vorkachev S.G. *Lingvokul'turnaya konceptologiya: stanovlenie i perspektivy. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2007. Vol. 66. No. 2. P. 13—22.
- [12] Vorkachev S.G. *Rossijskaya lingvokul'turnaya konceptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2011. Vol. 70. No. 5. P. 64—74.
- [13] Vorkachev S.G. *Lingvokul'turnaya konceptologiya i eyo terminosistema (prodolzhenie diskussii). Politicheskaya lingvistika.* Ekaterinburg, 2014. Vyp. 3(49). P. 12—20.
- [14] Vorkachev S.G. *Semiotika lingvokul'turnogo koncepta i terminosistema lingvokul'turnoj konceptologii. Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda.* Voronezh, 2014. Vyp. 12. P. 50—69.
- [15] Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody).* M.: RUDN, 1997.
- [16] Gumboldt V. fon. *O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyanii na duhovnoe razvitie chelovecheskogo roda. Zvegincev V.A. Istoriya yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah.* Ch. 1. M.: Gosuchpedizdat Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1960. P. 68—86.
- [17] Ivin A.A. *Filosofiya: ehnciklopedicheskij slovar'.* M.: Gardariki, 2004.
- [18] Isaeva L.A. *O sootnoshenii ponyatij «konceptualizaciya», «stereotipizaciya» i «precedentizaciya».* *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii.* Krasnodar, 2012. No. 2. P. 58—60.
- [19] Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs.* M.: Gnozis, 2004.
- [20] Karasik V.I. *Yazykovaya matrica kul'tury.* M.: Gnozis, 2013.
- [21] Karasik V.I., Krasavskij N.A., Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnaya konceptologiya: uchebnoe posobie k speckursu.* Volgograd: Peremena, 2014.
- [22] Kolesov V.V. *«Zhizn' proiskhodit ot slova...».* SPb.: Zlatoust, 1999.

- [23] Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova*. SPb.: YUNA, 2002.
- [24] Kostomarov V.G., Burvikova N.D. *Starye mekhi i molodoe vino. Iz nablyudenij nad russkim slovoupotrebleniem konca 20 veka*. SPb.: Zlatoust, 2001.
- [25] Maslova V.A. *Strannik v russkoj lingvokul'ture: cennost', koncept, obraz?* *Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika*. 2015. No. 3. P. 23—31.
- [26] Mishatina N.L. *Metodika i tekhnologiya rechevogo razvitiya shkol'nikov: lingvokonceptocentricheskij podhod*. SPb.: Nauka: SAGA, 2009.
- [27] *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskah «ehtnicheskoj mental'nosti»*. SPb.: Antologiya, 2013.
- [28] Pimenova M.V., Kondrat'eva O.N. *Vvedenie v konceptual'nye issledovaniya: uchebnoe posobie*. Kemerovo: KemGU, 2009.
- [29] Brileva I.S., Vol'skaya N.P., Gudkov D.B., Zaharenko I.V., Krasnyh V.V. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turolo-gicheskij slovar': Vyp. pervyj*. M.: Gnozis, 2004.
- [30] Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya*. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997.
- [31] Stermin I.A. *O nekotoryh diskussionnyh problemah lingvokul'turologii. Chelovek. Yazyk. Kul'tura*. Ch. 1. Kiev: Izdatel'skij dom D. Burago, 2013. P. 138—149.
- [32] Frumkina R.M. *Est' li u sovremennoj lingvistiki svoya ehpistemologiya?* *Yazyk i nauka konca 20 veka*. M.: RGGU, 1995. P. 74—117.
- [33] Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. M.: Gnozis, 2004.
- [34] Shmelev A.D. *Vsegda li nauchnoe izuchenie russkogo yazyka yavlyaetsya proyavleniem «lingvonarcissizma»?* *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg, 2011. Vyp. 4(38). P. 21—33.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ВИНО» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ФРАНЦУЗОВ

П.Г. Логинова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу лингвокультурного концепта «вино» и его роли в культуре и сознании французского народа. Показано, что лингвокультурный концепт «вино» представляет собой сложное ментальное образование, функционирует как способ интерпретации реальности коллективного сознания и является богатым источником культурной информации. В качестве объекта исследования выступили единицы паремиологии (раздела фразеологии) — паремии, основным назначением которых является краткое вербальное выражение ценностей и взглядов, основанных на жизненном опыте и традициях этноса. Материалом для исследования послужила картотека паремий — французских пословиц и поговорок в количестве 150 единиц, номинирующих концепт «вино», которые были подвергнуты семантическому, лингвокогнитивному и лингвокультурологическому анализу. Данные языковые единицы были выделены нами путем сплошной выборки из существующих для рассматриваемого языка наиболее авторитетных толковых словарей; также материалом для исследования послужили результаты анкетирования носителей языка. Мы ограничились семантическими группами «духовный мир человека и вино», а также «вино как интерпретация народной мудрости». Данные семантические группы являются малоизученными и весьма непростыми для перевода, в них наиболее ярко прослеживаются особенности менталитета.

В статье показано, что в паремиях французского языка, имеющих отношение к лингвокультурной сфере «виноделия», в полной мере раскрывается национальная культура французского народа и его отношение к вину. Своеобразие языкового развития, условия жизни народа, его быт, оказывают влияние, обуславливая их семантику и по-своему отражая национальную французскую культуру. Автор также акцентирует внимание на особенностях языкового сознания французов, которые создают серьезные лингвокультурные барьеры при переводе.

Ключевые слова: языковое сознание, культурные ценности, лингвокультурный концепт, вино, культурная информация.

1. ВВЕДЕНИЕ

Вино как категория мировой культуры сформировалось еще в I веке до н.э., в эпоху владычества Римской империи, когда кельтский народ из Нарбонской провинции, расположенной на юге Галлии, получил право производить вина. На мировую арену по производству вин вышли ведущие мировые винодельческие державы — Франция, Италия и Испания (в настоящее время к ним присоединились также и так называемые страны Нового Света (Аргентина, Южная Африка, Новая Зеландия, Чили). Таким образом, уже начиная с глубокой древности во французском, итальянском и испанском языках стали формироваться языковые единицы, тем или иным образом описывающие вино и связанные с ним реалии жизненного уклада, традиции, обычаи народов и их культурные ценности.

Во французской лингвокультуре вино представляет собой одновременно и ценность, и концепт. Вслед за В.А. Масловой мы убеждены, что «любое понятие, имеющее смысловую составляющую, может стать ценностью при соответствующем культурном контексте его функционирования» [10. С. 25]; концепт же

представляет из себя «единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [1. С. 41].

Лингвокультурный концепт «вино» представляет собой сложное ментальное образование, функционируя как способ интерпретации реальности коллективного сознания и одновременно являющийся богатым источником культурной информации. В связи с вышеизложенным анализ языковых единиц, номинирующих лингвокультурный концепт *вино*, наряду с изучением лингвокультурной сферы «виноделие» представляется нам более чем заслуживающим внимания.

В качестве социокультурного феномена и фрагмента языковой картины мира концепт «вино» находится в фокусе внимания широкого круга филологов и языковедов, изучающих данное явление в рамках лингвокультурологии и лингвистики. На материале русского языка с этнолингвистической точки зрения концепт «вино» был рассмотрен в работах А.А. Юнаковской; комплексное лингвокогнитивное исследование фрагмента «винопитие» в русской культуре представлено в работе Т.С. Глушковой [3]; с литературоведческой и художественной точки зрения структура и содержание концепта «вино» в русской поэзии было рассмотрено в работе И.С. Головановой [4]; языковые средства презентации предметной области «дегустация вина» были исследованы в работе К.М. Гриненко [2].

Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных анализу концепта «вино» с самых разных лингвистических, лингвокультурологических и литературоведческих точек зрения, работ, посвященных анализу языковых единиц, номинирующих лингвокультурный концепт «вино» сквозь призму национального характера французов на материале французского языка, немного. Фрагментарно исследование языковых единиц данного лингвокультурного концепта на материале французского языка представлено в работах Ж.В. Кургузенковой [8] и К.М. Романовой [12].

В нашем исследовании мы ограничились фразеологическими номинациями лингвокультурного концепта «вино». В паремиологии как части фразеологии, посвященной изучению и классификации паремий, пословицам, пословичным выражениям и поговоркам отведена особая роль. Они представляют собой образные единицы и знаки языка, обозначающие типичные мысленные и жизненные ситуации, и являются необходимыми элементами коммуникации.

Цель данного исследования — проанализировать французские пословицы и поговорки, номинирующие концепт «вино» в рамках двух семантических групп, обозначить их лингвокультурологическую специфику, показать особенности менталитета, истории, быта французского народа, а также акцентировать внимание на трудностях семантики и показать, какие фоновые знания необходимы для их понимания.

Материалом для настоящего исследования послужили французские пословицы и поговорки в количестве 150 единиц, номинирующие концепт «вино», которые были подвергнуты семантическому, лингвокогнитивному и лингвокульту-

рологическому анализу. Данные языковые единицы были выделены нами путем сплошной выборки из существующих для рассматриваемого языка идеографических и наиболее авторитетных толковых словарей; также материалом для исследования послужили результаты анкетирования носителей языка за последние 5 лет.

Научная новизна исследования состоит в установлении лингвистических, когнитивных и психологических факторов, влияющих на возникновение пословиц и поговорок, а также в исследовании механизма отражения в них сознания, бытия и условий жизни французского народа. Показаны связи между национальным характером французов и его отражением в конкретных единицах языка.

Актуальность работы определяется общей тенденцией современной лингвистики к изучению языковых единиц различных этносов и возрастающим интересом к исследованию когнитивных механизмов, которые связывают язык и сознание, а также необходимостью изучения способов отражения в языке национального характера.

В работе были применены общие методы и частнометодические приемы исследования: метод контекстного анализа, заключающийся в расчленении фразеологического и лексического значения на семантические элементы — семы; сравнение словарных и контекстуальных значений фразеологических единиц (сопоставительный анализ). Общий подход к исследованию — индуктивно-дедуктивный (от анализа конкретного материала к обобщениям).

2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Вслед за С.Г. Воркачевым мы полагаем, что «язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны и образуют средостение личности — место сопряжения ее физического, духовного и социального Я» [1. С. 24], что наглядно демонстрируется в лингвокультурологии, где значение анализируемых языковых единиц раскрывается сквозь их образы и ассоциации, отражающие языковое сознание носителей того или иного языка или культуры. Неотъемлемой частью языкового сознания является *лингвокультурный концепт*.

Следуя за В.И. Карасиком, мы полагаем, что «лингвокультурный концепт представляет из себя условную ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [7. С. 2]. «Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, — это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания» [1. С. 26], — отмечает С.Г. Воркачев.

Однако в современной российской лингвистике понимание сущности лингвокультурного концепта представляется неоднозначным и весьма противоречивым, несмотря на активные исследования данного явления лингвистической науки (начало исследования концепта было положено в 90-х гг. прошлого столетия).

Мы полностью согласимся с Э. Лассан, утверждающей, что «теоретический аппарат, используемый в российской лингвистике, чрезвычайно перегружен как

привлечением терминологии семантического анализа, так и аппарата когнитивной лингвистики» [9. С. 10]. Мы также полагаем, что «соотношение между лексическим значением, многозначностью и концептом остается все столь же размытым...» [9. С. 9]. Тем не менее, несмотря на призыв Э. Лассан отказаться от использования термина «концепт» в пользу лексической единицы «понятие» (с одной стороны, безусловно, гораздо более ясной и логичной для русского языка), в своей работе мы намерены придерживаться термина «концепт», так как он представляется нам более всеобъемлющим, уже включающим в себя самую сущность «понятия».

Возвращаясь в данной связи к трудам В.И. Карасика, мы полагаем, что культурный концепт, являясь основной единицей лингвокультурологии, представляет собой *«многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны»* [6. С. 84].

Смысловая составляющая (ментальная функция), которую несет в себе лингвокультурный концепт, также заслуживает пристального внимания. Вслед за В.А. Масловой мы убеждены, что лингвокультурный концепт представляет собой *«ментальный способ репрезентации действительности... это как бы сгусток смысла, несущий важную культурную информацию и выраженный в виде знаков (в широком понимании знака): в языке, в искусстве»* [10. С. 25].

Э. Лассан, в свою очередь, определяет концепт как *«проявление интеллектуальной деятельности, как рефлексии над действительностью, однако эта рефлексия сохраняет память чувственного опыта (эмоции, оттенки, ассоциации и т.п.)»* [9. С. 15]. Интересно и доказательство Э. Лассан того факта, что концепт, не имея своей языковой природы, представляет собой *«ментальную сущность, репрезентацию, которую можно эксплицировать на языковом уровне (через посредство операций лингвистического характера), которая требует определенного языка описания»* [9. С. 15].

С самой сущностью лингвокультурного концепта тесным образом связано языковое сознание, в силу того, что «любой концепт — это элемент определенной концептуальной системы *носителя сознания* как информации о действительном или возможном положении вещей в мире» [1. С. 18]. Развиваясь в коллективном и индивидуальном языковом сознании, язык как социальное явление отражает особенности языковой культуры той или иной нации.

Таким образом, в нашем понимании лингвокультурный концепт, вслед за С.Г. Воркачевым, представляет из себя «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [1. С. 30]. *«Эволюционируя и совершенствуясь в языковом сознании (например, для описания вина постоянно создаются новые языковые единицы, пополняется винная терминология, возникают фразеологические обороты, номинирующие данную реалию), мы считаем, что исследуемый нами лингвокультурный концепт «вино» представляет собой «многомерную интегрирующую эвристическую категорию»* [1. С. 38].

3. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О ВИНЕ КАК ЕДИНИЦЫ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА ФРАНЦУЗОВ

Паремиология, являясь филологической наукой о поговорках и представляя из себя раздел фразеологии, привлекает все больше внимания как лингвистов, так и фольклористов. Поговорки представляют из себя объект исследования лингвистов-паремиологов и включают в себя пословицы, пословичные выражения, антипословицы, поговорки, веллеризмы, девизы, слоганы, афоризмы, загадки, приметы и другие изречения, основной целью которых является краткое образное вербальное выражение традиционных ценностей и взглядов, основанных на жизненном опыте народа. В своем исследовании мы ограничились анализом пословиц и поговорок, номинирующих лингвокультурный концепт «вино».

Формируя фразеологический фонд языка, пословицы и поговорки являются носителями духовной и социальной культуры любого народа, они справедливо считаются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Лингвокультурологическая значимость пословиц и поговорок состоит в том, что они отражают мировидение языкового коллектива и воплощают концепты культуры с помощью языковых средств. Таким образом, взаимовлияние языка, культуры, традиции и истории в пословицах и поговорках представляется нам абсолютно очевидным.

Для Франции вино и все, связанное с употреблением этого напитка, является отражением национального характера и культуры. Вино в этой стране представляет собой объект культа и национальной гордости (вина производятся практически в каждом регионе страны). В пословицах и поговорках французского языка, имеющих отношение к лингвокультурной сфере «виноделие», в полной мере раскрываются особенности менталитета, культуры французского народа и его отношение к вину. Условия жизни, быт народа, своеобразие языкового развития оказывают влияние на возникновение поговорок и обуславливают их семантику, по-своему «преломляя» национальную французскую культуру. По мере развития виноделия коллективная память французского народа синтезировала в себе социокультурные коннотации, связанные с выращиванием винограда, производством и употреблением вина, которые в полной мере и нашли свое отражение в пословицах и поговорках о вине.

Таким образом, мы полагаем, что лингвокультурный концепт «вино» во французском языке представляет собой единое целое, в котором органично соединяются язык, культура и традиции, и, соответственно, анализ языкового материала, посвященного вину и реалии, связанные с ним, являются значимой частью миропонимания французского народа. С нашей точки зрения, пословицы и поговорки, в которых отражается лингвокультурный концепт «вино», можно рассматривать как отличительную черту французской нации.

Однако, несмотря на бесспорную лингвокультурологическую значимость пословиц и поговорок, мы считаем необходимым учитывать их архаическую и непродуктивную структуру; часто в них отражаются наиболее древние и устаревшие

представления об этническом характере и присутствуют архаические мотивы и образы, которые явились основой для создания их поэтико-содержательной структуры.

Представляя из себя «пласт языка древности», пословицы и поговорки не являются отражением современных концептов культуры и состояния менталитета. В настоящее время на место пословиц и поговорок приходят такие единицы паремиологии, как прецедентные фразы, рекламные слоганы, девизы, в которых в полной мере находит свое образное вербальное отражение современный национальный характер.

4. АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, НОМИНИРУЮЩИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ВИНО» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Как отмечает С.Г. Воркачев, «ключевым в современном культурологическом и лингвокультурологическом подходе к концепту является, прежде всего, понятие *духовной ценности*: общественные представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливости, смысле истории и назначении человека и пр...» [1. С. 15]. Обозначенные духовные ценности и реалии в полном объеме и аккумуляруют в себе лингвокультурный концепт «вино».

Пословицы и поговорки во французском языке, номинирующие лингвокультурный концепт «вино», составляют ряд семантических групп, все они интересны и заслуживают лингвистического анализа, так как в них наиболее ярко и полно проявляется национальная специфика. Мы ограничимся анализом пословиц и поговорок, номинирующих лингвокультурный концепт «вино», в которых отражаются:

- 1) духовный мир человека,
- 2) отношение человека к природе,
- 3) народные мудрости французского этноса.

Данные семантические группы являются наименее изученными и наиболее сложными для перевода на русский язык, в них с наибольшей яркостью прослеживаются особенности культуры и менталитета французского народа.

Сама по себе лексема *vin* (вино) обладает достаточно большой фразеоспособностью (способностью создавать устойчивые выражения, включая пословицы и поговорки).

Вино воспринимается французским народом как «Божий дар», «чудо, дарованное Господом, которое нам преподносит природа». Французский народ склонен обожествлять вино, наделяя его неземными чертами.

Начнем наш анализ с языковых примеров, в которых вину придается божественный смысл:

- (1) *Le Christ n'a pas changé le vin en eau mais l'eau en vin* (Иисус Христос превратил не вино в воду, а воду в вино).

Данная фразеологическая единица является библейской поговоркой. Речь идет об известном библейском факте, первом чуде, совершенным Иисусом Христом

во время брачного пира в городе Кане, недалеко от Назарета, когда Иисус превратил воду в вино. В данной поговорке значение вина как сакрального напитка для французской нации, на наш взгляд, особенно велико.

Аналогичный смысл содержится и в следующем примере:

- (2) *De l'Assomption la clarté fait du vin la qualité* (На праздник Успения Богородицы (15 августа — прим. автора) производится вино высокого качества, дословно: «Свет Богородицы благоприятствует производству вина высокого качества»).

Французский народ искренне склонен верить, что благосклонность Богородицы способна повлиять на качество будущего вина, важнейшего гастрономического «продукта» страны, символа материального благополучия, стабильности и достатка (наравне с хлебом и сыром).

Французы — мастера юмора, это известная особенность их менталитета, они склонны находить веселое даже там, где его быть не может, иронизировать и подсмеиваться над самими собой и даже над религией. Очень интересной, на наш взгляд, в этой связи представляется поговорка, где присутствует ярко выраженный юмористический оттенок в отношении института церкви и религии в целом:

- (3) *Plus de vin se dépense aux Pardons que de cire* (Во время Святого Причастия тратится больше вина, чем воска).

Речь идет об освящении хлеба и вина особым образом и последующем их вкушении во время Святого Причастия (Евхаристии). В данном языковом примере присутствует ироничный оттенок, выраженный в том, что даже в церкви подчас происходит злоупотребление вином. Вину опять же придается сакральный смысл, его пьют и святые, и монахи.

Особый пласт среди пословиц и поговорок во французском языке, номинирующих концепт «вино» и составляющих семантическую группу «духовный мир человека», представляют пословицы и поговорки, где упоминаются святые (библейские персоналии), поклонение которым распространено исключительно на территории регионов Франции (в отдельных случаях и на территории Италии). Известно, что католики запасались святыми покровителями на все случаи жизни. Виноделы — не исключение, причем практически все святые виноделов — мученики (из-за аналогии между вином и пролитой кровью).

Виноделию покровительствует около 30 святых в разных странах и у разных народов. Как правило, у всех святых мучеников есть день рождения (день памяти, или день смерти). В народе считалось, что качество выращенного винограда и объем собранного урожая напрямую зависят от благосклонности того или иного святого, огромную роль в этом играли наблюдения простого люда, крестьян и фермеров за изменчивостью погодных условий.

- (4) *La rosée de Saint-Albin est, dit-on, rosée de vin* (Говорят, что роса, выпавшая на праздник Святого Албана, — роса истинного вина).

Здесь речь идет о важности осадков, количество которых и период выпадения влияют на свежесть будущего вина. В данной пословице упоминается архиепископ города Лиона, который жил в IV в., день его почитания — 15 сентября (во Фран-

ции считается, что самый лучший период для сбора винограда — с августа по середину сентября).

- (5) *Beau ciel à la Saint-Romain, Il y aura des denrées et du bon vin* (Если небо при Святом Романе будет ясное, то будет вам и еда и доброе вино).

Речь идет о дате 28 февраля, дне памяти Святого Романа (казалось бы, совсем отдаленной от даты сбора урожая), что еще раз свидетельствует о народной мудрости и склонности верить, что, даже ориентируясь на погоду в зимнее время, можно судить о качестве будущего вина.

Данная семантическая подгруппа является мало изученной и весьма непростой для перевода (это связано с тем, что в русском языке очень часто отсутствуют аналогичные библейские персоналии). Подобные факты необходимо учитывать при переводе, — мы предлагаем осуществлять перевод имен собственных в соответствии с действующими законами русского языка и не пытаться осуществить калькированный перевод. Подчеркнем, что анализируемые нами фразеологические единицы являются пословицами и поговорками и не имеют прямого отношения к библеизмам. Они представляют собой лишь сгусток культурной информации, выраженной посредством языка (библеизмами же, как отмечает В.И. Искандерова, являются «крылатые слова» французского языка и «чаще обозначаются терминами «locutions bibliques», «expressions d'origine biblique») [5. С. 30]. Тем не менее, справедливо будет отметить, что в данных пословицах и поговорках «выделяется интернациональная и национальная специфика менталитета наций» [5. С. 30].

Любопытно, что во многих пословицах данной семантической группы упоминается Святой Винсент из Бургундии, самый известный в мире покровитель виноделов, — и этому есть объяснение. В иконографии святой Винсент традиционно изображается молодым человеком в диаконском облачении с виноградной ветвью в руках. Определенной загадкой остается тот факт, почему именно этот святой был выбран покровителем виноделов. Наиболее распространенная версия звучит следующим образом: — первый слог имени Vincent по-французски произносится как «vin» (вино), что символично отражает судьбу святого, пролившего свою кровь за Христа. Другая версия предполагает, что тело Святого Винсента во время пыток подверглось таким же мучениям, как и виноград под прессом. Праздник Святого Винсента в Бургундии отмечают 22 января. В пословицах, где упоминается данный святой, вино вновь обретает божественный смысл; вера в то, что святой мученик может благоприятствовать хорошему урожаю, очень сильна в сознании французского народа:

- (6) *Saint-Vincent clair et beau, plus de vin que d'eau* (Если на Святого Винсента погода ясная, будет больше вина, чем воды);
- (7) *Saint-Vincent trouble — met du vin dans ta gourde* (Если на Святого Винсента погода плохая, запасайся вином) (досл. «наполняй свою фляжку»);
- (8) *Quand le soleil luit à la Saint — Vincent, le vin monte au sarment* (Если на Святого Винсента солнечно, побеги виноградной лозы поднимаются).

Вечные духовные ценности, такие, как милосердие и добро, также тесным образом связаны в языковом сознании французского народа с вином и находят

отражение в пословицах и поговорках, где упоминается еще один великий мученик — Святой Мартин (согласно легенде Мартин сжалился однажды над замерзающим бродягой, вытащив острый меч из ножен и разрезав свою теплую меховую накидку на две половины, отдав затем одну из них нищему). Позже, задремав, Мартин увидел во сне того самого бедняка, но уже с ликом Христа. Во Франции день Святого Мартина традиционно отмечается 11 ноября. Таким образом, с тех пор французы в этот день склонны лишний раз находить подтверждение безграничности таких вечных духовных ценностей, как милосердие и добро. Однако отдать дань Святому Мартину у французов означает не только хорошо выпить, но и «знатно откусать» (здесь также прослеживается отличительная черта национального французского характера — эпикурейство, страсть к праздникам, хорошей еде и удовольствиям в целом). Однако, несмотря на любовь к застольям и вину, чрезмерное употребление вина у французского народа порицается, высмеивается пьянство:

- (9) *Pour la Saint-Martin, âne qui ne boit du vin; âne deux fois, qui trop en boît* (На Святого Мартина только осел не пьет вина, но дважды осел тот, кто слишком много его пьет);
- (10) *A la Saint-Martin, faut goûter le vin, Notre-Dame d'après, de la table, il est près* (На Святого Мартина нужно выпить винца, после — в Нотр-Дам, а потом — к столу!) Обратим внимание, что в данном языковом примере часть сказуемого опускается (вместо *il faut goûter le vin*, употреблено *faut goûter le vin*), что недопустимо с точки зрения классических законов грамматики и позволительно только в просторечии и аргю. Переводчику необходимо учитывать эту особенность языка как при работе над аналогичными примерами, так и при переводе фразеологических единиц в целом.

Интересен здесь и орфоэпический аспект: слова в двух приведенных языковых примерах рифмуются, что придает им еще большую красоту.

Мудрость французского народа проявляется также в наблюдении (эмпирически) за погодными условиями и их влиянии на будущий урожай — для французских фермеров нет ничего хуже, чем неблагоприятные природные условия и погубленная виноградная лоза (вспомним об эпидемии филлоксеры, тли, уничтожившей виноградные лозы в конце XIX в., или о бунте в регионе Шампань в 1911 г.).

Данные исторические реалии (как и многие другие) нашли отражение в многочисленных поговорках и пословицах о вине. При уходе за своей виноградной лозой, заботе о ней в языковом сознании французского народа сформировались своеобразного рода приметы, которые воплотились в поговорках и пословицах:

- (11) *Saint-Marcellin, bon pour l'eau, bon pour le vin* (На Святого Марселина много дождей и много славного вина) (день Святого Марселина празднуется 2 июня, когда наступает самый пик сбора урожая).

Следующий языковой пример поражает своей поэтичностью, в нем также проявляется еще одна особенность истинно французского менталитета — склонность к куртуазности, романтичность, влюбчивость:

- (12) *Si le jour de la Saint-Samson, le pinson boit au buisson, l'amour peut chanter sa chanson, le vin sera bon* (Если на день Святого Самсона зяблик пьет воду с кустов, то любовь может петь свою песню и вино будет добрым).

Ценность вина для французского народа настолько высока, что сравнивается с основным продуктом питания — хлебом; уничтожить его — значит поставить под сомнение свое благосостояние, достаток:

- (13) *Gelée le soir à la Saint-Urbain anéantit fruits, pain et vin* (Мороз на Святого Урбана уничтожит фрукты, хлеб и вино);
- (14) *Beau temps vers le Saint-Jean, blés et vins abondants* (Если на Святого Жана погода хорошая, пшеницы и вина будет вдоволь).

Как уже было отмечено, природные условия играют огромное значение для французского народа в его отношении к жизни в целом и косвенно влияют на объем производимого вина, которое воспринимается как благо, Божий дар; хороший урожай — счастье и довольство в семье, процветание винодельческих хозяйств испокон веков является основой французской экономики, традиции, и, конечно же, культуры. В день памяти (рождения) того или иного святого виноделы воспринимали те или иные погодные условия как знамение, Божий знак и действовали соответствующим образом (принимались за сбор урожая, накрывали, оберегали его). От погодных условий напрямую зависел (и зависит по сей день) объем собранного виноделами урожая:

- (15) *A la Saint-Honoré, s'il fait gelée, le vin diminue de moitié* (Если на Святого Оноре подморозило, то вина получится вдвое меньше);
- (16) *Pluie du jour de Saint-Grégoire, autant de vin de plus à boire* (Если на Святого Грегуара идут дожди, то вина получится больше).

Многие из пословиц рифмуются, что придает им особую поэтичность и красоту:

- (17) *S'il pleut à la Saint-Médard, la vendange diminue d'un quart* (Если на Святого Медара идет дождь, урожай будет на четверть меньше).

В следующем примере проявляется такая черта французского народа, как предрассудительность, склонность к экономии, прогнозирование, стремление все просчитать заранее:

- (18) *Entre Saint-Denis et Saint-François, prends ta vendange quelle qu'elle soit* (Между праздниками Святого Дени и Святого Франсуа собирай обязательно свой урожай, каков бы он ни был).

В нашем материале встретился ряд пословиц и поговорок, где речь идет о погодных условиях, в которых непосредственное упоминание святых мучеников опускается и говорится лишь о влиянии погоды на качество будущего вина в целом. Усиливается вера в приметы, проявляется склонность к тщательному наблюдению за погодой, возрастает вера в предания; сквозь все это сквозит главная черта, объединяющая эти языковые единицы, — народная мудрость. Приведем несколько примеров:

- (19) *S'il pleut à la mi-août, le vin ne sera pas doux* (Если дожди пойдут в середине августа, вино будет несладким);
- (20) *Pluie et tonnerre d'août, promettent huile et vin partout* (Грозы и дожди в августе обещают много оливкового масла и вина);
- (21) *Rosée du soir et fraîcheur de mai appellent du vin et beaucoup de foin* (Вечерняя роса и майская свежесть обещают много вина и сена).

Как уже было частично показано выше, во французском языке фразеологизмы со стержневым компонентом *vin* могут вербализовать самые различные сведения о жизни человека, его чертах, привычках, традициях, исторических событиях, отношении к другим людям, о семье, дружбе, любви, материальном благополучии. Все они были созданы народом благодаря его мудрости, знаниям о тех или иных жизненных явлениях и реалиях, которые накапливались на протяжении столетий. В них раскрывается внутренний мир народа, делается акцент на каких-либо отдельных его особенностях.

Остановимся на анализе пословиц и поговорок, номинирующих лингвокультурный концепт «вино», которые мы отнесли к семантической группе «вино как интерпретация народной мудрости». Примечательно, что отношение к вину как символу благополучия и фрагмента культуры, выражающем народную мудрость, во французских пословицах и поговорках, номинирующих лингвокультурный концепт «вино», проявляется в том, что в них в большинстве своем преобладает положительная семантика (положительная коннотация).

Французов отличает умение дружить, ценить своих близких, налаживать связи; как правило, они очень коммуникабельны и с удовольствием вступают в общение. Вино является своего рода «добрым спутником» любого дружеского застолья. Эти черты национального характера нашли воплощение в пословицах и поговорках о вине:

- (22) *Or, vin, ami, et serviteur, le plus vieux est le meilleur* (Золото, вино, друзья и слуги с годами становятся лучше);
- (23) *Vin sans ami, vie sans témoins* (Вино без друга все равно, что жизнь без соседей).

Известными отличительными чертами национального характера французов являются также куртуазность, гедонизм, любовь к женщинам, жажда молодости, жажда жизни во всех ее проявлениях, любовь к красоте. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «французы (в представлении русских — прим. автора), — это легкомысленные гуляки, эпикурейцы, думающие только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях» [14. С. 139]. Согласимся в данной связи и с Ж.В. Кургузенковой, полагающей, что «гедонизм французов вошел в качестве отличительной черты их национального характера во все исследования психологии данного народа» [8. С. 48]. Во всех приведенных ниже примерах прослеживается положительная коннотация, вино обладает позитивной семантикой, сравнивается с красивыми женщинами, молодостью, красотой и добром:

- (24) *Filles, vignes, sont fort malaisées à garder: sans cesse quelqu'un passe qui voudrait y goûter* (За дочерьми и виноградом сложно присматривать, так как проходящий мимо так и хочет их попробовать);
- (25) *Bon vin et femmes jolies sont deux agréables poisons* (Доброе вино и красивые женщины — два чудесных яда);
- (26) *Beauté sans bonté est comme vin éventé* (Красота без добра все равно, что выдохшееся вино);
- (27) *Où l'hôtesse est belle le vin est bon* (В доме, где хозяйка — красавица, и вино — доброе).

Почитание старших, уважение пожилых людей — также известная отличительная черта французов:

- (28) *Un bon vieillard ressemble à un bon vin qui a déposé sa lie* (Добрый старик напоминает хорошее вино, выдержанное на осадке).

Французы убеждены, что вино чрезвычайно полезно для организма:

- (29) *Un bon verre de vin enlève un écu au médecin* (Хороший бокал вина бережет твои денежки) (букв. «забирает эку у доктора», эку — денежная единица, прим. автора);
- (30) *Qui boit du Meursault, ne vit ni ne meurt sot* (Кто пьет Мерсо (известное вино из Бургундии — прим. автора), не живет и не умирает дураком. Часто в подобного рода пословицах и поговорках опускается лексема «vin» (вино), вследствие чего могут возникнуть определенные трудности лингвокультурного характера, и для поиска адекватных переводных эквивалентов необходимы знания как культуры, так и менталитета (в данном случае того, что Мерсо — это имя собственное, так именуется самое знаменитое белое бургундское вино).

Наряду со значением пользы вина для здоровья вновь прослеживается склонность французского народа к религиозности как его отличительной черте:

- (31) *Si tu bois du vin, tu dormiras bien; si tu dors, tu ne pêcheras pas; si tu ne commets pas de péchés, tu sera sauvé* (Если ты пьешь вино, ты будешь хорошо спать; если ты спишь, ты не будешь грешить; если ты не гресишь, то обретешь спасение);
- (32) *Qui mange bien, bois bien, qui bois bien, dort bien, qui dort bien, ne pêche pas; qui ne pêche pas va au ciel* (Кто хорошо ест, хорошо пьет, кто хорошо пьет, крепко спит, кто крепко спит, тот не грешит, кто не грешит — попадет в рай).

К семантической группе «вино как интерпретация народной мудрости» мы также отнесли пословицы и поговорки, где положительная семантика *вина* органично переплетается с опытом народа, его наблюдениями, знаниями и выводами о тех или иных жизненных явлениях и реалиях, а также об особенностях человеческой личности, которые накапливались на протяжении столетий и нашли свое отражение в пословицах и поговорках. Во всех пословицах ниже прослеживается любовь французского народа к вину:

- (33) *Bon bon, bon cheval* (Доброе вино как добрый конь);
- (34) *Depuis que le soleil et la lune brillent au firmament on a rien connu de meilleur que le vin* (С тех пор, как солнце и луна освещают небесный свод, человечество не знает ничего лучше, чем вино);
- (35) *Une journée sans vin est une journée sans soleil* (День без вина подобен дню без солнца).

Французский народ считал (и считает по сей день), что вино помогает увидеть глубже душу человека, понять его внутренний мир, возможно, способствует облегчению душевного состояния:

- (36) *Le vin est le miroir de l'homme* (Вино — зеркало души);
- (37) *Le vin est la caverne de l'âme* (Вино раскрывает врата души).

Подытожим наши наблюдения следующей самой известной французской поговоркой о вине латинского происхождения, «квинтэссенцией» вышеизложенного анализа:

La vérité est dans le vin — «Истина в вине».

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье было показано, что во французской лингвокультуре *вино* представляет собой одновременно и ценность и концепт, являющийся богатым источником культурной информации, в котором органично переплетаются язык и традиции французского этноса.

В пословицах и поговорках, номинирующих лингвокультурный концепт «вино» во французском языке, находят отражение такие вечные ценности, как добро, милосердие, любовь и забота о ближнем. Особенно отчетливо при анализе пословиц и поговорок о вине проявляется склонность французов к набожности, религиозности (можно полагать, что и сейчас характер французов весьма набожный); проявляется и мифологическое сознание этноса. В качестве особенностей менталитета французов заостряют на себе внимание такие черты, как предрассудительность, склонность к экономии; находят свое подтверждение такие известные особенности национального характера данного этноса, как гедонизм и куртуазность.

Анализ представленного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что отношение к вину как фрагменту культуры в пословицах и поговорках французского народа характеризуется положительной семантикой.

Автором было также выявлено, что лингвокогнитивные особенности менталитета французского народа могут создавать определенные трудности при переводе пословиц и поговорок, номинирующих лингвокультурный концепт «вино». Поиск адекватных переводных эквивалентов может потребовать у переводчика определенных лингвокультурологических знаний.

© Дата поступления: 13.02.2016

Дата принятия в печать: 25.04.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- [2] Гриненко К.М. Языковые средства презентации информационно-оценочного поля дискурса предметной области «дегустация вина»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2010.
- [3] Глушкова Т.С. Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира (на материале паремий, анекдотов, тостов, текстов СМИ и рекламы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2009.
- [4] Голованова И.С. Художественный концепт «вино» в русской поэзии XVIII века: 30—90-е гг. XVIII в.): дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.
- [5] Искандерова В.И. Фразеологические единицы библейского происхождения в языке французской периодической печати: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- [6] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2002.

- [7] Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // *Методология современной психолингвистики: Сборник статей*. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- [8] Кургузенкова Ж.В. Особенности культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- [9] Лассан Э.Р. «Прощание — скорбное слово» (прощание — жанр, концепт, речевой акт?) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 7—22.
- [10] Маслова В.А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ // *Вестник Российского университета дружбы народов*. серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 23—31.
- [11] Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1976.
- [12] Романова К.М. Средиземноморские субрегиональные реалии лингвокультурной сферы «виноделие»: на материале итальянского, испанского и французского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- [13] Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996.
- [14] Тер-Минасова С.Г. Языки межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2000.

СЛОВАРИ

- [15] Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 2005.
- [16] Назарян А.Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. М.: Изд-во РУДН, 2000.
- [17] Рецкер Л.И. Французско-русский фразеологический словарь. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1963.
- [18] Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1982.
- [19] Alain Rey, Sophie Chantreau. *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris: Le Robert, 1997.
- [20] Caradec François. *Dictionnaire du Français Argotique et Populaire*. P.: Larousse, 2001. Robert, 1997.
- [21] Duneton Claude. *Le Guide du français familier*. Paris: Éditions du Seuil, 1998. Le Petit Robert. *Dictionnaire de la Langue Française*. P.: Le Robert, 2003.

PERCEPTION OF CULTURAL CONCEPT “WINE” IN FRENCH EVALUATIONAL WORLD VIEW

P.G. Loginova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The paper focuses on analysis of idiomatic expressions such as proverbs and sayings in French language within two semantic groups such as «man's spiritual reality» and «wine as interpretation of folk wisdom». Their semantic features are discussed as well as their role in french evaluational world view. The author attempts to illustrate the peculiarities of cultural mentality and national character of French people within their attitude to wine as a cultural value. The author also focuses on intricacies of language and touches the difficulties of translation and interpretation of phraseological units that occur in the present study due to the absence of similar connotations in Russian culture. The language units that are exposed in the paper

and cited as examples were taken for analysis from up-to-date dictionaries, foreign research scientific works and were also kindly provided by native speakers.

Idiomatic expressions that include cultural concept «wine» in French language represent the interpretation of outworld fixed in collective consciousness that incarnates historical and cultural values. Wine culture in France is very ancient that is why language units related to concept «wine» represent profound linguistic material that is worth of being analyzed within the frame of language and culture as well as within the scope of intercultural communication.

Key words: phraseological units, cultural concept, wine, language units, cultural connotations, world view, idiomatic expression.

REFERENCES

- [1] Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. M.: ITDGK «Gnozis», 2004.
- [2] Grinenko K.M. Jazykovye sredstva prezentacii informacionno-ocenochnogo polja diskursa predmetnoj oblasti «degustacija vina»: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2010.
- [3] Glushkova T.S. Vinopitie kak fragment russkoj jazykovoj kartiny mira (na materiale paremij, anekdotov, tostov, tekstov SMI i reklamy): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2009.
- [4] Golovanova I.S. Hudozhestvennyj koncept «vino» v russkoj poezii XVIII veka: 30—90-e gg. XVIII v.): diss. ... kand. filol. nauk. Samara, 2007.
- [5] Iskanderova V.I. Frazeologicheskie edinicy biblejskogo proishozhdenija v jazyke francuzskoj periodicheskoj pechati: diss. ... kand. filol. nauk. M., 2005.
- [6] Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Izd-vo Peremena, 2002.
- [7] Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak jelement jazykovogo soznanija. *Metodologija sovremennoj psiholingvistiki: Sbornik statej*. Moskva; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003.
- [8] Kurguzenkova Zh.V. Osobennosti kul'tury frankojazychnogo mira skvoz' prizmu frazeologii: diss. ... kand. filol. nauk. M., 2004.
- [9] Lassan Je.R. «Proshhanie — skorbnoe slovo» (proshhanie — zhanr, koncept, rechevoj akt?). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika*. 2015. № 3. S. 7—22.
- [10] Maslova V.A. Strannik v russkoj lingvokul'ture: cennost', koncept, obraz. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika*. 2015. № 3. S. 23—31.
- [11] Nazarjan A.G. Frazeologija sovremenno go francuzskogo jazyka. M.: Vysshaja shkola, 1976.
- [12] Romanova K.M. Sredizemnomorskie subregional'nye realii lingvokul'turnoj sfery «vinodelie»: na materiale ital'janskogo, ispanskogo i francuzskogo jazykov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008.
- [13] Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij, i lingvokul'turologičeskij aspekty. M.: Shkola: «Jazyki russkoj kul'tury», 1996.
- [14] Ter-Minasova S.G. Jazyki mezhkul'turnoi kommunikacii. M.: Slovo, 2000.

DICTIONARIES

- [15] Gak V.G. Novyj bol'shoj francuzsko-russkij frazeologičeskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 2005.
- [16] Nazarjan A.G. Slovar' ustojchivyh sravnenij francuzskogo jazyka. M.: Izd-vo RUDN, 2000.
- [17] Recker L.I. Francuzsko-russkij frazeologičeskij slovar'. M.: Izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1963.
- [18] Cherdanceva T.Z., Recker Ja.I., Zor'ko G.F. Ital'jansko-russkij frazeologičeskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1982.
- [19] Alain Rey, Sophie Chantreau. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris: Le Robert, 1997.
- [20] Caradec François. Dictionnaire du Français Argotique et Populaire. P.: Larousse, 2001. Robert, 1997.
- [21] Duneton Claude. Le Guide du français familier. Paris: Éditions du Seuil, 1998. Le Petit Robert. Dictionnaire de la Langue Française. P.: Le Robert, 2003.

ОБРАЗ ВРАГА КАК СТЕРЕОТИП МЫШЛЕНИЯ

Т.А. Фоменко

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская область, 140411

В настоящей статье мы исследуем вопрос вербального выражения стереотипного мышления, пытаемся проанализировать один из символов нашего времени в представлении европейца: Россия — ось зла, враг демократии, всех свобод. Мы ставим задачу проследить процесс закрепления этого образа средствами массовой коммуникации, акцентировать внимание на том, как сложно разрушить сложившиеся стереотипы, которые держат в плену заблуждений людей, живущих уже в XXI в. В качестве материала мы использовали данные словарей, статьи СМИ, выступление Б. Обамы и художественное произведение современного британского автора Дэвида Митчелла «Луг Черного Лебеда». Исходными предпосылками работы являются положения лингвокультурологии, психологии, психолингвистики, межкультурной коммуникации. Задача исследования решается методами функционального и прагматического анализа текста. Анализируя стереотип как элемент культурного кода, который декодируется посредством языка, мы приходим к выводу, что стереотип «Россия — враг» имеет свои формально-языковые, ментальные и поведенческие параметры.

Ключевые слова: стереотипы, образ врага, речевое выражение, манипуляция сознанием, средства массовой коммуникации.

1. ВВЕДЕНИЕ

Дискуссия о позитивном и негативном потенциале стереотипа уже давно разворачивается в статьях представителей разных гуманитарных наук: социологов, педагогов, культурологов, лингвистов и др. Стереотипы — это, прежде всего те знания о мире, открытия, общие ценности, которые задают образ мышления, образ жизни, либо объединяют, либо приводят к предубеждению по отношению к одной или другой национальности. Стереотипы составляют содержание культурно-языковой компетенции носителей конкретного языка, на основе стереотипов формируются символы культуры, нации, времени [1. С. 3—16]. Нам интересно соотнесение символа с содержанием передаваемой им культурной информацией, которая в дальнейшем требует декодирования. В данной статье мы рассматриваем причины устойчивости стереотипов, поэтому уделяем внимание процессам, происходящим в сознании не столько отдельно взятого индивида, но представителей определенного социума.

Причиной устойчивости стереотипа являются существующие в той или иной культуре понятия, ценности, ориентиры, в которых человек живет и воспитывается с детства. Таким образом, стереотип имеет отношение к глубинным пластам сознания, а проявляется в созданных культурой образах и влияет на модель поведения.

Содержание стереотипа «свой — чужой, друг — враг, хороший — плохой» разделяется большинством социума и тесно связано с культурной картиной мира. Поскольку стереотипизация не только когнитивный, но и коммуникативный про-

цесс, то результатом этих процессов являются символические порождения, которые со временем становятся социокультурными образами и символами. Представляется необходимым в ходе данного рассуждения остановиться на понятии «символ», если принять во внимание изречение Л. Байта, что культура — это класс явлений и предметов, существование которого зависит от символизации. Вся культура создана и воспроизведена благодаря символизации [2. С. 162—169]. Ю.М. Лотман в таких работах, как «Культура и взрыв», «О семиотическом механизме культуры», «Культура как субъект и сама-себе объект», «О семиосфере», «Динамическая модель семиотической системы», «О проблеме значений во вторичных моделирующих системах», «Динамические механизмы семиотических систем», «Миф — имя — культура», «Феномен культуры», «О двух моделях коммуникации в системе культуры» обращает внимание не только на коммуникационную, но и на символическую природу культуры [3. С. 191—199]. Ученый определяет культуру, с одной стороны, как определенное количество текстов, а с другой — унаследованных символов.

Ю.М. Лотман отмечал, что символы культуры вырабатываются веками и в сущностном смысле, сохраняя свое значение для данной исторической эпохи, передаются будущим культурам. Если мы рассматриваем стереотип как когнитивно-культурное образование, то остановимся на его полевой структуре, где традиционно выделяют ядро — некий ведущий принцип, который мы проанализировали, рассматривая этимологию слова «враг». Следующий компонент в структуре — периферия, суждения, атрибуции, связанные с основным, ядерным понятием, что рассмотрено у нас на примерах пословиц в двух языках. Третьим структурным компонентом является ассоциативный контекст, именно он обеспечивает связь с другими стереотипами того же рода. Это созданные культурой прецедентные образы или распространенные символы, что рассмотрено у нас на примерах текстов публичных выступлений, статьях СМИ и примерах художественной литературы, предоставляя доказательства сложившегося в сознании символа врага, ассоциирующегося с понятийным образом России, Москвы, Путина.

2. ЯЗЫКОВОЙ СИМВОЛ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Трактовка понятия «символ» отличается многозначностью и противоречивостью, прежде всего в связи с объективной сложностью его содержания. Мы разделяем точку зрения В. А. Масловой, что *символ — это вещь, награжденная смыслом* [4. С. 102].

Далее автор отмечает, что роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Многие ученые подходят к понятию символа через образ, отмечая, что образность — важнейшее свойство символа.

Языковой символ России в зарубежных средствах массовой коммуникации как оси зла, врага демократии, всех свобод, как страны, поставляющей своих вежливых зеленых человечков для аннексии территорий и проч., создает стереотипный образ врага в менталитете европейца.

Из 70 культурных универсалий, обладающих ценностью и истинностью для всего человечества, ученые выделяют такое понятие, как «война». В интенционал этой универсалии, соответственно, входит понятие «враг». В рамках данной статьи нам представляется интересным проанализировать процесс закрепления этого образа средствами массовой коммуникации, акцентировать внимание на том, как сложно разрушить сложившиеся стереотипы, которые держат в плену заблуждений людей, живущих уже в XXI в. Тенденциозность оценок и чрезмерная, ложная обобщенность суждений, устоявшиеся стереотипы, переходящие из поколения в поколение, усиливают предубеждения и способствуют возникновению барьеров в коммуникации, но с другой стороны, стереотип — это элемент культурного кода, который декодируется посредством языка, имеет свои формально-языковые, ментальные и поведенческие параметры.

Следовательно, можно предположить, что стереотипы могут меняться, при этом изменениям подвергнутся описательные и оценивающие признаки, характеристики объекта. Восприятие социумом данного явления можно рассматривать как движение по оси «плюс—минус», изменение координат происходит очень медленно. Мышление, мнение, мировоззрение может измениться в соответствии с изменениями жизни, на что оказывает влияние политическая ситуация.

3. ФУНКЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Формирование научных теорий и обмен ими, применение новых технологий во всех сферах жизни общества, изменение стандарта поведения, воздействие на социальные процессы в обществе — все это имеет определяющее значение для развития цивилизации.

Проблема воздействия информационного пространства на состояние человека рассматривается в настоящее время как экологическая проблема, потому что нельзя отрицать того факта, что информационное взаимодействие на социум часто приводит к негативным последствиям. Ошибочно предполагать, что от информационного воздействия легко защититься. Появился целый ряд новых терминов, связанных с современным состоянием системы, как-то: «информация — коммуникационная среда — человек», — информационная перегрузка, инфобиологическая неадекватность, перепроизводство информации, синдром информационной усталости, информационное ожирение [5. С. 255].

Процесс воздействия информации на психику индивида и масс описан психологами и физиологами. Психика человека представлена тремя составляющими: сознанием, бессознательным и барьером между ними — цензурой психики. Любое сообщение, которое поступает из внешнего мира в психику человека, проходит через цензуру психики, перераспределяя информацию между сознанием и бессознательным. При этом известно, что информация, которая перешла в подсознание, через какое-то время начинает воздействовать на сознание, а, значит, через сознание на мысли и на поведение человека. При этом в подсознании откладывается любая информация, которая когда-либо проходила мимо индивида, вскоре она начнет свое воздействие на сознание [6. С. 96].

Человек в современном мире рассматривается как носитель определенной национальной ментальности и языка, он участвует в совместной деятельности и речевой деятельности как виде деятельности с другими представителями национальной общности. Язык изучается в тесной связи с мышлением человека, с культурой, в которой он живет.

В психологии под мышлением понимают процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности. Информация, полученная человеком из окружающего мира, ставит перед ним задачи: принимать или отвергать то или иное событие. Следующий этап в познании — формулирование основной, исходной гипотезы, что зависит от опыта индивида. Чем больший опыт субъекта, тем быстрее срабатывает ощущение правдоподобия предположений, если подобного опыта нет, то возникшие гипотезы определяются навязываемыми решениями СМИ. Мышление человека протекает в форме суждений и умозаключений, которые требуют вербализации.

4. ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР МЕНТАЛЬНОСТИ

Языковая принадлежность не только формирует общность людей, но и способствует образованию общей духовности, что, в свою очередь, приводит к отличию в восприятии самих себя и других. Мы разделяем тезис Вильгельма Гумбольдта, что язык народа — его дух, дух народа — это его язык. Вильгельм фон Гумбольдт оценивает язык как мировидение, где язык представляет собой особый мир, поскольку он отражает двойную природу — мира и человека — и превращает в понятия впечатления и ощущения. Язык — посредник между телом и духом. Язык есть средство преобразования субъективного в объективное и обратное. [7. С. 318]. Согласно теории немецкого ученого каждый язык по-своему отражает, интерпретирует мир. Языки представляют собой не различные обозначения вещи, а дают различные ее видения.

Американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф, авторы теории лингвистической относительности, утверждают, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира, каждый язык по-своему членит и представляет мир. Э. Сепир определял культуру как то, что данное общество делает и думает, язык как то, как думают [8. С. 193].

Ю.М. Лотман создал теорию семиотики культуры, где культура рассматривается не только как мировоззрение и миропонимание народа, но и совокупность знаковых систем, которые это мировоззрение выражают [9. С. 56]. Автор определяет культуру как совокупность ненаследственной информации, которую накапливают, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества, систему запретов и предписаний [Там же. С. 88]. Результаты этих процессов воплощаются на ментальном уровне в виде концептов. Ментальными единицами концепта культуры являются понятия как научные, так и обыденные, представления, стереотипы, культурные установки, идеологемы.

Анализируя «Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов» М.М. Маковского, мы знако-

мимся с наиболее ранними значениями слова «враг» в индоевропейских языках, к которым относятся русский и английский языки, и пытаемся проследить основные закономерности возможных преобразований значений в языке [10. С. 87]. Так, во-первых, слово «враг» соотносится со значением «делать» > «производить культовое (магическое)» действие, в результате которого может вызывать как зло, так и добро, как проклятие, так и благословение: а). русск. враг (литов. *vargas* — беда, др.-прусс. *wargs* — злой, литов. *vergas* — раб, гот. *wrikan* преследовать, лат. *urgeo* — тесню, гоню, литов. *vargti* — бедствовать), но осет. *Waiz* — любить (ср. русск. ворожить), а с другой стороны, греч. *Ερυον* — работа, греч. *ορυια* — культовое действие [Там же. С. 88].

Во-вторых, слова со значением «старый» также могут соотноситься со значением «враг», «гнать, преследовать, изгонять»: лат. *senex* — старый, но тох. *A san* — враг, др.-англ. *witan* — гнать, преследовать [Там же. С. 88].

Обыденные понятия определяются минимальным набором признаков, так если мы рассматриваем концепт «враг», то здесь можно обобщить наиболее существенные черты, интенционал понятия, такие как: человек, который напал на наш дом либо территорию, страну, Родину. Враг, как правило, тот, кто пришел с недобрыми намерениями, его необходимо прогнать, одержать победу, даже если придется погибнуть.

Научное понятие представляет собой высший вид ментальных репрезентаций. Анализ статьи в современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой помогает выявить главные черты: враг м.р. 1) а) Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л., чем-л.; противник, недруг. б) Убеденный, непримиримый противник чего-л. 2) Военный противник, неприятель. 3) То, что приносит зло, вред [11].

В англо-саксонской культуре мы наблюдаем интересное объяснение происхождения данного слова. *Origin: Middle English: from Old French *enemi*, from Latin *inimicus*, from *in-* 'not' + *amicus* 'friend'*, недруг. Современный английский словарь дает следующую дефиницию: *someone who hates another; someone who attacks or tries to harm another; something that harms or threatens someone or something; a group of people (such as a nation) against whom another group is fighting a war.* english/longman-vocab.html Таким образом, в наших двух культурах интенционал практически совпадает, поскольку мы исторически производим самоидентификацию социума по принципу «свой — чужой», а также «опасно — безопасно» для самого существования общества, исходит ли от врага смертельная угроза для человека, группы, социума.

Интересно рассмотреть описательный признак «врага», наделение различными негативными свойствами и качествами. «Враждебность/агрессивность» — часто субъективный признак, поскольку присутствует эмоциональная оценка, но он возводится в ранг типических. Здесь можно говорить о градации состояния враждебности/агрессивности, умеренности/обостренности, поскольку восприятие одного и того же события может не совпадать в силу личностных, индивидуальных, национальных особенностей, представлений. Представления — это ощущение

ния, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой, они отражают наивную картину мира.

Мы проанализировали методом сплошной выборки паремии (100) с ключевым словом «враг» в английской и русской лингвокультурных системах. Результаты изучения показали, что в английской культуре это слово обладает более умеренным признаком враждебности и агрессивности, в отличие от русской. Мы объясняем это тем, что большая часть (80%) русских пословиц посвящена борьбе с оккупантами за свободу своего отечества, а не только общим морально-этическим проблемам. Приведем для сравнения только несколько примеров из русской и английской паремий:

Хорошо, когда враг бит, еще лучше, когда он убит. Врагов не считают — их бьют. Деды врагов бивали и нам наказывали.

If you have no enemies it is a sign, fortune has forgotten you. If you would make an enemy, lend a man money, and ask it of him again. Best is the enemy of the good.

Кроме представлений наивную картину мира структурируют культурные установки. Н.Н. Болдырев определяет культурные установки как «совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурными традициями» [12. С. 9].

Человек, взаимодействуя с другими членами социума, перенимает эталонизированные образцы поведения, усваивает «правила игры», овладевает сценариями поведения. Таким образом, если мы говорим о типичных способах поведения, проявляющегося в деятельности и общении, то мы подошли к проблеме «совокупности устойчивых индивидуальных особенностей личности», т.е. понятию «характер» [13. С. 436]. Проблемы особенностей русского характера освещены в работах Н.А. Бердяева («Душа России. Судьба России»), И.А. Ильина («О русской идее», «О России»), Л.П. Карсавина («Восток, Запад и русская идея»), Н.О. Лосского («Характер русского народа»), Л.А. Тихомирова («Что такое Россия») и др.

В задачи данной работы не входит обсуждение всех свойств русского характера, и мы остановимся лишь на этнической толерантности, поскольку отсутствие этой черты как раз и вызывает враждебность. И.А. Ильин так описывает русского человека: «Русский человек живет, прежде всего, сердцем и воображением и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека, прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнилельно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства... Он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся паразитов, он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы. Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой. У нас вся культура — иная, своя, притом потому, что у нас иной, особый духов-

ный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее... У нас есть дар чувствования и перевоплощения. У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то, искажая все на свой лад. Для них русское — инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно» [14].

Особым видом культурных установок являются идеологемы — слова и сочетания слов определенной идеологической окраски, это набор актуализированных ценностей, которые могут меняться при переходе от одной культурной модели к другой. Тема нашего исследования непосредственно связана с политическим дискурсом, одной из ведущих функций которого является манипулирование общественным сознанием через продвижение той или иной идеи, отвечающей интересам определенной группы людей.

В нашем политизированном мире мы не можем не говорить об идеологизации текстов СМИ, художественной литературы, в конечном счете гипертекста, всего текстового пространства. Идеологема как когнитивная универсалия выполняет свою важнейшую суггестивную функцию — функцию репрезентации идеологии, целенаправленного воздействия на сознание адресата [15. 154—157].

Таким образом, анализируя причины устойчивости стереотипов, особенно политизированных, таких как образ врага, мы рассматриваем несколько смежных единиц одного ментального когнитивного уровня: стереотип, ментальный стереотип, образ, символ, идеологема. Все эти понятия не только смежные, но и репрезентируются в текстовом пространстве одного дискурса, их объединяет общность функций — экспликация системы идеологических доминант. Однако смежность этих универсалий и общность их функций в тексте не дает право использовать их синонимично, требует критического анализа сходств и различий, классификации основных понятий этой парадигмы.

Анализируя советизмы как примеры идеологем, мы можем предположить, что степень выраженности стереотипных оценок находится в прямой связи не только с временным компонентом, например исторические стереотипы, актуальности явления, но и с соотношением различных категориальных процессов у конкретного индивида. У разных людей ведущими могут быть различные типы категоризации — одни более склонны к стереотипизации, другие — к идеализации, третьи — к нивелированию черт.

Поскольку в обществе всегда имеют место как тенденции к унификации (которые проявляются в выработке общих для группы программ поведения), так и тенденции к разнообразию, диверсификации черт характера и моделей поведения, то одни люди более склонны к первому («быть как все»), другие ко второму («быть не похожим на других»). В связи с этим острота восприятия одних и тех же политических стереотипов в словосочетании как «враги Советской вла-

сти», «враги народа» и проч., может отличаться. Многие считают, что в настоящее время они утратили социалистическую коннотацию, нейтрализован смысл сочетания по отношению к главной теме «враг» останется прежним, поскольку она относится к разряду универсалий. «Враг» может ассоциироваться с конкретной личностью, с племенем, этносом, нацией, классом, партией, государством («империя зла», «ось зла»), с идеологией (фашизм, национализм, расизм, терроризм), с общественным строем (капитализм, социализм) и прочее.

Культурные установки и идеологемы могут сосуществовать на определенном культурном срезе, либо возможно проявление противоречивости, противопоставленности между ними.

5. СТЕРЕОТИП КАК ФРАГМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Рассматривая стереотип как явление языка и культуры, мы акцентируем наше внимание на том, что стереотип позволяет нам ориентироваться в социуме, поскольку дает нам культурно-детерминированное представление о ситуации, предмете, помогает определить свое место по шкале «свой — чужой». По своим функциям и сущности стереотипы близки к культурным установкам. Слово «стереотип» основано на греческих корнях со значениями «твердый, плотный» и «отпечаток, след» (др.-греч. στερεός — твердый, объемный + τύπος — отпечаток).

Впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман еще в 1922 г. для обозначения упорядоченных схематичных детерминированных культурой «картинок мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. Стереотип — это стандартное мнение, измеряющее деятельность той или иной социальной группы или индивида. Стереотипы, с одной стороны, упорядочивают знания, противопоставляя при этом свое чужому, помогают человеку ориентироваться в жизни, с другой стороны, стереотипы упрощают ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающие моменты сходства между ними и игнорирующие различия [16. С. 109]. Стереотипизация предполагает статичный взгляд на общество и человека, неумение воспринимать уникальность человеческой личности, стремление свести всех людей к ограниченному числу типов со стандартным набором характеристик. Среди стереотипов различаются гетеростереотипы (по терминологии О.А. Леонтович — экзостереотипы), т.е. внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы (О.А. Леонтович назвала их эндостереотипами), т.е. мифы о самих себе, существующие внутри одной культуры. Мы остановимся на гетеростереотипах/экзостереотипах, чтобы понять устойчивость мнения европейцев о враждебности русских. О.А. Леонтович в монографии «Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения» отмечает, что люди склонны отдавать предпочтение именно той информации, которая отвечает их внутренней логике, подтверждает устоявшиеся мнения и соответствует их ценностям и приоритетам [17. С. 284].

Отфильтровывая информацию, люди, как правило, противопоставляют «чужих своим», при этом «свои» воспринимаются с положительными эмоциями, им

отдается предпочтение перед «чужими», в результате психологи отмечают следующие когнитивные последствия: 1) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»; 2) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»; 3) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [18. Р. 645]. Механизмы формирования стереотипов связаны с особенностями человеческого мышления и психики: склонности личности делать выводы на основе собственного культурного опыта, ошибки в дедуктивном мышлении, сведение воедино разнородных характеристик людей как обязательно сопутствующих друг другу, тенденции приписывать причины определенных поступков характеру человека, а не обстоятельствам. При этом мотивы собственных поступков коммуниканты склонны объяснять сложившейся ситуацией, а не своими личными качествами [Там же]. М. Беннет выделяет два типа стереотипов: «доброкачественные» (*benign*), которыми оперируют доброжелательно настроенные, но плохо информированные люди, и более опасные — те, которые заведомо используются в неблагоприятных целях [19. Р. 31—32].

Стереотипы рассматриваются под разными углами зрения — как явление психологическое, социальное, языковое и т.д. С точки зрения физиологии стереотипы формируются на основе системы условных рефлексов. Так, советский физиолог П.К. Анохин, вводя понятие акцептора действия, пытался дать физиологическое объяснение целенаправленной деятельности высшей нервной системы [20. С. 199]. Своими работами Анохин продемонстрировал, что проблемы намерений и целеполагания могут исследоваться также и средствами физиологии. Ученый описывал процессы подкрепления и целеполагания с помощью терминологии физиологии, используя отношения между условными и безусловными раздражителями, представления об аффективной и эффективной информации. В коре мозга в ответ на осуществление одних и тех же видов деятельности в одно и то же время, в одной и той же последовательности изо дня в день образуется относительно устойчивая и продолжительная система временных связей.

6. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В СМИ

Безусловным раздражителем может служить слово. Постоянное повторение одних и тех же фраз, со временем приобретающих устойчивость на уровне языка, приводят к тому, что их значение оседает в подкорке головного мозга, а восприятие их происходит автоматически, без участия высшего сознания. Носители языка не задумываются над содержанием клишированных фраз, принимая их как данность, срабатывает стереотипизация. Необходимо учитывать также то, что восприятие врага опосредовано определенными источниками информации, например СМИ, которые могут целенаправленно формировать определенный имидж «врага», т.е. манипулировать общественным сознанием.

В речах американских политических деятелей Россия представлена империей зла, осью зла, в одном ряду с терроризмом и угрозой распространения Эболы.

Но анализ средств массовой информации позволяет проследить стадии формирования образа врага. У американцев воспитывается негативное отношение

к России, поскольку страна воспринимается как реальная опасность, а Америка конструируется образом жертвы.

В нашей выборке материалы за период с 2005 по 2015 г. 100 статей. Мы остановимся на статье от 1 ноября 2005 г. *Non-Proliferation and Russia*, отчете совета департамента иностранных дел об угрозе бактериологического оружия (obamaspeeches.com). В заголовке уже заложено противопоставление: нераспространение и Россия, предположение читателя о том, что власти Америки стремятся обеспечить безопасность не только своей страны, но и всего мира, а Россия в этой миссии, как всегда, не принимает участие, поскольку именно от нее всех надо спасать.

We've made amazing progress in finding, securing, and guarding some of the deadliest weapons that were left scattered throughout the former Soviet Union after the Cold War.

Мы достигли значительных успехов по обнаружению и обеспечению безопасности хранения смертоносного оружия, которое до сих пор находится на территории бывшего Советского Союза (здесь и далее перевод с англ. мой. — Т.Ф.)

Негативная коннотация сочетания *the deadliest weapons that were left scattered* (самое страшное смертоносное оружие, которое разбросано по всей территории без должного соблюдения правил хранения), безусловно, создает отрицательный образ страны, рисует в воображении потенциальную угрозу возможности заражения даже жителей Америки. Далее автор убеждает читателя в реальности несчастья, сгущая краски:

Rogue states and despotic regimes are looking to begin or accelerate their own nuclear programs.

Страны, не несущие ответственность за свою политику, и деспотические режимы только и ждут возможности начать активизировать программы по созданию своего ядерного оружия.

Истерия культивируется, поскольку трагедия очевидна, читателю, воспитанному на сериале «Звездные войны», хорошо известно, что в таких ситуациях одна надежда на спасение всего человечества возлагается только на Америку.

With the situation in Russia and the rest of the former Soviet Union so drastically different than it was in 1991, or even in 1996 or 2001, what must we do to effectively confront this threat in the days and years to come?

Ситуация в России и бывших советских республиках катастрофически ухудшается, ее нельзя сравнивать с состоянием дел в этой области, которая была в 1991 г., 1996 г. или даже в 2001 г. Возникает вопрос: «Что должны предпринять мы, чтобы в ближайшие годы или даже дни противостоять этой угрозе?»

Далее автор приводит реальные факты заражения сибирской язвой пяти работников почты, при обработке посылок, предназначенных для сотрудников Сената.

Here in Washington, we saw what happened when just two letters filled with just a few grams of Anthrax were sent to the U.S. Senate. Five postal employees were killed and the Senate office buildings were closed for months.

Здесь в Вашингтоне мы уже поняли, что может произойти, когда в Сенат по почте отправили только два письма, в которых было только несколько грамм спор сибирской язвы. Здание Сената закрыли на несколько месяцев, а пятеро сотрудников почты погибли.

Таким образом, в общественном сознании выстраивается логическая цепочка: эпизод с посылками реальный факт, следовательно, и угроза, исходящая из России, тоже реальна. В очередной раз подкрепляется образ врага, тем более Россия не может контролировать ситуацию.

Even the zealous Russian border guard is helpless against the global sweep of biological threats.

Даже рьяные российские пограничники беспомощны в предотвращении распространения по всему миру биологической угрозы.

Для американцев важно то, что они живут в демократической стране, где соблюдаются права и свободы, поэтому следующим фактом для убеждения и подтверждения образа врага в статье дается информация о том, что в бывшем Советском Союзе есть силы, которые стремятся остановить программу по нераспространению бактериологического оружия, более того, делегацию незаконно задержали в Перми, продержали три часа, нарушив их права. В России попираются права человека, демократические основы, что можно видеть в Чечне. Следовательно, перед Америкой встает серьезная проблема — как выстраивать отношения с Россией.

There are forces within the former Soviet Union and elsewhere that want these non-proliferation programs to stop. Our detention for three hours in Perm is a testament to these forces. Additionally, in the last few years, we've seen some disturbing trends from Russia itself — the deterioration of democracy and the rule of law, the abuses that have taken place in Chechnya, Russian meddling in the former Soviet Union — that raise serious questions about our relationship.

В бывшем Советском Союзе и в некоторых других странах есть силы, которые стремятся остановить программу контроля за нераспространением бактериологического оружия. Подтверждением реального факта существования этих сил может послужить инцидент, который произошел с нашей делегацией в Перми: нас три часа продержали в камере предварительного заключения. Кроме того, мы наблюдаем за тем, что происходит в России в последние годы и нас это настораживает: в Чечне нарушаются права и свободы жителей этой республики, Россия вмешивается во внутреннюю политику бывших союзных республик. Все это серьезно осложняет наши взаимоотношения.

Противопоставление «они — мы» в конце статьи укрепляет мнение читателя, что миролюбивой Америке трудно в борьбе с агрессивной, непредсказуемой, неуправляемой Россией, несмотря на все усилия американского правительства. Стереотип «свой — чужой» подкрепляется авторитетным мнением, приводится цитата из выступления президента Кеннеди в 1963 г:

I am reminded by a quote from the late President Kennedy given in a speech at American University in 1963 about threats posed by the Soviet Union. «Let us not be blind to our differences—but let us also direct attention to our common interests and to the means by which those differences can be resolved... For in the final analysis, our most basic common link is that we all inhabit this small planet. We all breathe the same air. We all cherish our children's future. And we are all mortal.»

Давайте не будем закрывать глаза на наши различия — но давайте не упускать из внимания и то, что нас объединяет, что поможет разрешить наши противоречия. В конечном счете, нас объединяет то, что все мы живем вместе на этой маленькой планете. Мы дышим одним воздухом. Мы заботимся о будущем наших детей. И все мы смертны.

7. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Не менее интересно рассмотреть примеры стереотипизации мышления в художественном тексте. Текст, как мы находим у Ю.М. Лотмана, обладает тремя основными функциями. Во-первых, способностью к адекватной передаче сообщения. Во-вторых, творческой. В-третьих, функцией памяти: «Текст — не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти... Создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории» [9. С. 21—22].

Роман Дэвида Митчелла «Луг Черного Лебедя» вышел в свет в 2006 г., действие происходит в 1982 г., автор отображает события этого времени в жизни главных героев [21]. В Великобритании в это время премьер-министр Маргарет Тэтчер, к которой у британцев очень сложные чувства за жесткую внутреннюю политику, не совпадающие с нашим отношением симпатии к железной леди. С первых страниц романа мы сталкиваемся с результатами холодной войны в политике, когда противостояние двух систем практически привело к психозу обычных жителей.

I blasted away at the skyful of Russian MiGs streaming over the Malowed. Soon tens of thousands of people between here and Cardiff owed me their lives. I'd shoot the Soviet airmen with tranquillizer darts as they pressed their ejector seats. Our marines'd mop them up. I'd refuse all medals. 'Thanks, but no thanks', I'd tell Margaret Thatcher and Ronald Reagan when Mum invited them in, 'I was just doing my job'.

Я вижу в небе огромное количество русских МИГов, они держат курс на запад. Я нажимаю на гашетку. Десятки тысяч жителей Англии до самого Кардиффа вверили свои жизни мне. В ответ на бомбардировку русских я открыл огонь на поражение своими дартсами-транквилизаторами. Тут инициатива перешла в руки нашего флота, и они завершили работу, очистив небо от врага. Я откажусь от всех наград. «Спасибо, не надо никакой благодарности», — скажу я Маргарет Тэтчер и Рональду Рейгану, когда мама пригласит их к нам домой. «Я просто выполнял свою работу».

Мальчику 12 лет. Безусловно, он еще не интересуется политикой, однако образ врага уже формируется в его сознании. Джейсон страдает заиканием, не может произнести слова, начинающиеся с определенных звуков, которые каждый раз пугают его неожиданностью выбора, потому что за это отвечает Hangman (висельник). Этих моментов он боится также как и начала ядерной войны, связанной русскими.

Apart from the Russians starting a nuclear war, my biggest fear is if Hangman gets interested in J-words, 'cause then I won't even be able to say my own name.

Я боюсь не только русских, которые начнут ядерную войну. Больше всего я боюсь Висельника, ведь он может переключиться на слова, начинающиеся со звука [дж], и тогда я не смогу произнести своего имени Джейсон.

Правда, британцы боялись в эти годы не только русских, но и американцев, которые разместили свои базы на территории Великобритании. Жители острова стали, таким образом, мишенью, легкой добычей, причем страх усиливался, т.к. что-либо предпринять было невозможно. Правительство советовало своим гражданам заклеить окна коричневой бумагой.

Сами британцы признают, что Россия и Великобритания — две европейские страны, у которых так много общего в истории, чтобы вторить Америке, которая называла нас империей зла. В 80-е гг. многие думали, что не Россия, а советская система враждебна прежде всего не столько для всего мира, сколько для своих граждан. Но в то время это рассматривалось как внутренняя проблема самого государства, однако возможность начала ядерной войны существовала. Страх усилился в 1986 г., когда Америка начала бомбить Ливию, используя свою военную базу в Оксфордшире. По логике британцев, да и всего сообщества, Россия должна была испугаться и враг должен быть морально повержен.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что процесс формирования образа врага опосредован, обусловлен ранее сформированными стереотипами, позволяет людям сохранять и передавать из поколения в поколение ранее сформированные образы и механизмы идентификации. Безусловно, стереотипы создают помехи в общении, образ партнера по коммуникации и его поступки пропускаются через призму стереотипов, могут привести к ложному истолкованию и неверной оценке поведения, в том числе и речевого. Все чаще, анализируя средства массовой коммуникации, мы говорим о вербальной агрессии и манипулировании общественным сознанием. Язык несет в себе огромную воздействующую силу, моделирует картину мира, определяет поступки, поведение, может либо закрепить создавшийся образ, либо заложить сомнение в правдивости застывшего в сознании образа.

© Дата поступления: 20.01.2016

Дата принятия в печать: 23.04.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. научн. Тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3—16.
- [2] Лесли А. Уайт. Культурология. В кн: Лесли А. Уайт. Энергия и эволюция культуры // Работы Л.А. Уайта по культурологии. (Сборник переводов). М.: Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам, 1996. С. 162—169.
- [3] Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 191—199.
- [4] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001. С. 102.
- [5] Пронина Л.А. Информационная культура как механизм саморегуляции общества // Философия, социология и культурология: Вестник ТГУ. 2012. Вып. 3 (107). С. 255.

- [6] Зелинский С.А. Защитные механизмы психики. Характеристика основных защит (Современные психотехнологии манипулирования). СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИ-ФИЯ», 2008. URL: <http://psyfactor.org/lib/zln0.htm>.
- [7] Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- [8] Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л.: Соцэкгиз, 1993.
- [9] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
- [10] Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.
- [11] Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 3 т. М.: Русский язык, 2000.
- [12] Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5—22.
- [13] Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.
- [14] Ильин И.А. «О грядущей России»: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993.
- [15] Клушина Н.И. Контекстные измерения мифологеми // Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. М., 2014. С. 154—157.
- [16] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001.
- [17] Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. М.: Гнозис, 2005.
- [18] Bootzin R.R., Bower G.H., Crocker J. Psychology Today. New York, etc.: McGraw-Hill, Inc., 1991.
- [19] Bennet M.J. Towards Ethnorelativism: A Development Model of Intercultural Sensitivity // Education for the Intercultural Experience / Ed. by R.M. Paige. U.S.A.: Intercultural Press, 1993. P. 21—71.
- [20] Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
- [21] David Mitchell, Black Swan Green. Sceptre, 2006.

THE IMAGE OF ENEMY AS A STEREOTYPE OF THINKING

T.A. Fomenko

State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region
The State University of Humanities and Social Studies
Zelyonaya St., 30, Kolomna, the Moscow Region, Russia, 140410

In this article we analyze the process of stereotype thinking and its verbal expression. We focus our attention on the symbolic vision of our society in the mind of Europeans: Russia is evil, a country where law and democracy have deteriorated. Our aim is to examine the process of mind manipulation and imprinting of the enemy image on the mind of the society by means of communication and show the difficulty of destruction of stereotypes which prevents people of the 21st century from the objective perception of reality. We conducted our study on dictionary entries, articles, B.Obama's speech in particular, and the extract from David Mitchell's book "Black Swan Green". The research is based on the data worked out by a number of sciences: Cultural Linguistics, Psychology, Psycholinguistics, Cross-Cultural Communication. We used

the methods of functional and pragmatic analysis of the text. A stereotype is defined as an element of the cultural code which can be decoded by means of language; it affects the way of thinking, behavior and lexis. Thus, the proposed thesis of a stereotype is supposed to be changing but too slowly. It is concluded that the sterotype “Russia is the enemy” possesses its formal linguistic, mental, and behavioural parametres.

Key words: stereotypes, image of the enemy, language behavior, verbal expression, thought control, mass media.

REFERENCES

- [1] Karasik V.I. O kategoriyah lingvokul'turologii. *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoj deyatel'nosti: Sb. nauchn. tr.* Volgograd: Peremena, 2001. S. 3—16.
- [2] Lesli A. Uajt. Kul'turologiya. V kn: Lesli A. Uajt. EHnergiya i ehvoluyuciya kul'tury. *Raboty L.A. Uajta po kul'turologii. (Sbornik perevodov)*. Moskva: Rossijskaya akademiya nauk. Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam, 1996. C. 162—169.
- [3] Lotman YU.M. Simvol v sisteme kul'tury. *Lotman YU.M. Izbrannye stat'i v 3 t.* T. I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallin, “Aleksandra”, 1992. S. 191—199.
- [4] Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. Moskva, Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. S. 102.
- [5] Pronina L.A. Informacionnaya kul'tura kak mekhanizm samoregulyacii obshchestva. *Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya: Vestnik TGU*. 2012. Vypusk 3 (107). S. 255.
- [6] Zelinskij S.A. Zashchitnye mekhanizmy psihiki. Harakteristika osnovnyh zashchit (Sovremennye psihotekhnologii manipulirovaniya). SPb.: Izdatel'sko-Torgovyj Dom «SKIFIYA», 2008. URL: <http://psyfactor.org/lib/zln0.htm>.
- [7] Gumbol'dt V. fon. YAzyk i filosofiya kul'tury. M.: Progress, 1985.
- [8] Sepir EH. YAzyk. Vvedenie v izuchenie rechi. M.; L.: Socehgiz, 1993.
- [9] Lotman YU.M. Vnutri myslyashchih mirov. CHElovek — tekst — semiosfera — istoriya. M., 1999.
- [10] Makovskij M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropejskih yazykah: Obraz mira i miry obrazov. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 1996.
- [11] Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj v 3 t. M.: Russkij yazyk, 2000. URL: http://slovonline.ru/slovar_efremova/b-2/id-11520/vrag.html Izdatel'stvo: AST, Astrel', Harvest, Lingua.
- [12] Boldyrev N.N. YAzykovye kategorii kak format znaniya. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2006. № 2. S. 5—22.
- [13] Psihologicheskij slovar'. Ed. A.V. Petrovskogo, M.G. YAroshevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. M.
- [14] Il'in I.A. «O gryadushchej Rossii»: Izbrannye stat'i. Ed. N.P. Poltorackogo. M.: Voenizdat, 1993.
- [15] Klushina N.I. Kontekstnye izmereniya mifologemy. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy konf.* M., 2014. S. 154—157.
- [16] Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie. Moskva: Akademiya, 2001.
- [17] Leontovich O.A. Russkie i amerikancy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya: Monografiya. Moskva: Gnozis, 2005.
- [18] Bootzin R.R., Bower G.H., Crocker J. *Psychology Today*. New York, etc.: McGraw-Hill, Inc., 1991.
- [19] Bennet M.J. Towards Ethnorelativism: A Development Model of Intercultural Sensitivity. *Education for the Intercultural Experience*. Ed. by R.M. Paige. U.S.A.: Intercultural Press, 1993. P. 21—71.
- [20] Grekhhehm L.R. Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze: Per. s angl. M.: Politizdat, 1991.
- [21] David Mitchell, Black Swan Green. Sceptre, 2006.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КВЕБЕКЦЕВ

К.Э. Болотина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В данной статье предпринята попытка лингвокультурологического анализа прецедентных феноменов квебекской культуры как составляющих когнитивной базы квебекцев. Прецедентные феномены как явления национальной культуры являются одним из центральных вопросов современной лингвистики и когнитивистики. Под прецедентными феноменами мы, вслед за Ю.Е. Прохоровым, понимаем единицы, вербализация которых в речи отсылает к некому факту культуры, стоящему за ними. В данной работе рассматриваются такие прецедентные феномены, как прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя. Основные положения теории прецедентности (Ю.Н. Караулов, Ю.Е. Прохоров, В.В. Красных, В.Г. Костомаров, Д.Б. Гудков) заложены в основу исследований прецедентности на материале различных национальных языков. Однако комплексный анализ прецедентных феноменов на материале квебекского национального варианта французского языка в отечественной лингвистике предпринят впервые. Рассмотрение прецедентных феноменов позволяет не только выявить особенности их функционирования в этноспецифическом дискурсе, но и определить культурные доминанты в языковой картине мира жителей провинции. В связи с тем, что данная работа ограничена определенным регламентом, мы остановились на анализе восьми прецедентных для носителей квебекской лингвокультуры феноменов. При отборе учитывалась частотность их воспроизведения в этноспецифическом дискурсе. Рассмотренные явления носят национальный характер, т.е. известны всем представителям квебекского лингвокультурного сообщества. За каждым феноменом, представленным в данной статье, стоит значимое культурное явление. Таким образом, для полноты лингвокультурологического анализа отобранных феноменов нами был предпринят анализ исторического, политического и культурного контекстов исследуемых прецедентных явлений. Данное исследование позволило выявить дифференциальные признаки, заложенные в ядре каждого из рассматриваемых нами феноменов. Выводы, сделанные нами, подкреплялись иллюстративным материалом, извлеченным из квебекских художественных и медийных текстов. Предпринятый в данной статье анализ прецедентных феноменов позволил в определенной степени реконструировать квебекское культурное пространство и явился шагом на пути к реконструкции языковой картины мира жителей провинции.

Ключевые слова: прецедентный феномен, когнитивная база, этноспецифический дискурс, языковая картина мира, квебекский национальный вариант французского языка.

1. ВВЕДЕНИЕ

Языковая картина мира (ЯКМ) — один из актуальных и интереснейших предметов исследования современной лингвистики. Понятие ЯКМ восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который утверждал, что «различные языки по сути своей, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [2. С. 370].

Многие современные исследования также фокусируются на вопросе, какое влияние оказывает язык на восприятие окружающего мира.

Отвечая на данный вопрос, американский ученый в области когнитивистики Лера Бородитски пишет: «*Language can be a powerful tool for shaping abstract thought. When sensory information is scarce or inconclusive (as with the direction of*

motion of time), languages may play the most important role in shaping how their speakers think» («Язык может быть мощным инструментом формирования абстрактной мысли. Когда информация, получаемая через органы чувств, оказывается недостаточной или неубедительной (как в случае направления движения времени), языки могут играть наиважнейшую роль в определении того, как говорящие мыслят» (здесь и далее перевод наш. — К.Б.) [13. С. 20], утверждая, таким образом, что носители разных языков могут иметь больше различий в концептуализации мира, чем представлялось ранее.

ЯКМ является определенным способом фиксации знания и представлений об окружающей действительности. Рассматривая вслед за О.С. Чесноковой ЯКМ как «один из семиотических кодов культуры, ею же обусловленный» [9. С. 28], нам представляется важным изучить прецедентные феномены с целью выявить составляющие ЯКМ квебекцев.

Исследование прецедентности является актуальным направлением современной научной мысли. Под прецедентными феноменами нами понимаются единицы лингвистического и когнитивного плана, актуализация которых в дискурсе апеллирует к некому факту культуры, который за ними стоит.

Одним из наиболее спорных моментов теории прецедентности является вопрос о подразделении прецедентных феноменов на видовые понятия. Возможно ли четкое разграничение явлений, носящих прецедентный характер, на виды? Во всех ли ситуациях можно однозначно сказать, феномен какого порядка нам представлен?

Для анализа нами были отобраны восемь прецедентных феноменов как когнитивного, так и лингвистического плана. Критерием отбора послужила частотность их воспроизведения и/или актуализации в этноспецифическом дискурсе Квебека.

На основании анализа материала исследования мы попытаемся обосновать гипотезу о тесной взаимосвязи прецедентных феноменов, объединенных неким общим фактом культуры и, таким образом, необходимость анализа исторического, экономического и культурного контекстов.

Цель представленного исследования — доказать значимость комплексного анализа прецедентных феноменов в языковой картине мира представителей одного лингвокультурного сообщества.

Квебек является крупнейшей франкоговорящей провинцией Канады и имеет богатую культуру и историю. Ключевые исторические моменты и доминантные культурные ценности, безусловно, нашли отражение во французском языке провинции. Именно на материале квебекского национального варианта французского языка мы будем рассматривать прецедентные феномены как конгломерат особого культурного знания и особое информационное поле.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИКЕ

Понятие «прецедентности» активно используется в современных лингвистических исследованиях, посвященных актуальным проблемам межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики. Формированию понятийного аппа-

рата теории «прецедентности» в лингвистике и сопряженных с ней науках способствовало введение в 1987 г. видным отечественным лингвистом Ю.Н. Карауловым понятия «прецедентный текст». Под прецедентным текстом (ПТ) ученый понимает, в первую очередь, текст, значимый в познавательном и эмоциональном отношении, во-вторых, носящий сверхличностный характер, т.е. хорошо знакомый всем представителям одного лингвокультурного сообщества, в-третьих, апелляция к которому постоянно возобновляется в дискурсе [4. С. 216].

Отметим, что Ю.Н. Караулов достаточно широко понимает «текст», и во многом его мысли созвучны пониманию Ю.М. Лотманом текста как культуры. Ю.М. Лотман выдвигал тезис о тексте не как высказывании или «реализации сообщения» на каком-либо одном языке, а как продукт двойной кодировки. Чтобы стать текстом, высказывание на естественном языке, по мнению ученого, должно пройти кодировку вторичным языком — языком определенного искусства, чью оболочку оно принимает, превращаясь в «ритуальную формулу» [7].

Именно из такого широкого толкования понятия «текст», на наш взгляд, логично вытекают выделяемые Ю.Н. Карауловым способы существования ПТ в том или ином лингвокультурном сообществе:

- 1) *натуральный* — текст как прямой объект восприятия;
- 2) *вторичный* — перекодировка текста языком другого искусства;
- 3) *семиотический* — апелляция к тексту через символы, с ним связанные [4. С. 217].

Развивая идеи Ю.Н. Караулова, известный отечественный русист Ю.Е. Прохоров выделяет следующие способы существования ПТ: прецедентное именование, прецедентную цитацию, прецедентную аллюзию и прецедентную реминисценцию. Ученый определяет прецедентные феномены (способы существования ПТ) как «те вербализуемые в коммуникации единицы, реализация которых влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ним стоит» [8. С. 153]. Прецедентные феномены выступают, таким образом, в роли символов, посредством которых происходит апелляция к некому тексту (в широком смысле), известному всем представителям одного лингвокультурного сообщества.

В данной работе мы будем придерживаться иной классификации ПФ, однако данное Ю.Е. Прохоровым определение кажется нам наиболее удачным из всех, предложенных на настоящий момент, и именно его мы будем подразумевать, говоря о прецедентных феноменах как таковых.

Несколько отличную точку зрения на прецедентный текст, в частности, и прецедентные феномены в целом, принимают участники семинара «Текст и коммуникация» [1; 3; 6].

Термин «прецедентный феномен» был введен в 1997 г. известным отечественным русистом В.В. Красных. В данное понятие ученый вкладывает смысл, который некогда дал Ю.Н. Караулов термину «прецедентный текст». Под прецедентными феноменами (ПФ) В.В. Красных понимает феномены «1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелля-

ция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [6. С. 58].

Такая замена одного означающего другим вытекает из разного толкования понятия текста как такого. Участники семинара сужают смысл термина «текст», делая его видовым понятием по отношению к родовому — «феномен». Нам кажется вполне оправданной такая подмена понятий, и мы, вслед за В.В. Красных, под ПТ будем понимать «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [6. С. 68].

Помимо ПТ участники семинара относят к ПФ такие понятия, как прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентная ситуация (ПС). Как отмечает Ю.Е. Прохоров, «все названные феномены тесно взаимосвязаны. При актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких других прецедентных феноменов, связанные общностью происхождения, они могут выступать как символы друг друга» [8. С. 152].

Уточним, что, если придерживаться терминологии, предложенной участниками семинара «Текст и коммуникация», не все ПФ могут выступать в роли символов, актуализируя другие. Феномены лингвистического плана, к которым относятся прецедентные имена и прецедентные высказывания, могут апеллировать к другим феноменам — феноменам когнитивного плана — прецедентным текстам и прецедентным ситуациям. Поясним сказанное.

Вышеперечисленные феномены различаются способами существования и функционирования в том или ином лингвокультурном сообществе. Феномены лингвистического плана являются вербальными феноменами, и они хранятся в нашей памяти в том виде, в котором они воспроизводимы в речи. Феномены когнитивного плана, однако, вне зависимости от того, являются ли они вербальными или нет, фиксируются в памяти в виде некоего инварианта восприятия. Так, например, «Война и мир» Л.Н. Толстого, безусловно, является прецедентным текстом для представителей русской лингвокультуры. Однако сложно себе представить, что данный текст хранится в памяти каждого носителя в полном объеме, т.е. более чем тысяча страниц текста. И апелляция к тексту происходит не путем его полного воспроизведения, а через (прецедентные) имена или высказывания, связанные с ним.

Прецедентная ситуация является когнитивным невербальным феноменом и также фиксирована в памяти в виде некоего инварианта восприятия. Ситуация актуализируется в большинстве случаев посредством ее вербализации или использования прецедентных имен, которые связаны с ней. Симптоматичным примером может служить упоминание Иуды в ситуациях, связанных с предательством. Ситуация предательства Христа Иудой, знакомая всем представителям христианской веры, выступает «эталоном» всех последующих ситуаций предательства. Из данного примера логично вытекает определение ПС как «некой «эталонной», «идеальной» ситуации, связанной с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [6. С. 47].

Таким образом, нами были представлены определения феноменов когнитивного плана, входящих в разряд прецедентных. Остановимся на определениях ПФ лингвистического плана.

Первым после ПТ закрепившимся в понятийном аппарате словообразовательным дериватом термина «прецедентность» стало понятие «прецедентное высказывание», введенное в 1994 г. отечественными лингвистами В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой. Ученые, развивая идеи Ю.Н. Караулова о способах функционирования ПТ в лингвокультуре, рассматривают ПВ как результат «текстовой редукции».

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова выдвигают тезис о том, что за каждым ПВ стоит некий (прецедентный) текст или ситуация. С данным утверждением сложно не согласиться, однако особо подчеркнем, что, на наш взгляд, причисление высказывания или фразы к разряду прецедентных логично в случае наблюдения максимального «отрыва» высказывания от текста или ситуации, в которой это высказывание было произведено.

Если развертывание смысла, заложенного в высказывании, возможно без отсылки к контексту его порождения, то можно говорить о ПВ как отдельном виде ПФ. Если же актуализация высказывания осуществима только при условии понимания исходного контекста, то стоит говорить не о собственно прецедентном высказывании, а способе существования и функционирования прецедентного феномена когнитивного плана посредством высказывания.

Таким образом, уточним определение, предложенное В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой: ПВ — самодостаточная единица, смысл которой «не всегда выводится из суммы смыслов составляющих ее слов» [5. С. 76], и для понимания которого необязательна актуализация исходного контекста.

Другим лингвистическим феноменом, входящим в разряд прецедентных, является «прецедентное имя». В данной работе, вслед за отечественным лингвистом Д.Б. Гудковым, под ПИ мы будем понимать «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (напр., Обломов, Тарас Бульба) или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (напр., Иван Сусанин, Колумб), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов)» [1. С. 108].

Важно подчеркнуть, что для функционирования в качестве прецедентного имя должно обладать рядом дифференциальных признаков, которые и будут актуализироваться в дискурсе.

Как мы уже отмечали ранее, феномены когнитивного плана (ПС и ПТ) функционируют в дискурсе представителей того или иного лингвокультурного сообщества отличным от феноменов лингвистического плана образом. Вне зависимости от того, являются ли они вербальными или невербальными, их актуализация в дискурсе чаще всего осуществляется при помощи использования (прецедентных) имен и/или высказываний, связанных с ними, что и является своего рода вербализацией. Тем самым объясняется тесная связь между всеми видами ПФ. Часто

актуализация одного из них в дискурсе апеллирует и отсылает к другим феноменам, с ним связанным.

Подводя итог всему вышесказанному, нам видится логичным рассматривать не каждый прецедентный феномен в лингвокультуре квебекцев по отдельности, а подразделить их на две группы: вербальные и вербализуемые феномены. К вербальным феноменам относятся ПФ лингвистического плана (ПИ и ПВ). К вербализуемым — феномены когнитивного плана (ПТ и ПС).

Оговоримся, что ПТ, безусловно, по своей сути является вербальным феноменом. Тем не менее, как мы отмечали ранее, он хранится в памяти в виде инварианта восприятия. Таким образом, для его актуализации в дискурсе необходима вербализация данного инварианта. Этот факт позволяет нам отнести ПТ к группе вербализуемых ПФ.

3. ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ КВЕБЕКЦЕВ

Согласно определению прецедентных феноменов, приведенному ранее, за каждым прецедентным феноменом стоит некий факт, известный всем представителям лингвокультурного сообщества. В данном разделе мы попытаемся понять, какие факты стоят за ПИ и ПВ, реализуемыми в дискурсе носителей квебекской лингвокультуры.

К числу прецедентных имен в квебекском лингвокультурном сообществе нам кажется возможным отнести как ряд реалионимов, так и мифонимов.

Рассмотрим отдельные ПИ с реалионимами. О возможности отнести имена тех или иных выдающихся личностей провинции к категории «прецедентных» мы судили по вхождению этих имен в устойчивые выражения и/или по наличию у них словообразовательных дериватов.

Безусловно прецедентным для квебекцев является имя Мориса Дюплесси (*Maurice Duplessis*), премьер-министра провинции Квебек (1936—1939).

Морис Дюплесси известен своей авторитарностью, в связи с чем годы его правления известны как период «Большой тьмы» (*Grand Noirceur*), что, в свою очередь, образует другое прецедентное явление. Именно его властный и непреклонный характер является одним из дифференциальных признаков, составляющих ядро данного ПИ.

Имя Мориса Дюплесси часто встречается в художественном дискурсе Квебека. Приведем пример из романа современного квебекского автора Микаэля Делиля (*Michael Delisle*) «Lefeudemonpère». Писатель рассказывает историю своей семьи. Его дедушка Гормизд Делиль (*Hormisdas Delisle*) был одним из министров в годы правления Дюплесси (*sous la règne de Duplessis*).

В 50-е гг. XX в. был крайне популярен стиль политической карикатуры. Депутатов партии «Национальный союз» (*L'Union nationale*), во главе которой стоял Морис Дюплесси, старались изобразить как «марионеток на службе у диктатора» (*des fantoches au service de leur cheuf*) [15]. Интересно, что слово *cheuf* используется либо как апеллиант к ПИ Мориса Дюплесси, либо для обозначения человека, занимающего управляющую должность и имеющего авторитарный характер.

Приведем пример из медийного дискурса: *Or, cesontplutôt les méthodes de vente de M. Charest qui rappellent celles du «cheuf» et son slogan inoubliable: «Duplessis donne à sa province»* (Все дело в методах сбыта г-на Шапе, которые напоминают методы «шефа» и его незабываемы слоган: «Дюплесси отдает провинции») [16].

Таким образом, мы можем убедиться какие дифференциальные признаки актуализируются в первую очередь при апелляции к данному ПИ.

О вхождении имени Мориса Дюплесси в когнитивную базу квебекцев говорит и тот факт, что от данного антропонима существует множество словообразовательных дериватов в квебекском национальном варианте французского языка: *duplessiste/antiduplessiste, duplessisme/antiduplessisme, néoduplessisme, néoduplessiste, aprèsduplessisme*.

Другим видным политическим деятелем, чье имя закрепилось в фразеологизме и, таким образом, позволяет нам отнести его к разряду «прецедентных», является Луи-Жозеф Папино (*Louis-Joseph Papineau*).

Папино был известен своей высокой образованностью. Уже в возрасте 22 лет Папино вступил в парламент, а в 29 — стал главой Канадской партии. Им восхищались за ум, воспитанность и интеллигентность. Поэтому именно с его именем связано распространенное в Квебеке выражение “*ça ne prend pas la tête à Papineau*” (дословно «не нужно иметь ум Папино», т.е. не нужно быть гением), которое используется, когда речь идет о какой-то простой идее, которую несложно понять.

Приведем несколько примеров использования данного выражения в современном медийном и художественном дискурсах провинции.

Одна из статей, опубликованная на сайте центра по борьбе за права женщин в провинции, озаглавлена «*Ça prend pas la tête à Papineau pour savoir que l'austérité est unmauvaiscalcul*» (Не нужно быть гением, чтобы понять, что жесткие меры экономии — это не выход).

Другим примером послужит цитата из культового романа современного квебекского писателя Ива Бошмена (*Yves Beauchemin*) «*Le matou*»: *Florent, interloqué, hésita un moment, puis avoua son ignorance. — Eh bien, si on n'est pas venu, c'est qu'on n'a pas pu. Toc toc toc, c'est toi. Vous n'êtes pas la tête à Papineau, entre vous et moi* [10. С. 182] (Флоран, сбитый с толку, поколебался минуту, затем признался в своем незнании. — Ну, если не пришли, значит не могли. Тук тук тук, есть кто? Умом то вы не блещите, между нами говоря).

Таким образом, мы видим, что за ПИ с реалионимом не обязательно стоит некий текст или некая конкретная ситуация. За ними стоит личность, имя которой становится для представителей квебекской лингвокультуры прецедентным, т.е., как писал Д.Б. Гудков, «именем-символом». В ядро ПИ закладываются те дифференциальные признаки, которые характеризовали личность, носившую данное имя.

Интересно наблюдать особенности функционирования ПИ в квебекском лингвокультурном сообществе. Во-первых, из приведенных нами примеров становится очевидно, что прецедентное имя может использоваться в разного рода фразеологизмах и устойчивых словосочетаниях. В таком случае его реализация в дискурсе будет актуализировать дифференциальные признаки, заложенные в ядре.

Во-вторых использование ПИ в дискурсе помогает создать определенный контекст, и, таким образом, ПИ является познавательным в когнитивном и эмоциональном плане, апеллируя к определенным событиям или к целой эпохе.

В-третьих, ПИ может быть подвержено процессу словообразовательной деривации, что, как нам кажется, лишний раз подтверждает вхождение данного имени в разряд прецедентных. Словообразовательные дериваты отсылают к ПИ и заложенным в нем характеристикам.

Рассмотрим пример мифонима, функционирующего в качестве ПИ в лингвокультуре квебекцев. Личное имя персонажа культового квебекского романа «*Un homme et son péché*» (*Мужчина и его грех*) является для квебекцев прецедентным. Главный герой романа Серафим Пудрие (*Séraphin Poudrier*) был крайне жадным человеком. Подобной жадности жители провинции еще не встречали, поэтому именно данный мифоним подвергся процессу деонимизации (переход имени собственного в нарицательное). В современном французском языке Квебека существует имя нарицательное *séraphin*, которое используется для обозначения очень жадного человека.

Приведем пример из романа «*Le Matou*»: *Mais ne comptez pas sur ses bidous: il est plus séraphin que Séraphin lui-même!* [10. С. 20]. (*Даже не рассчитывайте на его деньги: он еще более жадный, чем сам Серафим!*).

В данном случае мы видим, что ПИ связано с широко известным текстом. Однако реализация данного ПИ в дискурсе в первую очередь актуализирует признак жадности, заложенный в его ядре, а не апеллирует к тексту романа. Вербализация текста (путем двойного использования ПИ), как в случае приведенного нами примера, возможна, но не является необходимой. Для понимания смысла, заложенного в данном ПИ, необязательно знакомство с текстом романа.

Предположим также, что для ряда жителей провинции значение имени нарицательного *séraphin* вполне понятно, хотя этимология может быть неясна. В таких случаях это будет объясняться не незнанием текста, так как в когнитивную базу каждого представителя квебекской лингвокультуры входит некий инвариант восприятия данного ПТ, а самостоятельностью существования и функционирования данного ПФ.

Другим вербальным ПФ является прецедентное высказывание.

Как мы говорили ранее, между всеми ПФ существует тесная взаимосвязь, и иногда однозначно сказать, о феномене какого типа идет речь в том или ином случае, крайне сложно. Как мы увидим в следующем разделе, часто за ПВ стоит некая ситуация и/или текст. В этом же разделе мы приведем пример ПВ, которое не является символом ПФ когнитивного плана.

Речь идет о распространенном в квебекском варианте французского языка выражении «*avoir l'air de la chienne à Jacques*» (дословно «выглядеть как собака Жака», т.е. очень плохо, безвкусно одеваться).

Что позволяет нам отнести это выражение к разряду прецедентных высказываний, а не фразеологизмов? Приведем симптоматичное рассуждение В.В. Красных: «И.В. Захаренко высказала предположение, с которым трудно не согласиться:

очевидно, с точки зрения диахронии, за фразеологизмами стоит прецедентная ситуация, что позволяет рассматривать некоторые такие единицы... как прецедентные высказывания, ограничивая их от собственно фразеологизмов» [6. С. 68].

Этимология этого высказывания до конца неизвестна, тем не менее одним из вариантов объяснения выступает именно ситуация, имевшая место в неопределенном прошлом.

У одного из жителей Квебека, некоего Жака Обера, была собака. Эта собака сильно болела, в результате чего у нее выпала вся шерсть. Чтобы не дать ей замерзнуть, хозяин одевал ее в свою старую одежду. Этот образ закрепился в сознании квебекцев в виде определенной оценки внешнего вида, что и нашло отражение в прецедентном высказывании.

В данном высказывании также присутствует ПИ — *Jacques*. Жак одно из доминантных имен в квебекской лингвокультуре. Это настоящее имя-символ, которое может использоваться для экспликации определенных черт характера. Личное имя Жак считается деревенским именем и, выступая в качестве имени нарицательного, обозначает «деревенщина, простак».

Приведем пример, который мы встретили в одной из статей, опубликованных на сайте научного центра, занимающегося вопросами французского языка в Квебеке. Пример взят из радиоромана «Марго» (*Margot*): «*T'as toujours les cheveux en broussailles, la barbe mal faite, les souliers pleins de taches, ça donne pas confiance aux gens, ça. Penses-tu que mon patron me garderait si j'arrivais au bureau **attriquée comme la chienne à Jacques?***» (*У тебя вечно спутанные волосы, плохо постриженная борода, грязная обувь — это все совсем не внушает доверия людям. Ты что, думаешь, что мой начальник оставил бы меня, если б я приезжала на работу в таком жутком виде?*) [17].

В этой же статье высказывается крайне интересное мнение о возможном альтернативном источнике данного ПВ. По словам автора, в XVI в. слово *jacque* обозначало броню, которую надевали на борзых, отправляясь на охоту на кабана. Собака при этом, вероятно, выглядела крайне жалко. Впоследствии *jacque* могло трансформироваться в нечто более привычное — личное имя *Jacques*.

Именно в таком значении нам встречается выражение *chienne à Jacques* в романе Алана Больё (*Alain Beaulieu*) «*Fou-Bar*»: «*Elle se mouche une dernière fois, me remercie puis s'éloigne à petits pas, piteuse comme **la chienne à Jacques***» [11. С. 186—187] (*Она высморкалась последний раз, поблагодарила меня и удалилась мелким шагом, с жалким видом*).

Отметим, как расценивают представители квебекской лингвокультуры данное выражение: «*c'est un objet culturel vivant, qui véhicule un message implicite chaque fois qu'elle est employée*» (*это живой предмет культуры, который передает имплицитно заложенную в нем информацию каждый раз, когда употребляется*) [17].

Таким образом, данное выражение, как и другие вербальные ПФ, рассмотренные в данном разделе, обладает всеми характеристиками, позволяющими отнести его к разряду прецедентных феноменов. Это высказывание — символ некоего

культурного феномена, который за ним стоит, и его реализация в речи, может и неосознанно, апеллирует к общенациональному знанию, которое хранится в когнитивной базе всех представителей данного общества.

4. ВЕРБАЛИЗУЕМЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ КВЕБЕКЦЕВ

В данном разделе мы рассмотрим отдельные вербализуемые в дискурсе представителей квебекской лингвокультуры ПФ.

К вербализуемым ПФ относятся ПС и ПТ. Прецедентные ситуация и текст являются феноменами когнитивного плана. Они хранятся в когнитивной базе квебекцев в виде некоего инварианта их восприятия. Для их непосредственной актуализации в речи необходима либо их словесная реализация, либо же использование неких символов, апеллирующих к данным феноменам.

Как мы говорили ранее, одним из наиболее ярких прецедентных феноменов в квебекской лингвокультуре является имя видного политического деятеля — *Мориса Дюплесси*. С данным именем связано множество явлений, как лингвистического, так и когнитивного плана.

Одно из таких явлений — это ситуация жуткой несправедливости, имевшей место в годы правления Дюплесси и связанная с его именем. В квебекском национальном варианте французского языка существует выражение *orphelin(e) de Duplessis* или *enfant de Duplessis*, которое сейчас используется для обозначения людей, по отношению к которым существуют физические и моральные предубеждения.

Изначально под этим выражением подразумевали детей-сирот, которых в промежутки с 1930 по 1965 г. массово ложно признавали психически больными и отправляли в психлечебницы, где над ними проводились опыты.

В 90-е гг. XX в. выжившие в этой жуткой несправедливости и выпущенные из психлечебницы по достижении совершеннолетия основали общество *les Orphelins de Duplessis* и запустили кампанию по борьбе за свои права. Кампания была направлена в основном против правительства, ответственного за подделывание документов о психическом здоровье сирот и проведение над ними разного рода опытов. Представители данной организации также обвиняли церковь в причастности к данным злодеяниям. Под удар попал и Медицинский колледж Квебека (*the College of Physicians of Quebec*), который, по утверждениям жертв, участвовал в подделывании документов о состоянии психического здоровья детей-сирот.

Эта ситуация и в настоящее время реализуется в медийном дискурсе квебекцев. В качестве примера приведем заголовок одной из статей в газете *Le Devoir*: «*Les orphelins de Duplessis libérés d'unfardeau*» («Сироты Дюплесси» свободны от бремени) [14].

Другой прецедентный феномен «Большая тьма» (*La grande noirceur*) также тесно связан с описываемой нами ситуацией. Именно с целью актуализации данной ПС квебекский писатель Род Вьено (*Rod Vienneau*) использует название этого

феномена в заглавии книги «*Grande noirceur*» (*Большая тьма*) с подзаголовком «*Les enfants de la Grande Noirceur. Un génocide canadien*» (*Дети «Большой тьмы». Геноцид канадцев*) [20].

Ранее мы говорили, что за большинством ПВ стоит некий феномен когнитивного плана. Именно о таком феномене сейчас будет идти речь. Разберем ПС, которая емко вербализуется в дикурсе жителей провинции посредством ПВ: «*Riel, notre frère est mort*».

Данная ситуация связана с именем выдающегося политического деятеля Луи Риэля (*Louis Riel*). Риэль — основатель провинции Манитоба, лидер канадских метисов. Именно он возглавлял серию их восстаний, в результате чего и был приговорен к казни через повешение.

Ситуация казни Луи Риэля закрепилась в сознании квебекцев как одна из самых больших несправедливостей. Так, Исмен Туссан (*Ismene Toussaint*), автор книги «*Louis Riel: Le bison de cristal: hommage*» (*Луи Риэль: хрустальный бизон: дань уважения*), озаглавил свою речь в честь запуска продаж книги: «*N'oublions pas l'une des plus grandes injustices de l'histoire*» (*Так не забудем одну из самых великих несправедливостей, имевших место в истории*) [19].

Некоторое время спустя после провозглашения Канадской конфедерации власти Оттавы начали рассматривать земли, находившиеся к западу от провинции, как продолжение своих земель. Земли, на которых проживали метисы, начали заселять англоговорящие канадцы. Прибытие новых поселенцев метисы расценили как захват территорий. В 1870 г. метисы созывают временное правительство, которое возглавляет Риэль. Во главе колонистов стоит Томас Скотт, который грозит метисам вооруженным восстанием. Попав в плен, Томас Скотт признается виновным и приговоренным к казни. Этого власти Оттавы не смогут забыть и спустя 15 лет, когда назреет новый конфликт с метисами.

В начале 1880-х гг. политика землеустройства, проводимая канадским правительством, все также угрожает населению метисов. Чтобы отстоять свои права на заселенные ими земли, метисы обращаются к Луи Риэлю, который в тот момент скрывался в Соединенных Штатах. Созывается временное правительство, которое вновь возглавляет Риэль.

После ряда военных действий войска конфедерации одерживают победу, и 16 мая 1885 г. Луи Риэль сдается властям.

Слушание дела начинается двумя месяцами позже. Суд присяжных формируется исключительно из англоговорящих протестантов. Правительство Джона А. Макдональда (премьер-министра Канады) назначает судью. Сторонники Риэля пытаются оспорить правомерность такого слушания, однако правительство отказывается прерывать слушание дела.

Защита Риэля строится на попытках признать его невменяемым. Риэль до последнего отказывается от таких утверждений, чтобы не дискредитировать действия, направленные на защиту прав метисов.

1 августа 1885 г. присяжные признают Луи Риэля виновным в государственной измене и определяют передать осужденного на милость Британской короны.

Однако судья не следует рекомендациям присяжных и приговаривает Риэля к казни через повешение.

16 ноября 1885 г. приговор вводят в силу. Вот что об этом пишет историк Пьер Руссо (*Pierre Rousseau*): «*Lorsque la nouvelle est confirmée, colère et amertume gagnent le Québec. Il est évident aux yeux de la population que Riel a été pendu parce qu'il est canadien-français et parce que l'Ontario réclamait vengeance pour la mort de Thomas Scott*» (Как только известия подтвердились, гнев и горечь наполняет всех жителей Квебека. Всему населению ясно, как Божий день, что Риэль был повешен потому, что он франкоговорящий канадец и потому, что Онтарิโอ требовало мести за смерть Томаса Скотта) [18].

Именно о такой несправедливости 22 ноября 1885 г. говорит Оноре Мерсье (*Honoré Mercier*): «*Riel, notre frère, est mort, victime de son dévouement à la cause des métis dont il était le chef, victime du fanatisme et de trahison*» (Риэль, наш брат, мертв; он пал жертвой своей преданности делу метисов, лидером которых он был; жертва фанатизма и предательства) [12. С. 190].

Часть приведенного выше высказывания стала прецедентной для представителей квебекской лингвокультуры и хранит в себе знание о ситуации жуткой несправедливости, ситуации, знакомой в том или ином виде всем жителям провинции и, таким образом, закреплённой в когнитивной базе в виде прецедентной.

Рассмотрим отдельные прецедентные тексты, закреплённые в когнитивной базе квебекцев. Приведем пример из художественного дискурса: «*Ailleurs, une caricature de Robert La Palme montre le député de Saint-Henri en vacancier en train de se faire bronzer dans une chaise longue. Il brandit une page de statistiques qui accordent seulement 34% à «l'Oignon national» (contre 58% aux libéraux). Le texte du dessin contient une allusion littéraire: «Être miniss' pour Duplessis c'est un bonheur d'occasion!»*» [15. С. 105] (Карикатура Робера Ля Пальма показывает депутата от Сан-Анри на отдыхе, загорающим на шезлонге. Он обмахивается листом, на котором изображена статистика: 34% — «Национальный союз» (против 58% либералов). Текст карикатуры содержит литературную аллюзию: «Быть министром в правление Дюплесси — потасканное счастье!»).

«*Bonheur d'occasion*» — классика квебекской литературы. Роман Габриэль Руа (*Gabrielle Roy*) повествует о жизни семьи из района Сан-Анри, Монреаль, в годы Второй мировой войны. Живое описание судеб типичных представителей рабочего класса того времени заставило многих квебекцев по-новому взглянуть на жизнь. Написанный в эпоху «Большой тьмы», роман предвещает «Тихую революцию», одним из катализаторов которой, возможно, и явился данный текст, повлиявший на самосознание квебекцев.

Если роман «*Bonheur d'occasion*» только предвещал серьезные перемены в обществе квебекцев, то следующий текст, относимый нами к прецедентным, стал символом борьбы провинции за независимость. Речь идет о сборнике стихов знакового квебекского поэта — *Le poète national* — Гастона Мирона (*Gaston Miron*) «*L'homme garillé*» (В русском переводе «*Заитопанный человек*»).

Позиция поэта четко просматривается в стихах: призыв противостоять давлению французского языка и не поддаваться унижениям, которым франко-

говорящее население Канады подвергалось долгое время. Данный ПТ символизирует становление квебекской идентичности и восстание против «режима».

Таким образом, нами были рассмотрены отдельные вербализуемые в дискурсе ПФ. ПТ и ПС, будучи феноменами когнитивного плана, хранятся в памяти в виде некоего инварианта восприятия. Именно этот инвариант, закрепленный в когнитивной базе представителей лингвокультурного сообщества, мы и постарались вербализовать, то есть выразить в словесной форме.

Исходя из приведенных нами примеров, можно сделать вывод о том, что развернутая вербализация ПФ не является необходимым условием для актуализации того или иного феномена. Феномены когнитивного плана могут актуализироваться в речи посредством использования разного рода символов, в роли которых чаще всего выступают (прецедентное) имя и/или высказывание.

Рассмотренные нами две группы ПФ тесно переплетаются между собой. Актуализация одного из них может повлечь за собой и актуализацию других ПФ, с которыми существует этимологическая связь. Поэтому, для успешной коммуникации с представителями того или иного лингвокультурного сообщества, необходимо ознакомиться с различными типами ПФ, формирующих когнитивную базу его представителей.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прецедентные феномены, рассмотренные в данной статье, носят национальный характер. Культурные явления, стоящие за каждым из этих феноменов, прочно закрепились в когнитивной базе представителей квебекской лингвокультуры. Это не значит, что данные феномены не будут встречаться в других лингвокультурных сообществах, однако в каждом из них они будут нести определенную оценочную окраску. Дифференциальные признаки, заложенные в ядре каждого ПФ, также могут значительно различаться у представителей разных культур.

Примеры из нашей картотеки, приведенные в статье, были рассмотрены в исторической перспективе. Интерпретация ПФ основывалась не только на сведениях, полученных из квебекских источников, но и на анализе исторического, экономического, политического и культурного контекста. Результаты подтверждались примерами, полученными нами при анализе этноспецифического дискурса.

В квебекском лингвокультурном сообществе присутствуют все типы прецедентных феноменов, выявляемых нами, вслед за В.В. Красных. Тем не менее ПФ в квебекской лингвокультуре обладают рядом отличительных особенностей.

За вербальными прецедентными феноменами (ПИ и ПВ) всегда стоят некие культурные явления, однако сами эти явления далеко не всегда относятся к ПФ когнитивного плана (ПТ и ПС). Рассмотрев ПИ, мы пришли к выводу, что за именами с мифонимами обычно стоит некий (прецедентный) текст. Что же касается ПИ с реалионимами, то они могут быть связаны не с конкретными (прецедентными) текстами или ситуациями, а с конкретными историческими личностями. В таком случае ПИ выступает в роли имени-символа, и его использование в дискурсе в большинстве случаев актуализирует дифференциальные признаки, заложенные в ядре.

ПВ, как и ПИ, включает в себе определенную культурную информацию. В данной работе, ПВ, за которыми стоит конкретная (прецедентная) ситуация или текст, мы расценивали как одну из форм функционирования в дискурсе ПФ когнитивного плана и рассматривали, говоря о самой ПС или ПТ. Однако если употребление выражения актуализировало дифференциальные признаки, заложенные в нем, а не апеллировало к ПС или ПТ, то мы его рассматривали как собственно ПВ.

ПФ когнитивного плана хранятся в когнитивной базе в виде некоего инварианта восприятия. Для их актуализации в речи необходима либо их вербализация, либо использование неких символов, апеллирующих к ним. В роли символов могут выступать ПФ лингвистического плана (ПИ и ПВ). Часто символы, которые отсылают нас к ПТ или ПС, сложно отнести к какому-то конкретному виду ПФ, несмотря на понимание того, что перед нами некое явление, носящее прецедентный характер.

ПФ, рассмотренные нами, обнаруживают взаимосвязь. Определенные признаки, формирующие ядро одного феномена, могут входить в периферию другого.

Таким образом, для успешного взаимодействия с представителями другого, в нашем случае квебекского, лингвокультурного сообщества необходимо изучение вербальных и вербализуемых ПФ, входящих в когнитивную базу квебекцев.

© Дата поступления: 03.03.2016

Дата принятия в печать: 26.04.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- [2] Гумбольдт В. Язык и философия культуры. Пер. с нем. яз. М.: Прогресс, 1985.
- [3] Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 1. С. 82—103.
- [4] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- [5] Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Рус. язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73—76.
- [6] Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- [7] Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 129—132.
- [8] Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.
- [9] Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование. Palmarium academic publishing, 2012.
- [10] Beauchemin Y. Le matou — Les Éditions Québec Amérique, 2002.
- [11] Beaulieu A. Fou-Bar — Les Éditions Québec Amérique, 2011.
- [12] Bédard E. L'Histoire du Québec pour les nuls. Editions First, 2015.
- [13] Boroditsky L. Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // Cognitive Psychology. 2001. № 43. P. 1—22.
- [14] Corriveau J. Les orphelins de Duplessis libérés d'un fardeau. Available at: <http://www.ledevoir.com/societe/sante/361602/les-orphelins-de-duplessis-liberes-d-un-fardeau>.

- [15] Delisle M., *Le feu de mon père* — Les Éditions du Boréal, 2014.
- [16] Legault J. *Le plan Charest*. Available at: <https://voir.ca/chroniques/voix-publique/2012/02/15/le-plan-charest>.
- [17] Poirier C. *Attriqué comme la chienne à Jacques*. Available at: http://www.tlfq.ulaval.ca/chronique/11_jacques.pdf.
- [18] Rousseau P. *Le fin mot de l'histoire: «Riel, notre frère, est mort — Honoré Mercier»*. Available at: <http://www.ledevoir.com/non-classe/34656/le-fin-mot-de-l-histoire-riel-notre-frere-est-mort-honore-mercier>.
- [19] Toussaint I. «N'oublions pas l'un des plus grandes injustices de l'histoire!» Discours de lancement de l'ouvrage «Louis Riel, le bison de cristal — hommage». Available at: http://www.louisriel.org/ArticleView.php?article_id=31.
- [20] Vienneau R. *Les enfants de la Grande Noirceur: les orphelins de Duplessis: révélations choocs par la Commission pour les victimes de crimes contre l'humanité dans le dossier des orphelins de Duplessis*. Impression, 2008.

PRECEDENT PHENOMENA IN QUEBECOIS LINGUISTIC WORLD VIEW

K.E. Bolotina

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the linguocultural analysis of precedent phenomena as parts of Quebecois' cognitive base. Precedent phenomena being cultural facts are one of the key issues in modern linguistic and cognitive studies. By precedent phenomena we mean, according to Y.E. Prohorov, such entities when verbalized in discourse that refer to a certain cultural fact behind them. In the article the precedent phenomena such as precedent text, precedent situation, precedent utterance, and precedent name are analyzed. The main theses of the precedence theory given in the article (Y.N. Karaulov, Y.E. Prohorov, V.V. Krasnyh, D.B. Gudkov) are at the heart of precedence studies on the basis of different languages. However, a complex analysis of precedent phenomena in the Quebec national variant of French is new to Russian linguistics. The study of precedent phenomena enables us to elicit features of their functioning in ethnospecific discourse and determine cultural dominants existing in Quebecois' linguistic world view. Given the fact that the size of the article is limited, we undertook the analysis of eight precedent phenomena of the bearers of Quebec linguoculture. The choice of phenomena is determined by the frequency of their use in discourse. The facts analyzed are of national character, i.e. known to all members of the linguocultural community. A certain cultural fact is at the very core of each precedent phenomenon given in the article. To get the whole picture we analysed historic, political, and cultural context connected to the precedent phenomena in question. The study enables us to elicit distinctive features that are at the core of each phenomenon. The results are backed with the supportive material drawn from analysis of different types of discourse. The analysis of precedent phenomena undertaken in this article allows us to reconstruct, to a certain extent, Quebec cultural space and is a stepping stone to the reconstruction of the Quebecois linguistic world view.

Key words: precedent phenomenon, cognitive base, ethnospecific discourse, linguistic world view, Quebec national variant of French.

REFERENCES

- [1] Gudkov D.B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii [Theory and practice of intercultural communication]. M.: ITDGK «Gnozis», 2003.
- [2] Humboldt W. Jazyk i filosofijakul'tury. Per. s nem. jaz [Language and philosophy of culture]. M.: Progress, 1985.
- [3] Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoeimja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvolj precedentnyh fenomenov [Precedent name and precedent utterance as symbols of precedent phenomena]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. statej*. Ed. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov [Language, perception, communication: collection of articles/ed. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov]. M.: Filologija, 1998. №. 1. P. 82—103.
- [4] Karaulov Ju.N. Russkijjazyk i jazykovajalichnost'. Izd. 7-e. [Russian language and linguistic identity. 7th ed.]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
- [5] Kostomarov V.G., Burvikova N.D. Kak teksty stanovjatsja precedentnymi [The way texts become precedent]. *Rus. jazyk za rubezhom. [Russian language abroad]*. 1994. No 1. P. 73—76.
- [6] Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurslekcij. [Ethnopsycholinguistics and lingvoculturology]. M.: ITDGK «Gnozis», 2002.
- [7] Lotman Ju.M. Izbrannyestat'i. [Selected papers] T. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 129—132.
- [8] Prohorov Ju.E. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs: Uchebnoe posobie [Reality. Text. Discourse]. M.: Flinta: Nauka, 2004.
- [9] Chesnokova O.S. Ispanskij jazyk Meksiki: lingvokul'turologicheskoe issledovanie [Mexican Spanish; lingvocultural study]. Palmarium academic publishing, 2012.
- [10] Beauchemin Y. Le matou — Les Éditions Québec Amérique, 2002.
- [11] Beaulieu A. Fou-Bar — Les Éditions Québec Amérique, 2011.
- [12] Bédard E. L'Histoire du Québec pour les nuls. Editions First, 2015.
- [13] Boroditsky L. Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time. *Cognitive Psychology*. 2001. № 43. P. 1—22.
- [14] Coriveau J. Les orphelin de Duplessis libérés d'un fardeau. Available at: <http://www.ledevoir.com/societe/sante/361602/les-orphelins-de-duplessis-liberes-d-un-fardeau>.
- [15] Delisle M. Le feu de mon père — Les Éditions du Boréal, 2014.
- [16] Legault J. Le plan Charest. Available at: <https://voir.ca/chroniques/voix-publique/2012/02/15/le-plan-charest>.
- [17] Poirier C. Attribué comme la chienne à Jacques. Available at: http://www.tlfq.ulaval.ca/chronique/11_jacques.pdf.
- [18] Rousseau P. Le fin mot de l'histoire: «Riel, notre frère, est mort — Honoré Mercier». Available at: <http://www.ledevoir.com/non-classe/34656/le-fin-mot-de-l-histoire-riel-notre-frere-est-mort-honore-mercier>.
- [19] Toussaint I. «N'oublions pas l'unedes plus grandes injustices de l'histoire!» Discours de lancement de l'ouvrage «Louis Riel, le bison de cristal — hommage». Available at: http://www.louisrielle.org/ArticleView.php?article_id=31.
- [20] Vienneau R. Les enfants de la Grande Noirceur: les orphelins de Duplessis: révélations choocs par la Commission pour les victimes de crimes contre l'humanité dans le dossier des orphelins de Duplessis. Impréssion, 2008.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПСЕВДОКОММУНИКАЦИЯ VS КВАЗИКОММУНИКАЦИЯ

Е.К. Черничкина¹, О.В. Лунева²

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. Ленина, 27, Волгоград, Россия, 400066

²Волгоградский государственный институт искусств и культуры
ул. Циолковского, 4, Волгоград, Россия, 400001

Статья посвящена анализу таких специфических форм общения, как квази- и псевдокоммуникация. Уточняется понимание данных терминов, которые иногда используются как взаимозаменяемые. Цель проведенного исследования, представленного в данной статье, — обнаружить и описать существующие различия и сходства рассматриваемых коммуникативных феноменов на основе теоретического и эмпирического анализа исследуемого материала на русском и английском языке. Материалом исследования являются фрагменты художественной коммуникации, скрипты фильмов, анекдоты, газетные публикации, картотека записи устной речи на русском и английском языках. В своей работе авторы опираются на следующие методы исследования: метод дефиниционного анализа (с помощью которого был уточнен терминологический аппарат исследования), метод лингвистического наблюдения и интроспекции (для отбора коммуникативных ситуаций), описательно-аналитический метод и метод сопоставительного анализа (для выявления сходства и различия исследуемых явлений), а также конверсационный анализ, позволивший проследить результативность общения, и др.

Авторы рассматривают коммуникативные характеристики и анализируют причины появления и распространения на современном этапе этих форм общения. Предлагается классификация возможных форм их реализации в разных дискурсах. Псевдокоммуникация и квазикоммуникация характеризуются фиктивностью общения и определенным нарушением коммуникативной модели. При псевдообщении имеет место смысловой диссонанс кодируемой и декодируемой информации. В качестве основных параметров выделения подвидов псевдокоммуникации предлагаются полнота понимания, интенциональность и этап коммуникативного действия, где происходит коммуникативный сбой. Подчеркивается необходимость отличать случаи псевдообщения от фатической и непрямой коммуникации. Квазикоммуникация характеризуется отсутствием реального партнера и адекватной обратной связи. По мнению авторов, любой вид коммуникации может принимать форму квазиобщения. Предварительные результаты сопоставительного анализа показали, что данные типы коммуникации в равной степени свойственны как русскому, так и английскому коммуникативному поведению. Авторы подчеркивают значимость и перспективу изучения и научного анализа этих явлений с позиции коммуникативистики и лингвоэкологии, в том числе в сопоставительном аспекте, что может представлять научный интерес для лингвистов, а также и для специалистов по теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: фатическая коммуникация, декодирование информации, экологичность общения, псевдокоммуникация, квазикоммуникация.

1. ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в эпоху появления новых форм и видов общения, чаще опосредованного и поверхностного характера, что связано с расширением коммуникативного пространства (общение по скайпу, форумы и чаты, комментарии в Instagram и т.д.) и это, несомненно, диктует необходимость их научного обоснования и анализа. Предметом нашего анализа являются такие виды коммуникации, как квази- и псевдообщение. В качестве задач своего исследования в формате данной статьи мы рассматриваем уточнение сущности и дифференциацию этих форм коммуникации, а также описание возможных вариантов их реализации. При этом мы не ограничиваем свое рассмотрение анализом общения только в рамках бытового дискурса, но и рассматриваем случаи проявления квази- и псевдокоммуникации институционального формата. Материалом исследования являются фрагменты художественной коммуникации, скрипты фильмов, анекдоты, газетные публикации, картотека записи устной речи на русском и английском языках.

Несмотря на кажущуюся этимологическую схожесть этих понятий (согласно словарным статьям и *квази-*, и *псевдо-* трактуются как нечто *мнимое, ложное*), лингвисты пытаются описать и дифференцировать данные феномены, делая акцент на специфике подобной коммуникативной деятельности.

Анализируя существующие исследования по данному вопросу, мы столкнулись с разными трактовками квази- и псевдокоммуникации. Так, согласно Н.Л. Грейдиной [5], квазикоммуникация и псевдокоммуникация дифференцированы по категориям «частичное понимание» (квазикоммуникация) и «абсолютное непонимание» (псевдокоммуникация).

Т.М. Дридзе, подчеркивая иллюзорность как отличительную черту этих видов общения, определяет псевдокоммуникацию как общение, когда при передаче информации отсутствует адекватная реакция. В то время как при квазикоммуникации не происходит обмена информацией и отсутствуют какие-либо коммуникативные интенции сделать это [4. С. 73—83]. В то же время ряд ученых (Л.Н. Федотова, Л.Н. Цой и др.) подчеркивают отсутствие адресата как основной отличительный фактор квазиобщения [14; 17]. Если, по мнению И.В. Пономаревой, именно беспредметность выступает в качестве основного признака псевдокоммуникации [12], то Б.Ю. Норман, рассматривая псевдовысказывания, считает их «продуктом речевой деятельности, который: а) не вызывается к жизни истинной (первичной) коммуникативной потребностью и соответствующим намерением говорящего; б) не имеет за собой конкретной референтной ситуации и в этом плане его смысл следует считать условным или искусственным» [10. С. 36].

Суммативный результат анализа теоретического поля исследования послужил для нас основанием сделать следующие выводы: во-первых, и тот, и другой вид общения представляют собой фиктивную коммуникацию; во-вторых, специфический характер данных видов общения является следствием определенной «ущербности», поскольку нарушается базовая модель эффективного диалога. Согласно выводам российских и зарубежных лингвистов, воспринимаемых уже аксиоматично [9; 18; 19; 23; 24; 21 и др.], конституирующими элементами любого ком-

муникативного акта являются: адресант, адресат, код, контекст, канал связи, сообщение (и, следовательно, стоящее за ним коммуникативное содержание), интенции коммуникативных партнеров [6. С. 28; 22], коммуникативное пространство, на базе которого происходит общение, добавим еще и обратную связь в виде коммуникативного эффекта, а также временной или дейктический фактор. Рассмотрим подробнее, в чем проявляется специфика псевдо- и квазиобщения при реализации традиционной коммуникативной модели.

2. ПСЕВДОКОММУНИКАЦИЯ: ПРИЧИНЫ, ВИДЫ

В случае с псевдокоммуникацией «ущербность» обнаруживается в расхождении смысла отправляемой и получаемой информации, что, в первую очередь, связано с нарушением адекватной обратной связи со стороны реального партнера. Неоднородность рассматриваемых нами примеров подобного общения побудила нас структурировать возможные подвиды псевдокоммуникации, опираясь на определенные критерии: полнота понимания, мотивированность достижения взаимопонимания, этап «раскоординации/разбалансирования» смысла (декодирование/кодирование).

Расхождение смысла посылаемой и получаемой информации, что связано с проблемой понимания, безусловно, чаще всего происходит на этапе декодирования. Здесь мы согласны с позицией Н.Л. Грейдиной, которая выделяет в качестве подтипов псевдокоммуникации:

— *ложное декодирование* (коммуникант неправильно понимает основные и второстепенные элементы):

Преподаватель спрашивает студентку-первокурсницу:

— *Расскажите про поляризацию света.*

— *А я не Света, я — Наташа!*

— *некорректное декодирование* (коммуникант акцентирует внимание на второстепенных элементах, пропуская основные) [5]:

— *Пожалуйста, охарактеризуйте себя тремя словами.*

— *Не понял вопроса.*

Подобные коммуникативные сбои при декодировании могут быть обусловлены как лингвистическими причинами (фонетическими, лексическими или стилистическим барьерами, амбигуэнтностью сообщения), так и иметь экстралингвистический характер, определяясь статусной, возрастной или эмоциональной асимметричностью коммуникантов, а также уровнем общей компетенции партнеров. Большинство анекдотов про блондинок, понимающих все буквально, представляют подобный пример псевдообщения:

Блондинка заказывает пиццу. Ее спрашивают:

— *Вам разрезать ее на 12 или на 6 частей?*

— *На шесть, двенадцать я не съем.*

Также эмоциональный диссонанс коммуникантов может быть причиной коммуникативного сбоя, что способствует неэкологичности общения.

В следующем примере муж, настроенный игриво, игнорирует эмоциональное состояние супруги, «ведя» свою тему, чем еще больше увеличивает эмоциональное непонимание, приводящее в конечном итоге к скандалу.

Carolyn enters through the kitchen, flushed and angry. She just stands there, staring at Lester. After a moment, he looks up at her ...

LESTER

Have you done something different? You look great.

CAROLYN

(brusque)

Where's Jane?

LESTER

Jane's not home. We have the whole house to ourselves.

He smiles at her playfully. She stares back, annoyed.

(к/ф American beauty)

Иногда и физическое состояние одного из партнеров может перевести разговор на псевдокоммуникативный уровень. Подобным диалогом является монолог разговорчивой жены с уставшим, не проявляющим интереса и в итоге засыпающим мужем:

— *It's getting warmer without AC... should I open the windows?*

— *Ahmm..!*

— *Sometimes I really feel pathetic for the kind of world we are getting our child into... Power cuts, humidity, break in's, terrorist threats.. would he ever get to play with mud/climb trees/make kites/catch butterflies. It's really pathetic, na?*

— *Hmm..!*

— *I think we should start saving for our kid's education, right away so that he doesn't end up working nights. Makes sense, na? You listening?*

— *Snore...snore.*

Одна из причин псевдокоммуникации может заключаться и в том, что, настраиваясь на общение, инициатор разговора надеется на смысловую или эмоциональную реакцию партнера в соответствии со своими ожиданиями, иногда даже игнорируя вербализованный ответ партнера. Своеобразная «глухота» свидетельствует об эгоцентризме, концентрации на собственных переживаниях и ощущениях и проецировании их на собеседника:

Диалог по телефону: — Как у вас дела? — Да, ничего. все нормально. — И у меня плохо.

Неумение выразить свою мысль, что обусловлено или эмоциональным состоянием, или недостаточно развитым уровнем компетенции инициатора разговора может также перевести диалог в форму псевдообщения:

Павел. *Привет, ты меня знаешь?*

Вера. *Привет. Да, кажется, знаю.*

Павел. *На свадьбе у Андрюхи Евсеева, короче.*

Вера. *Да, на свадьбе, помню.*

Павел. *А ты, короче, это, знаешь, чё я смотрел?*

Вера. *Как это?*

Павел. Ну, это, короче. Ну, как объяснить? Ну, ты, короче, помнишь, как мы смотрели?

Вера. Кто мы?

Павел. Ну, я на тебя, а ты на меня? Или ничего этого не было?

Вера. Как это?

Павел. Ты смотрела на меня или нет, короче?

(И. Вырыпаев. Эйфория)

Наряду с фактором полноты понимания при декодировании, значимым, по нашему мнению, выступает фактор интенциональности/мотивированности — нацеленности на взаимопонимание, которое, как известно, выступает основным продуктом, результатом эффективной коммуникации. В случае с псевдообщением может иметь место не только непроизвольное, но и интенциональное искажение получаемой информации при ее декодировании («не хочу слышать, не хочу понимать и принимать получаемое сообщение»). Приведем пример подобного вида псевдокоммуникации межличностного характера, когда один из партнеров не хочет понимать и реагировать в соответствии с ожиданиями адресанта:

Позвонила Клавдия Петровна. — Данилов, ну и как? — А что? — спросил Данилов. — Неужели тебе нечего мне сказать? — А что я должен сказать? — После того, что произошло? — А что произошло? — Ну, хорошо, — сказала Клавдия, помолчав, — а неужели тебе не о чем меня спросить? — А о чем я должен тебя спросить? — Ладно, я сейчас приеду к тебе, — и Клавдия повесила трубку. «Экая баба! — рассердился Данилов. — Даже не поинтересовалась, есть ли у меня время...» (В. Орлов. Альтист Данилов).

Таким образом, мы можем считать содержательно-интенциональный параметр: преднамеренное или помимовольное нарушение смысловой координации в качестве одного из базовых признаков псевдокоммуникации, как проявление своего рода неискренности, что также можно охарактеризовать как нарушение экологичности общения.

Рассматриваемые нами случаи относились к неадекватному декодированию информации, однако псевдокоммуникативное «зерно» общения может возникнуть уже и на этапе кодирования сообщения, подобная псевдокоммуникативность, «затененность» сообщения может быть также интенционально различной. Так, инициатор общения может иметь определенные интенции, не нацеленные на достижение взаимопонимания — запутать собеседника, показать свой высокий профессиональный статус, унизить, отвлечь от темы, переключить на другую тему. Так, «харизматичные» тележурналисты злоупотребляют псевдовысказываниями, не давая слушателям время для их осмысления, да и не ожидая какого-либо понимания. Этим же грешат и предвыборные речи депутатов, скрывающие отсутствие смыслового «зерна».

В то же время достаточно частотны и случаи непроизвольного смыслового диссонанса. К разновидности псевдокоммуникации можно отнести и случаи, когда в диалоге партнер повторяет, не задумываясь, чужие мысли, при этом зачастую происходит воспроизведение чужих мыслей и суждений без их осознания, коммуникант нагромождает бессмысленные фразы, в которых теряется суть сооб-

щения, в результате чего происходит расхождение смысла переданной и полученной информации. Подобные примеры достаточно частотны в институциональном дискурсе в форме бюрократических тирад и «отписок»: «Нужно обеспечить приведение распространяемой техники в соответствие с нормативной базой»; или «право истца, которое в правовом поле не может быть защищено путем признания его права». «Затененное» содержание непонятно, как правило, не только партнеру, но и самому адресанту, при этом нивелируется и сам предмет беседы, а значит, нарушается принцип экологичности общения.

В качестве одного из признаков псевдокоммуникации, по мнению И.В. Пономаревой, можно рассматривать беспредметность разговора, что подрывает нормальное, полноценное общение, делает его бессодержательным и бессмысленным [12].

Беспредметное, неинформативное общение, как известно [1; 2; 13; 20], представляет собой фатическую коммуникацию — общение ради общения, разновидностями которой являются болтовня, светская беседа и так называемый small talk [7; 15; 25]. Но могут ли они быть отнесены к одному из типов псевдокоммуникации? С одной стороны, это разговор ни о чем. Примечательным в этой связи представляется следующий анекдот:

- Слушай, Миш. А у тебя дурилаг есть?
- Есть. А что, нужен?
- Нет, не нужен.
- А зачем спрашиваешь?
- Да просто так, светскую беседу веду.

Да, это беспредметный разговор, но в нем не наблюдается расхождение смысла передаваемой и получаемой информации. И в рамках этой «пустой» беседы реализуется главная цель коммуникантов — желание пообщаться. Особенно, это заметно в английском коммуникативном поведении, где small talk представляет собой значительную часть национальной лингвокультуры как проявление уважения и внимания к окружающим, поддержание общей оптимистической тональности [7. С. 27—29]. Так, в следующем отрывке эмоциональный настрой героини представляет собой комбинацию грусти по отсутствующему мужу и беспокойству по поводу обсуждения нового проекта. Шутливая ремарка коллеги и выбранный им коммуникативная стратегия — перевести разговор в русло small talk — интенционально направлено на оказание эмоциональной поддержки:

“Ready for the onslaught?” he asked her, handing her a glass of white wine. They stood drinking together for a moment, watching a glorious sunset. — “It’s beautiful here, isn’t it? — “too much so.” It made her sad seeing something like that without Steve to share it with. (D. Steel. Irresistible forces)

Часто подобный разговор является заполнителем паузы, когда молчание слишком красноречиво и требует коммуникативной митигации, как в следующем примере:

Conversation, though in itself a blessed and delightful thing, yet may be sometimes out of place, and wholly impertinent. If wine is a loosener of tongues, surely food is the greatest,

pleasantest, and most complete silencer; for what man when hunger gnaws and food is before him—what man, at such a time, will stay to discuss the wonders of the world, of science—or even himself?

Thus our two young travellers, with a very proper respect for the noble fare before them, paid their homage to it in silence—but a silence that was eloquent none the less. At length, however, each spoke, and each with a sigh.

— *The Viscount.* «*The ham, my dear fellow—!*»

— *Barnabas.* «*The beef, my dear Dick—!*»

— *The Viscount and Barnabas.* «*Is beyond words.*»

Having said which, they relapsed again into a silence, broken only by the occasional rattle of knife and fork.

— *The Viscount (hacking at the loaf).* «*It's a grand thing to be hungry, my dear fellow.*»

— *Barnabas_ (glancing over the rim of his tankard).* «*When you have the means of satisfying it—yes.*» (J. Farol. *The Amateur Gentleman*)

Мы солидарны с позицией ученых [7; 15; 25], подчеркивающих значимость этикетных условностей как определенного «стержня» для small talk в рамках английской лингвокультуры, однако не можем причислить подобные варианты общения к псевдокоммуникации, т.к. в данном случае отсутствует какое-либо нарушение смыслового унисона партнеров и, несмотря на зачастую примитивный характер предмета разговора, они понимают друг друга, проявляя при этом адекватную реакцию. Достаточно часто инициатор подобного разговора хочет про-сигнализировать — «я хочу пообщаться с тобой, но не знаю, как; не знаю, что будет тебе интересно», при этом задача партнера: прочитать между строк и сделать коммуникативный шаг навстречу, выводящий в более содержательную взаимноинтересную беседу.

В данном аспекте общение иногда приближается к непрямой коммуникации, вид коммуникации, описанный В.В. Дементьевым [2; 3]. Непрямое общение, по дефиниции В.В. Деметьева, представляет собой «содержательно-осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [3. С. 4]:

— *Тебе там не темно?* — *Нет, все в порядке.* — *Как же в порядке, ты ничего не видишь.* — *Почему, я все вижу.* — *Может, лампу подтянуть?* *Митя поднялся.* — *Ты не понял, мне это не нужно.* — *Я хочу, чтобы тебе было удобней* (А. Володин. С любимыми не расставайтесь).

Обыденный, на первый взгляд, малоинформативный, диалог по сути своей является декларацией глубоких чувств по отношению к партнеру, однако для того, чтобы адекватно декодировать его, необходимо желание понять смысл вербализованных действий адресанта.

Нельзя в этой связи не согласиться с поэтом:

Беспредметный разговор,

Куда более предметен,

Чем предметный глупый спор:

Только глупый спор — конкретен. (Сергей Копьев)

Непрямая коммуникация приобретает форму псевдообщения, когда речевой партнер не хочет или не в состоянии осуществить эти «интерпретативные усилия» и посылаемое адресантом сообщение не воспринимается адресатом адекватно.

Таким образом, как мы видим, разграничивая случаи псевдокоммуникации, фатического общения и не прямой коммуникации, необходимо ориентироваться на содержательно интерпретативный фактор, а именно наличие координации смысла при кодировании и декодировании отправляемой и полученной информации. Взаимопонимание партнеров — основной показатель успешной коммуникации, а взаимопонимание и представляет собой «совпадение объемов информации, зашифрованной в сообщении адресантом и верно расшифрованной адресатом» [8. С. 138]. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что любой подвид псевдообщения представляется неэкологичным, разговором на разных языках, нарушающим основные максимы общения.

2.3. КВАЗИКОММУНИКАЦИЯ

Рассматривая еще один феномен фиктивной коммуникации — квазиобщение, отметим, что специфическая «ущербность» данной формы общения проявляется в отсутствии обратной связи, что связано со степенью интеграции факторов адресанта и адресата. Американские исследователи-лингвисты (С. Тренхолм и др.), анализируя коннотацию самого термина «коммуникация», выделяют сему “*munia*”, означающую “*mutual help, exchange, interaction of those belonging to the same community*” [26. С. 7], акцентируя тем самым внимание на социальном характере коммуникации. Достижение взаимопонимания может выступать одновременно и как цель, и как продукт коммуникативной деятельности, имея четко выраженный социальный характер.

Двусторонний характер коммуникативного акта представляется аксиоматичным, следовательно, правомерно предполагать, что для коммуникации необходимо наличие хотя бы двух партнеров. Однако специфика квазиобщения связана именно с отсутствием непосредственной обратной связи в реальном коммуникативном формате, что понимается нами в качестве ключевого параметра определения квазикоммуникации.

Основная функция подобного общения — экспрессивная, как самовыражение. Человеческая потребность в общении во многом зиждется на желании поделиться своим мнением, мыслями, эмоциями, поэтому при отсутствии реального коммуникативного партнера появляется квази-партнер. Позволим себе предположить, что квазикоммуникация — это не специфический отдельный вид общения, а форма, в которой может осуществляться любой традиционно выделяемый вид коммуникации. Таким образом, мы можем выделить такие подвиды квазикоммуникации, как:

1) *внутриличностная монокоммуникация* — разговор с самим собой на уровне внутренней речи как поток сознания;

2) *монокоммуникация на уровне внешней речи* — разговор с собой вслух (при отсутствии возможных наблюдателей-слушателей) или разговор с виртуальным партнером. В качестве квазипартнера выступает воображаемый партнер, фото-

графия, животное, предмет. Например, включая телевизор — *Ну и что вы нам тут показываете?*

Аналогичные примеры частотны и для коммуникативного поведения англичан, когда простой комар выступает в качестве партнера по общению:

When the mosquito buzzed the side of her face again, she slapped it briskly and looked with satisfaction at the small bloody smear in the cup of her palm.

"Thought I was unloaded, partner, didn't you?" she said. (S. King. The girl who loved Tom Gordon);

3) *межличностная квазикоммуникация монологического характера*, когда от партнера не требуется никакая реакция:

Пора спать, — вопросительно сказала Соня. — Послушай, — и Алексей Юрьевич, не взглянув на нее, принялся зачитывать вслух свои бумаги. Алексею Юрьевичу ее отклик не требовался, даже «м-м, да, ага...» не требовалось, он просто приводил свои мысли в порядок и мог зачитывать свои бумаги все равно кому, даже телевизору. Но если Головин в чем-то и зависел от жены, то только в этом — ему нужно было, чтобы он бубнил, а она сидела (Е. Колина. «Умница, красавица»).

Приведем подобный пример и из английской художественной коммуникации, когда отец, обращая свой достаточно пафосный диалог к сыну, по сути, переводит его в формат монолога, не желая даже слышать робкие попытки сына как-то отреагировать:

— If you 'd only followed your nat'ral gifts, Barnabas, I say you might ha' been Champion of England to-day, wi' Markisses an' Lords an' Earls proud to shake your hand—if you'd only been ruled by Natty Bell an' me, I'm disappointed in ye, Barnabas—an' so's Natty Bell.»

— «I'm sorry, father--but as I told you...»

— «Still Barnabas, what ain't to be, ain't—an' what is, is. Some is born wi' a nat'ral love o' the 'Fancy' an' gift for the game, like me an' Natty Bell—an' some wi' a love for reading out o' books an' a-cyphering into books—like you: though a reader an' a writer generally has a hard time on it an' dies poor—which, arter all, is only nat'ral—an' there y' are!» ...Not as I quarrels wi' your reading and writing, Barnabas, no, and because why? Because reading and writing is apt to be useful now an' then, and because it were a promise—as I made—to—your mother...

«Yes, father», said Barnabas, with another vain attempt to stem his father's volubility.

(J. Farnol. «The Amateur gentleman»)

К подобному подвиду можно отнести и *монологические* в форме «инсценированных квазидialogов», типичных для детей, исследуемые Т.И. Петровой, в процессе которых происходит совпадение ролей говорящего и слушающего в ходе игровой ситуации [11];

4) *массовая квазикоммуникация*: формы массовой коммуникации могут быть также, в определенной степени, отнесены к исследуемому нами виду общения, поскольку передача информации через масс-медиа предполагает большое количество адресатов или обобщенный образ партнера, квазисность в этом случае проявляется в ориентации на условного среднего зрителя, читателя (например, статьи или шоу для домохозяек);

5) *межкультурное квазиобщение*, происходящее на учебной площадке. Общение на учебной площадке носит доминантно-квазисный характер, учитывая неестественное использование иноязычного кода при общении принадлежащих к одной лингвокультуре партнеров, а также искусственное конструирование ситуаций общения с целью научения. Общение с вымышленным собеседником, с квазипartnerом, управляемый характер учебной интеракции, а также игровой, квазиестественный контекст учебных ситуаций позволяет говорить о «маскарадности» интеракции [16].

Таким образом, квазикоммуникация как фиктивное общение, не нацеленное на реального партнера и не предполагающее адекватную реальную обратную связь, релевантна практически для любого дискурса и, как показали результаты исследования, свойственна и для русского, и для английского коммуникативного поведения. Квазикоммуникация характеризуется разнообразием форм и интенциональной направленностью.

К сожалению, отмечается значительное увеличение доли квазисности в современном общении. С одной стороны, причинами этого является расширение виртуального коммуникативного пространства, а с другой стороны, наблюдается дефицит общения, растущая потребность в самовыражении. С целью компенсировать это нарушение коммуникативно-экологического баланса и появляются всевозможные формы квазиобщения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своей работе мы затронули лишь некоторые подвиды псевдо- и квазикоммуникативных форм общения при относительном приближении к данной проблеме, что, позволяет увидеть определенные черты сходства этих коммуникативных феноменов (фиктивность и определенная «ущербность» модели коммуникации), а также их специфические признаки: для квазикоммуникации — это некая монологичность в отсутствии реального адресата; для псевдокоммуникации — это рассогласование смысла кодируемой и декодируемой информации. Нарушение целостности коммуникативной модели представляется неэкологичным, что особенно актуально в случае с псевдообщением. Борьба с псевдовысказываниями, с выхолащиванием смысла, потерей информативности общения решает лингвоэкологические проблемы — сохранения основных ориентиров для языка, а именно адекватной вербализации мысли.

В целом же однозначным выводом нам представляется необходимость более глубокого и всестороннего изучения этих форм коммуникации, в том числе в сопоставительном аспекте, что значимо для расширения теоретического поля коммуникативистики: исследование причин, мотивов, механизма перехода коммуникации в данный формат, а также описание коммуникативного статуса квази- и псевдообщения могут представлять научный интерес и перспективу для лингвистов и специалистов по коммуникативистике и теории межкультурной коммуникации.

© Дата поступления: 21.03.2016
Дата принятия в печать: 24.03.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- [2] Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
- [3] Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001.
- [4] Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- [5] Грейдина Н.Л. Невербальные лингвокультуры в плоскости межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. 2014. № 7.
- [6] Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 439—471.
- [7] Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
- [8] Леонтович О.А. Механизмы формирования комического в межкультурной коммуникации // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003.
- [9] Макаров М.Л. Основы теории дискурса: монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- [10] Норман Б.Ю. Псевдовысказывания как дидактический и лингвокультурный феномен // Вопросы русского языкознания: сб. науч. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. Вып. XII: Традиции и тенденции в современной грамматической науке (по материалам Международного конгресса исследователей русского языка: «Русский язык: исторические судьбы и современность»). С. 36—45.
- [11] Петрова Т.И. Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6—8 лет): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Владивосток, 2000.
- [12] Пономарева И.В. Псевдокоммуникация как результат нарушения принципов вербального общения // Фундаментальные исследования. 2013. № 6—4. С. 1028—1031.
- [13] Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.
- [14] Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2009.
- [15] Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- [16] Черничкина Е.К. Концепция искусственного билингвизма в теории языка: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.
- [17] Цой Л.Н. Проблемы формирования конфликтологической компетенции управленческих кадров: от теории к практике // Материалы научно-практической конференции «Экстремальные ситуации, конфликты и социальное согласие». М.: Академия управления МВД России и «Институт социологии РАН», 1999.
- [18] Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
- [19] Berger Charles R. Interpersonal communication: Theoretical Perspectives, Future Prospect // Journal of communication. September 2005. Vol. 55. No 3. P. 415—447.
- [20] Holmes J. Small talk at work: potential problems for workers with an intellectual disability // Research on Language and Social Interaction. 2003. 36 (1).
- [21] Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An ethnographic approach. Philadelphia, 1974.
- [22] Grice H.P. Utterer's Meanings and Intentions // Philosophical Review. 1969. Vol. 78. P. 147—177.
- [23] Griffin E.A. A first look at communication theory / Em Griffin; special consultant, Glen McClish. McGraw-Hill, 2000.
- [24] Littlejohn S.W. Theories of Human Communication (7th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 2002.
- [25] Schneider K.P. Small Talk: Analysing Phatic Discourse. Marburg: Hitzeroth, 1988.
- [26] Trenholm Sarah. Interpersonal Communication / Sarah Trenholm (Ithaca College), Arthur Jensen (Syracuse University). Wadsworth Publishing House. 4-th edition. Copyright 2000 by Wadsworth. A Division of International Thomson Publishing Inc.

PSEUDO-COMMUNICATION VS QUASI-COMMUNICATION

Е.К. Chernichkina¹, О.В. Luneva²

¹Volgograd State Social Pedagogical University
Lenin Ave, 27, Volgograd, Russia, 400066

²Volgograd State Institute of Arts and Culture
Tsyolkovsky str., 4, Volgograd, Russia, 400001

The article is devoted to the analysis of such specific forms of human interaction as quasi- and pseudo-communication. The authors specify the terms which sometimes are used interchangeably. The aim of the conducted research is to find out and demonstrate existing differences and similarities of these communicative phenomena on the basis of theoretical and empirical analysis of the research material in the Russian and English languages. The authors describe communicative features of these phenomena and consider the reasons for such forms of communication and their increased use at present. The research material is represented fiction extracts, film scripts, jokes, print media, a collection of oral speech records both in Russian and English. The authors make use of the following research methods: definitional analysis (to define the terminology of the research), the method of linguistic observation and introspection (to select the communicative situations), the descriptive-analytical method and the method of comparative analysis (to identify similarities and differences of the target phenomena), and the conversational analysis method (to view productivity and effectiveness of a dialogue), etc.

The classification of possible forms of their existence in different discourses is suggested. The authors assume that both pseudo- and quasi-communication are characterized as fictitious forms of human interaction with some noticeable violation of the basic communicative model. Pseudo-communication suffers from the discrepancy of the meaning of a coded and decoded message. The authors put forward the main parameters of scientific classification of it as follows: adequate understanding, intentionality, and the stage of communicative action where the failure takes place. At the same time they stress the necessity to distinguish the cases of pseudo talks from phatic and indirect communication. Quasi-communication is marked by the lack of a real partner and hence the lack of any adequate feedback. The authors assume that any kind of communication can acquire a quasi-form.

The preliminary conclusions of the comparative analysis prove that these kinds of communication are characteristic of both Russian and English communicative behavior. The authors stress the importance and perspective of research and scientific analysis of these communicative phenomena (in its comparative aspect as well) for linguists and experts in the theory of communication, the theory of crosscultural communication, and linguistic ecology.

Key words: phatic communication, information decoding, ecological communication, pseudo-communication, quasi-communication.

REFERENCES

- [1] Vinokur T.G. Govoryashii i slushayushii. Varianty rechevogo povedeniya [A speaker and a listener. Variants of speech behavior]. M., 1993.
- [2] Dement'ev V.V. Nepr'amaya kommunikatsiya i ee zhanry. [Indirect communication and its genres]. Saratov: Izd-vo Saratov. universitet, 2000.
- [3] Dement'ev V.V. Osnovy nepryamoy kommunikatsii [The Basic Points of Indirect Communication: Author's abstract of the thesis of doctor of philology] Avtoref. diss. ... doc. filol. nayk. Saratov, 2001.
- [4] Dridze T.M. Tekstovaya deyatel'nost v strukture sozial'noy kommunikatsii [Texts activity in the social communication structure]. Moscow, 1984.

- [5] Greidina N.L. Neverbalny lingvokulturremy v ploskosti mezhkulturnoy kommunikatzii [Non-verbal lingua-culturerams in the sphere of crosscultural communication]. *Russia and the West: dialogue of cultures*. 2014. № 7.
- [6] Lakoff G. Pragmatika v estestvennoy logike [Pragmatics in natural logic]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. M., 1985. Issue. 16: Linguistic pragmatics. P. 439—471.
- [7] Larina T.V. Kategorija vezhlivosti v angliiskoi I russkoi kommunikativnoi kulturakh. [Politeness category in English and Russian communicative cultures]. M., 2003.
- [8] Leontovitch O.A. Mechanizmy formirovaniya komicheskogo v mezhkulturnoy kommunikatzii [Mechanisms of comism formation in crosscultural communication]. *Aksiologikal lingvistika: igrovoye I komicheskoe v obshenii [Acsiological Linguistics: playing and comical in communication]: Sb. nauch, tr.* Ed. V.I. Karasik, G.G. Slyshkin. Volgograd: Peremena, 2003.
- [9] Makarov M.L. Osnovi teorii diskursa [The basics of the theory of discourse]: monografiya. M.: ITDGG «Gnosis», 2003.
- [10] Norman B.Yu. Psevdivyskazyvaniya kak didakticheskiy i lingvokulturny fenomen [Pseudospeech as a didactic and linguacultural phenomenon]. *Voprosy russkogo yazikoznaniya: sb. nauch. stat.* M.: Izd. Moskv. universitet, 2005. Vypusk XII: Traditsii I tendenzii v sovremennoy grammaticheskoy nauke (po materialam Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelei russkogo yasyka) «Russkii yazyk: istoricheskii sud'by I sovremennost'» [Moscow University edition, 2005. Issue XII: Traditions and tendencies in modern grammar science (materials of the International Congress of the Russian language researchers) “The Russian language: historical fate and present time”]. P. 36—45.
- [11] Petrova T.I. Inszenirovannyi kvazidialog kak osobyi zhanr detskoj rechi (na material rechi detei 6—8 let) [Dramatised quasi dialogue as a peculiar genre of children’s speech]: Aftoreferat. ... diss. kand. filol. nauk. Vladivostok, 2000.
- [12] Ponomareva I.V. Psevdivkommunikaziya kak rezultat narusheniya prinzipov verbalnogo obsheniya [Pseudocommunication as the result of deviation of principles of verbal communication]. *Fundamentalnii issledovaniya*. 2013. № 6—4. P. 1028—1031.
- [13] Pochepov G.G. Faticheskaya metakommunikatzia [Phatic metacommunication]. *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv*. Kalinin, 1981.
- [14] Fedotova L.N. Soziologiya massovoy kommunikatzii [Sociology of mass communication]: «Izdatelskii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve» [Publishing House of the International University in Moscow], 2009.
- [15] Fenina V.V. Rechevyi zhanri *small talk i svetskaya beseda* v anglo-amerikanskoj I russkoi kulturakh [Speech genres *small talk* and *svetskaya beseda* in English-American and Russian cultures]: Aftoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2005.
- [16] Chernichkina E.K. Konzeptsiya iskusstvennogo bilingvizmu v teorii yazika [The concept of artificial bilingualism in the language theory]: monografiya. Volgograd: Izdatelstvo VGPU «Peremena», 2007.
- [17] Tsoi L.N. Problemi formirovaniya konfliktologicheskoi kompetenzii upravlencheskikh kadrov: ot teorii k praktike [The problems of formation of management staff conflictological competence] *Materiali nauchno-prakticheskoi konferenzii “Ekstremalnii situazii, konflikts I sozal'noe soglasie”*. M.: Akademia Upravleniya MVD Rossii i “Institut soziologii RAN”, 1999.
- [18] Jakobson R. Izbrannyye raboty.[Selected works]. M., 1985.
- [19] Berger Charles R. Interpersonal communication: Theoretical Perspectives, Future Prospect. *Journal of communication*, September 2005. Vol. 55. No 3. P. 415—447.
- [20] Holmes J. Small talk at work: potential problems for workers with an intellectual disability. *Research on Language and Social Interaction*. 2003. 36 (1).
- [21] Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An ethnographic approach. Philadelphia, 1974.
- [22] Grice H.P. Utterer’s Meanings and Intentions *Philosophical Review*. 1969. Vol. 78. P. 147—177.

- [23] Griffin E.A. A first look at communication theory. Em Griffin; special consultant, Glen McClish. McGraw-Hill, 2000.
- [24] Littlejohn S.W. Theories of Human Communication (7th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 2002.
- [25] Schneider K.P. Small Talk: Analysing Phatic Discourse. Marburg: Hitzeroth, 1988.
- [26] Trenholm Sarah. Interpersonal Communication. (Ithaca College), Arthur Jensen (Syracuse University). Wadsworth Publishing House. 4-th edition. Copyright 2000 by Wadsworth. A Division of International Thomson Publishing Inc.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ «КОШКА» И «СОБАКА» НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Ж. Багана, Е.С. Яковлева

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

В статье рассматривается национально-культурная специфика зоонимов «кошка» и «собака» в английском и китайском языках. Авторы отмечают основные характеристики зоонимов, а также обосновывают их национально-культурную уникальность. Зоонимная лексика раскрывает характерные особенности отражения картины мира народа и позволяет выделить важные ценностные ориентиры англичан и китайцев, выявить особенности картины мира в сравнительном аспекте.

В статье приводятся толкования исследуемых языковых единиц в одноязычных словарях, даются определения фразеологизма, зоонима. Приведена историческая справка, показывающая отношение к кошкам и собакам в перспективе исторических изменений и рассматриваются примеры из анималистических сказок о восприятии и коннотативных особенностях животных. С опорой на выявленные различия рассматриваются особенности фразеологических единиц с зоонимами «кошка» и «собака», приводятся примеры их употребления в современном английском и китайском языках. В работе выявляются универсальные и национально специфические особенности семантики данных языковых единиц.

Авторы рассматривают в работе варианты и семантику употребления зоонимов «кошка» и «собака» на материале фразеологизмов в английском и китайском языках, так как фразеологизмы наиболее ярко отражают национально-культурную специфику картины миров, позволяют говорить о коннотативных особенностях и ценностных ориентирах народов Европы и Азии.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, лексема, английский язык, китайский язык, фразеология, чэньюй, лексемы с компонентом-зоонимом.

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопросы национально-культурной специфики фразеологизмов различных языков, содержащих в своем составе компонент-зооним, вызывают значительный интерес у лингвистов разных стран. Тем не менее, проблема освещения национально-культурных особенностей носителей разных языков не получила еще широкого освещения. Это связано прежде всего с недостаточно глубоким изучением языков в сравнительном аспекте, с учетом не только языковой, но и культурной составляющей. А. Вежбицкая в своих исследованиях исходит из того, что, во-первых, язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека; это является общей чертой всех языков. Во-вторых, каждый язык национально специфичен. При этом язык отражает не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его носителей [2. С. 21].

Издrevле животные сопровождали человека на протяжении его жизни, вначале древние люди наблюдали за животными, затем стали их одомашнивать, присваивать им имена. Следовательно, слова, которые являются наименованиями животных, или зоонимами, относятся к одним из самых древних слов в языках мира.

Целью данного исследования является изучение ассоциаций и параллелей между миром животных и человеческой культуры, отраженных в пословицах и поговорках в разных странах мира: в англоязычной европейской культуре и культуре Китая.

Указанная цель достигается в результате решения следующих задач:

— сформировать корпус фразеологизмов, содержащих компонент-зоонимы «кошка» и «собака»;

— дать характеристику фразеологизмов в английском и китайском языках.

Исходя из теоретических позиций современных лингвофилософских концепций, были использованы метод сплошной выборки из аутентичных словарей, описательный и сопоставительный методы, сравнительный метод анализа разнообразных фразеологизмов, которые содержат компоненты-зоонимы «кошка» и «собака» и определение сходства и различия в английской и китайской лингвокультурах. В процессе исследования были собраны фразеологизмы английского и китайского языков, в которых содержится компонент-зооним «кошка» и «собака».

Ассоциации и параллели между миром животных и бытом человека, возникающие в сознании представителей разных социумов, на протяжении веков формировали фонд пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом. В английском и китайском языках такие фразеологизмы представляют собой весьма обширный пласт паремологии, зоонимы отражают различия в национальных и культурных представлениях носителей языка, которые присущи определенному языковому социуму. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно демонстрируют образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой. Именно национально-специфические пословицы и поговорки наиболее ярко отражают национальную культуру и мировоззрение определенного народа [4. С. 80].

2. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СОДЕРЖАЩИХ КОМПОНЕНТ ЗООНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Прежде всего, необходимо дать определение основным терминам, которые будут использоваться в данной работе, так как в настоящее время многие термины являются спорными и различными учеными понимаются по-разному.

Итак, Большой энциклопедический словарь дает следующее определение фразеологизма (фразеологической единицы, идиомы) — это выполняющее функцию отдельного слова устойчивое словосочетание, значение которого невыводимо из значений составляющих его компонентов [1].

Под зоонимом в данной работе понимается «лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [2. С. 12].

Отношение к домашним животным не оставалось неизменным на протяжении веков. Рассмотрим особенности и различия в европейской китайской культурах.

В средневековой Европе отношение к кошкам было несколько своеобразным. В Великобритании кошек считали спутницами королевы фей Маб. Из-за этого их заживо сжигали на кострах или сбрасывали с колоколен как уличенных в связях с дьяволом. В современном мире кошки — пушистые домашние любимцы. В Со-

единенном Королевстве в XIX в. даже была выведена порода британских короткошерстных кошек, или британцев (The British Shorthair).

В Китае кошки пользуются большим уважением. На улицах невозможно встретить бродячую кошку. Буддийские монахи занимались разведением священных кошек, часто называли их «маленькими тиграми» и «грозой зла» и специально обучали охранять сокровища храмов. Буддисты приписывают кошке склонность к медитации, способность видеть в темноте и способность отгонять злых духов. При этом религиозные убеждения отнюдь не мешали приготовить блюда из кошек на юге Китая.

Что же касается собаки, то отношение к ней в лингвокультуре и Великобритании, и Китая было одинаково положительным. Возможно, это обусловлено тем, что именно собаку, согласно легендам всех народов мира, человек приручил первой из животных и она стала его надежным другом и верным спутником.

Из документов Древнего Китая известно, что собака — 狗 символизировала продолжение жизни после смерти. По китайскому календарю год Собаки означает процветание. В китайском гороскопе есть особый день рождения всех собак, в этот день принято особенно заботиться о них. Для китайцев собака символизирует верность и преданность. Тем не менее, блюда из мяса собаки популярны в Китае.

Итак, в английском, и в китайском языке найдено множество фразеологизмов, содержащих в своем составе компоненты-зоонимы «кошка» и «собака». Действительно, высокий семантический потенциал обусловлен многовековыми связями животных и человека, заботой друг о друге и взаимной привязанностью.

В данной статье попытаемся провести анализ фразеологизмов, содержащих зоонимы «кошка» и «собака», что позволит выявить национально-культурные особенности носителей английского и китайского языков.

Прежде всего, сравним номинации в словарных статьях указанных лексем в английском и китайском языках («Номинация — название как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом») [1. С. 257].

Согласно самому известному китайскому толковому словарю 新华字典 «кошка» (猫) — 种家畜面呈圆形脚有利爪善跳跃, 会捉老鼠 (домашнее животное с круглыми подушечками лап, когтями, очень подвижное, умеет ловить мышей) [7. С. 325].

В Oxford Dictionary мы находим такое определение «кошки» «cat — 1) small, domestic, fur-covered animal often kept as a pet, to catch mice; 2) any animal of the group that includes tigers, lions, panthers and leopards (wild cat); 3) whip with many knotted cords, formerly used for punishing wrong-doers» [oxforddictionaries. com].

Сравнения толкования в английском и китайском языке, приходим к выводу, что в первом пункте определения совпадают. Словарь «Синхуа» (新华字典) и Oxford Dictionary соглашаются, что кошка — домашнее животное, которое способно ловить мышей. Однако английский словарь метафорически определяет кошку как инструмент для лазания по столбам и как общее название для представителей семейства кошачьих, что не входит в номинацию китайского словаря, которая предельно узка и однозначна.

Теперь перейдем к выявлению национально-культурных особенностей языковой единицы «собака» в английском и китайском языках.

Словарь английского языка Oxford Dictionary трактует «собаку» (dog) как: «1) common domestic animal, a friend of man, of which there are many breeds; 2) male of this animal and of the wolf and the fox; 3) (old use; of a man) worthless, wicked or surly person; 4) (with adj., colloq.) person; 5) (kinds of) mechanical device for gripping; 6) (pl.) metal supports for logs in a fireplace» [oxforddictionaries. com].

Китайский словарь «Синхуа» 新华字典 определяет собаку 狗一种家畜, 听觉, 嗅觉都很灵敏, 有的善于看守门户。狗脚字 走狗, 为有权势的人奔走做坏事的人。(Собака — домашнее животное, обладающее острым слухом и обонянием, охраняет дом. Слова «собака» также часто используется по отношению к людям, совершающим плохие поступки) [7. С. 157].

Анализируя толкования «собаки» в английском и китайском языках, мы видим, что собака, как и кошка, воспринимается носителями языков прежде всего как домашнее животное. Китайский словарь издревле почитает собаку (狗), она является одиннадцатым знаком в 12-летнем цикле, каждый год которого посвящен определенному животному.

Кит. 小狗苦追灵车 16 公里, 不愿和去世主人分开。 — Маленькая собака бежала за катафалком 16 километров, не желая расставаться с умершим хозяином.

Кит. 瑞典最新研究发现, 家里养宠物狗的孩子不易患上哮喘病。 — Последнее исследование показало, что из-за того, что в семье была собака, ребенок тяжело болел астмой.

Анг. Everything you need to know about dogs, including dog breeds, how to adopt a dog, bringing a dog home, dog health and care, and more! Все, что вы хотите узнать о собаках: собачий корм, адаптация собак в новых условиях, информация о здоровье собак и многое другое.

Анг. I could hear a dog barking. Я мог слышать лай собаки.

Поскольку параллели с миром животных чаще всего проявляются в сказках, как репрезентантах культурного и ментального лексикона, рассмотрим китайские и английские народные сказки, содержащие зоонимы «кошка» и «собака».

Английские и китайские народные сказки отличаются от привычных для русскоговорящих людей. Сказки, написанные на английском и китайском языке, знакомят нас с фольклором, мифами, легендами этих древних стран.

Анималистические сказки, т.е. сказки о животных, являются богатым материалом для изучения и глубокого понимания культуры и языковых особенностей народа.

Рассмотрим вначале образ кошки (猫\ cat), милого мурчащего комка шерсти. Это один из наиболее часто встречающихся зоонимов в английских и китайских сказках. В большинстве английских сказок кот ведет себя хитро и самоуверенно, поступательно движется к своей цели и получает то, к чему стремится. Например, в сказках «The mouse and the mouser» («Мышка и мышелов») и «The little vain mouse» («Тщеславная мышка») кошка хитрая.

Вспомним известный американский мультфильм «Том и Джерри» («Tom and Jerry»), построенный на противостоянии умного и удачливого мышонка Джерри и кота Тома, которому все время достается, когда он пытается убить мышонка.

В китайской сказке образ кошки встречается также часто. В сказке «Как горная и городская мышь друг к другу в гости ходили» кот — проходящий персонаж, а в сказках «О том, как по животным счет годам вести стали» кот — один из главных действующих лиц.

В сказке «Как кошка и собака враждовать стали» объясняется причина вражды между котом и мышкой, а также между кошкой и собакой. Собака и кошка отправились помогать хозяевам, выручать их из беды. Но кошка не умела плавать, и всю работу сделала собака. Однако кошка приписала все заслуги себе, и с тех пор пошла между ними вражда.

Образ собаки также часто встречается в английских сказках. В сказке «The Old Woman and Her Pig» («Старушка и ее свинья») образ собаки проходящий. «She went a little further, and she met a dog. So she said to him: 'Dog! dog! Bite pig; piggy won't go over the stile; and I shan't get home tonight.' But the dog wouldn't». В сказках «The Dog and the Sparrow» («Собака и воробей») и «The Small-tooth Dog» («Собака с маленьким зубом») собака — доброе существо. Сюжет «The Small-tooth Dog» напоминает известную сказку «Красавица и чудовище». Собака помогает купцу, забирает его дочь и затем женится на ней. Закрытие разрушено и все счастливы.

В китайской «Сказке про младшего брата», записанной на полуострове Шаньдун, младший брат получает кусок неплодородной земли, петуха и собаку, на которой пашет.

Подобные сказки можно найти в фольклоре многих народов мира. И кошка и собака — прекрасные образы сказочных персонажей. Они достаточно популярны в фольклоре обеих стран.

Итак, перейдем непосредственно к рассмотрению фразеологизмов, содержащих в своем составе компоненты-зоонимы «кошка» и «собака».

Фразеологический состав играет особую роль и идентификации культуры народа и ее трансляции следующим поколениям. В качестве культурно-маркированных знаков фразеологические единицы воспроизводят присущие только одной нации уникальные черты менталитета. Образное основание фразеологизмов, выраженное, в частности, в зоонимических компонентах, служит средством воплощения их культурно-национальной специфики.

Изучение фразеологического состава языка в контексте культуры способствует выявлению тех языковых средств и способов, которые воплощают во фразеологические знаки культурно-значимые смыслы, что позволяет относить к знакам «языка» культуры.

Так какие же ассоциации возникают у англичан и китайцев, когда они слышат или видят «cat»\«猫»? Разумеется, в первую очередь, в воображении возникает красивый пушистый зверек, который царапается, мурлыкает, возможно, это будет какой-либо мультипликационный образ, но у жителей южного Китая может воз-

никнуть и ассоциация с некоторыми блюдами, например 冬笋爨猫肉 (тушеное мясо кошки с ростками бамбука):

Кит. 俄罗斯蓝猫历史上曾有过三种不同的名字。 — Русская порода голубых кошек исторически имела три разных названия.

这是我们做猫肉和竹笋的专门(特有)的简单方式。 — Это наш собственный сверхлегкий способ приготовления мяса кошки с ростками бамбука.

Англ. This tutorial will show you how to draw a cat in cartoon style and realistic style. — Это руководство научит вас рисовать мультипликационную и реалистичную кошку.

«...don't be angry about it. And yet I wish I could show you our cat Dinah: I think you'd take a fancy to cats if you could only see her. She is such a dear quiet thing... and she sits purring so nicely by the fire, licking her paws and washing her face — and she is such a nice soft thing to nurse — and she's such a capital one for catching mice — oh, I beg your pardon!» (Carrol: 2000) — «Не злитесь! и еще, я хотела бы показать вам нашу кошку Дину. Я думаю, вам бы понравились кошки, если бы вы только увидели ее. Она такая милая... и она так здорово мурлычет, вылизывается и умывается сидя у камина... и она такая мягкая, так приятно о ней заботится... И она отлично ловит мышей! О, простите!»

В последнем примере и во фразеологизмах английского и китайского языков отражен тот факт, что кошки ловят мышей: так, в китайском языке находим «энь-юй» 猫哭老鼠 (букв. — кот оплакивает мышь) — «лить крокодиловы слезы».

Кит. 我想他是猫哭老鼠假慈悲。 Я думаю, он льет крокодиловы слезы, чтобы вызвать сочувствие.

В английском языке статус охотницы подчеркивает фразеологизм: when the cat's away the mice will play (букв. — когда кошки нет, мыши играют).

Англ. You can run, you can hide. Deny and lie. But words travel faster than the speed of light. So when the cat's away the mice will play (Bardot) — Ты можешь бежать, ты можешь прятаться. Опровергать и лгать. Но мир быстрее, чем скорость света. Итак, когда кошки нет, мыши играют.

В английских близких по значению фразеологизмах a cat has nine lives (букв. — у кошки девять жизней) или have as many more lives as a cat (букв. — больше жизней, чем у кошки) подчеркивается удивительная удачливость кошек. Действительно, их живучесть сродни невероятной удаче.

Англ. He has as many lives as a cat, he has fallen down from the nine flour and still alive. — Он живуч как кошка, упал с 9 этажа и выжил.

В китайском языке достаточно редко встречается фразеологизм 瞎猫碰上死耗子 (букв. — слепой кот встретил мертвую крысу) о большой удаче в жизни.

Кит. 劝你收起那份碎煎饼吧, 这回算你瞎猫碰上死耗子。(李伯屏等《黄海红哨》) — Советую тебе убрать эти раскрошенные лепешки, будем считать, на этот раз тебе повезло.

Англичане думают, что кошка — осторожное животное: see which way the cat jumps (букв. — увидеть, как кошка прыгает) — «откуда ветер дует», но при этом полагают, что она в тоже время и гордое животное: a cat may look at a king.

Англ. I would advise you to wait and see which way the cat jumps. — Я бы посоветовал не торопиться и посмотреть, откуда подует ветер.

Кроме того, по мнению жителей Туманного Альбиона, кошка может выдать чью-то тайну: let the cat out of the bag (букв. — позволить кошке убежать из сумки) — случайно выдать секрет.

Англ. When Bill glanced at the door, he let the cat out of the bag. — Когда бил заглянул в комнату, он случайно узнал секрет.

Фразеология обеих языков богата фразеологизмами с зоонимом «собака». В китайском языке чэньюй 狗急跳墙 (обр. — загнанный в тупик готов на все) часто используется для описания безысходной ситуации.

Кит. 我们一直追到死胡同里, 那盗贼便狗急跳墙, 抽出一把尖刀扑过来.. — Мы всегда должны помнить, что в безвыходной ситуации бандиты будут готовы на все, чтобы освободиться.

Как отмечалось в словаре 新华字典, собака (狗) употребляется для описания человека с нехорошими намерениями, так чэньюй 狗头军师 (букв. — стратег с собачьей головой) является ярким примером, этот фразеологизм употребляется в качестве описания человека, который дает плохие советы.

Кит. 这个狗头军师最终被人民处决了. — Этого горе-советчика в конце концов наказало народное собрание.

Кит. 异时空之狗头军师, 尽在全本小说网. «Горе-советчик в другом времени» — полный текст романа в сети.

Жители Китая считают, что собаки очень любопытны и употребляют следующий «чэньюй»: 狗拿耗子 (букв. — собака охотится за крысой).

Кит. “人们都以为是‘狗拿耗子多管闲事’, 有什么法子呢? (老舍) — все люди считают, что любопытные обычно суют нос в чужие дела, какие будут варианты?

В английском языке также популярны фразеологизмы, содержащие зооним «собака», например, be raining cats and dogs (обр. — о сильном дожде), примерный эквивалент в русском переводе «лить как из ведра».

Англ. The weather was horrible; it is raining cats and dogs. — Погода была ужасной, дождь лил как из ведра.

О ситуациях, когда конкуренция очень высока и люди причиняют друг другу вред в борьбе за успех англичане могут сказать: dog eat dog (букв. — собака съедает собаку), сродни русскому фразеологизму «идти по головам».

Англ. I'm afraid in this line of work it's a case of dog eat dog. — Боюсь, в этой ситуации придется идти по головам.

Англ. We're operating in a dog-eat-dog world. — Мы живем в мире, где ходят по головам.

Интересно, что котов и собак в Китае едят, их мясо стоит недешево и считается деликатесом. В основном на юге и в провинции Гуандун популярны такие блюда, как 冬笋炆猫肉, 龙虎凤 и 狗肉火锅. Однако в настоящее время движения за гуманное обращение с животными выступают против жестокого обращения и использования в пищу кошек и собак.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе анализа фразеологизмов и словарных статей, содержащих зоонимы кошка (猫\cat) и собака (狗\dog), нами была выявлена национально-культурная специфика языковых единиц «кошка» и «собака» в английском и китайском языках. В английской и китайской культурах зооним имеет различные культурные коннотации, которые тесно связаны с историей, обычаями, бытом, географическим положением и языковой культурой.

Определенно, данные языковые единицы кошка (猫\cat) и собака (狗\dog) имеют универсальное толкование: и кошка, и собака понимаются англичанами и китайцами как домашнее животное.

Рассматривая и анализируя фразеологические единицы, имеющие в своем составе зоонимы «кошка» и «собака», нам удалось выявить наличие уникальных фразеологических единиц, являются своеобразными лакунами, маркированными элементами культуры.

На фоне универсальных ярко выделяются национально-культурные специфические черты языковых единиц «кошка» и «собака». Толкование в английском языке существенно более широкое, включающее как общее родовидовое биологическое понятие, так и названия различных приспособлений-инструментов. В китайском языке номинация отражает четкое определение зоонимов «кошка» и «собака» как домашних животных.

В рассматриваемых нами языках существует множество примеров и фразеологизмов с данными языковыми единицами. Выявление национальной специфики семантики во всех ее аспектах важно для более полного понимания того или иного языка и мышления народа, говорящего на нем.

© Дата поступления: 18.03.2016
Дата принятия в печать: 01.05.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1969.
- [2] Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- [3] Залесова Н.М., Парунова К.С. Особенности функционирования зоонимов в английских и китайских анималистических сказках. Электронный ресурс. [Дата обращения: 01.10.2015].
- [4] Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Слово/SLOVO, 2000.
- [5] Oxford Dictionaries. Language Matters. URL: www.oxforddictionaries.com [Дата обращения: 01.10.2015].
- [6] Китайский онлайн словарь — Zhonga.ru URL: www.zhonga.ru [Дата обращения: 01.10.2015].
- [7] 新华字典 (大字本) / -10 版。 — 北京：商务印书馆，2004.

LANGUAGE CULTURAL SPECIFICITY OF THE LANGUAGE UNITS “CAT” AND “DOG” IN ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES

J. Baghana, E. Iakovleva

Belgorod State National Research University
Pobedy str., 85, Belgorod, Russia, 308015

The article deals with the national and cultural features of zoonyms “cat” and “dog” in English and Chinese languages. The authors point out zoonyms’ main characteristics and their national cultural originality. Zoonyms represent the special features of national linguistic world view and values in the comparative analysis’ aspect

The article represents interpretation of the language units in the monolingual explanatory dictionaries. The dictionary definitions of the terms phraseology and zoonym are given. The research is devoted to phraseology in the English and Chinese languages. The historical notes about the attitude toward cats and dogs in Britain and China are shown. Also some peculiarities of zoonyms function in English and Chinese animal fairy-tales are observed. Based on the differences the authors notice differences of phraseology between zoonyms “cat” and “dog”. Some examples in the English and Chinese languages are observed. The analysis represents universal and national specific semantic features of the present units in the languages so far as phraseology contains the most vivid representation of the national-cultural specificity of world view, connotative features and values peoples in Europe and Asia.

Key words: cultural specificity, language unit, English language, Chinese language, phraseology, chengyu.

REFERENCES

- [1] Ahmanova O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov [The dictionary of linguistics terms]. Moscow, LIBROCOM, 2013.
- [2] Wierzbicka Anna. Yazik. Kultura. Poznanie. [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russian dictionaries Publishers, 1996.
- [3] Zalesova N.M., Parunova K.S. The special features of soonyms function in the English and Chinese languages. [Consultation date: October 1, 2015].
- [4] Ter-Minasova S.G. Yazik I mezhkulturnaya kommunikatsia. [Language and intercultural communication. Moscow, SLOVO, 2000.
- [5] Oxford Dictionaries. Language Matters. URL: www.oxforddictionaries.com [Consultation date: October 1, 2015].
- [6] Chinese online dictionary. Zhonga.ru: URL: www.zhonga.ru [Consultation date: October 1, 2015].
- [7] 新华字典（大字本）/—10版。 — 北京：商务印书馆， 2004.

УСЕЧЕНИЯ В КОРЕЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКЕ

К.Г. Егорова, Сан Чоль Ан

Институт зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, Россия, 677000

Целью работы является установление закономерностей усечения в интернет-коммуникации и факторов, инициирующих усечение на основе теории оптимальности, предложенной Маккарти и Принц 1995, Маккарти 2008. Задачами являются рассмотрение типов усечений в корейском языке, детальный анализ общих процессов усечения на основе аналитического инструмента — теории оптимальности.

Усеченные формы в корейском языке встречаются в основном в интернет-общении, а не в обычной коммуникации. Существует три основных типа усечения в интернет-общении. В качестве инструмента анализа в работе мы используем основную структуру теории оптимальности. В ходе исследования, мы привлечем некоторые главные ограничения, и покажем, каким образом, они взаимодействуют, чтобы представить реализацию поверхности этих новых форм. Прежде всего, два основных ограничения: слабое усечение (далее — TRUNCATE-Weak) и восстанавливаемость (далее — Recoverability) показывают, что морфонологические слабые элементы подвергаются усечению, только если первоначальная форма или смысл могут быть восстановлены из усеченных единиц. Кроме того маркированные ограничения: *глайдовая рекурсия (Off-glide), *CC, *VV, *VhV взаимодействуют с верными ограничениями, такими как МАХ-начальный (далее Max-Initial) и МАХ-σ, в которых маркированные ограничения занимают место выше, чем верные ограничения. Несмотря на ограничение, вызванное усечением в интернет-общении, усечение не будет применяться, если первоначальная форма (значение) не может быть восстановлена из усеченных. В любых морфонологических изменениях основным ограничением является ограничение — Recoverability. В статье показано также то, что такой же аналитический метод применяется в усечении английских заимствований.

Ключевые слова: усечение, корейский язык, интернет-общение, теория оптимальности.

1. ВВЕДЕНИЕ

Интернет-язык — это письменный язык, который широко используется молодым поколением в кибер-общении. Благодаря своим инновационным атрибутам, многие молодые люди пытаются отойти от стандартных языковых обычаев, например, отклонений в грамматике, орфографии, произношения и семантики. Отклонения выходят за рамки намеренных диалектных словоупотреблений и инфантильных выражений, с целью привлечь больше внимания своих собеседников во время неформального общения.

Одним из наиболее примечательных аспектов в неформальном письменном интернет-общении является то, что употребляются усеченные и краткие формы, как аббревиация или эмодиконы. В интернет-общении люди часто используют усеченные формы или аббревиацию с общей целью, чтобы сэкономить время, энергию, деньги (текстовые сообщения в сотовом телефоне). Например, в Твиттере текстовые сообщения, имеющие ограничение до 160 символов (на латинице) побуждали к использованию более большого количества нестандартных слов, используются при этом логограммы, аббревиатуры, сокращения и другие аббревиатурные условности (Crystal 2010: 36). Эти новые языковые обиходы (словоупотребле-

ния) часто принимаются во внимание, как лингвистическая катастрофа; рассматриваются как ужасный сленг или цифровой вирус, поражающий здоровые нормальные языки. Например, Кристал (2010: 36) показывает статью диктора Джона Хамфриса «I h8 txt msgs» («я ненавижу текстовые сообщения»), которая была опубликована в Daily Mail в 2007 г.

Как СМС-переписка вредит нашему языку», — отправители СМС-сообщений являются «вандалами, которые делают языку то же самое, что Чингисхан сделал своим соседям восемьсот лет назад. Они разрушают его: разбивают пунктуацию, раздирают наши предложения, уничтожают наш словарный запас. Подобные действия должны быть остановлены.

Данные альтернативные средства используются в качестве инструмента языкового общения многими людьми, особенно молодым поколением, поэтому мы должны проанализировать их, как стандартные методы языкового общения (Crystal 2001, 2008, 2010). Кристал (2010: 5) также указывает, что аббревиация или усечение не являются исключительно современным явлением, подобные примеры могут быть найдены во внекомпьютерной неформальной письменной форме. Например, ребусы *b* 'be' и *2* 'to', *c u* 'see you', *n* 'no', *gf* 'girlfriend', and *cmb* 'call me back' и другие использовались и раньше в прошлом. Кристал (2010: 5) упоминает, что *IOU* употребляется с 1618 г.

Опущение букв (например, *msg* 'message', *xlnt* 'excellent') не является новым явлением, потому что мы можем найти примеры из SMS-сообщений в некоторых словарях, например, в словаре аббревиатур Эрика Партриджа (1942): *agn* 'again', *mt* 'month' и *gd* 'good'. Кроме того, молодежь не ограничивается данными аббревиатурами, тенденция усечения становится современной тенденцией в интернет-коммуникации, в процессе чего нам не следует беспокоиться о правильном написании или грамматике.

Современные условности используются для определенных коммуникативных эффектов — чувства близости или неформальности. Тем не менее, большинство текстовых сообщений не заполнены аббревиацией или усечениями. Кристал (2010: 4) показывает, что употребление составляет меньше 20% от всех текстовых сообщений в Америке (из коллекции самого Кристала — около 10%) и лишь 6% в норвежских исследованиях. Пока усечения и сокращения используются для определенных контекстных коммуникативных эффектов, так называемые некачественные записи будут расширять возможный диапазон коммуникативных навыков, не разрушая при этом нормальную стандартную грамотность.

Интернет-общение стало популярным с 1990-х годов в Корее так же, как в других странах, и в настоящее время оно стало необходимым в повседневной жизни для большинства людей. Таким образом, мы теперь «люди интернет-связи или поколения». По статистике даже среди пожилых людей в Корее соединение с SNS (сервисом социальной сети) уже очень популярно, например, в KakaoTalk насчитывается 42 000 000 пользователей, в Twitter 5 440 000, в Facebook 5 356 000, CYWORLD 27 000 000 человек (Lee Jeong-bok 2012). Как указано в работе Чж.- Б. Ли (2003: 245—246) интернет-пользователи предпочитают интернет-язык из-за экономии времени, эмоционально-экспрессивного фактора, развлекательного характера и чувства общности.

В корейском языке лингвистические характеристики интернет-общения можно исследовать с различных точек зрения: Чон 2002, Ким 2005, С.-Чж Пак 2006, Чж.-Б. Ли 2005, 2009, 2012, Чж.-Н. Ли 2010, Чж.-Х. Ли и Пак 2012, Ши 2006, Сонг 2002, 2004, 2007, и т.д. Большинство из этих исследований были сосредоточены на типологической классификации или разработки данных. Однако данная статья сосредоточена на фонологической природе, особенно на усечении и разделении слогов. В статье приведены объяснения тому, почему происходят процессы сокращения в интернет-коммуникации. Для этого мы используем теоретическую основу — теорию оптимальности (Маккарти и Принц 1995, Маккарти 2008) в качестве аналитического инструмента.

2. ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Теория оптимальности (далее — ТО, Маккарти и Принц 1995, Маккарти 2008) представляет собой модель ограничений и взаимодействия ограничений, в то время как стандартная порождающая теория является моделью правил и выводов. Есть два основных компонента в ТО: генератор (Gen), который отображает вход на бесконечное число выходных кандидатов, и оценка (Eval), который оценивает выходные кандидаты набором оцениваемых ограничений и выбирает оптимальный выход среди возможных кандидатов. Таким образом, Gen производит набор логически возможных кандидатов на входе и Eval выбирает оптимальный анализ входного сигнала.

(1) Механизм входа-выхода в ТО

GEN: Вход \rightarrow {кандидат 1, кандидат 2, кандидат 3, ... кандидат n}

EVAL: {кандидат 1, кандидат 2, кандидат 3, ... кандидат n} \rightarrow
 \rightarrow (оптимальный) выход.

Затем главным аналитическим предложением ТО является то, что ограничения выстраиваются в иерархической значимости. Таким образом, выбранный выход является наиболее оптимальной кандидатурой без фатального нарушения, т.е. оно нарушает ограничения минимально низкие рейтингом, а субоптимальные кандидаты нарушают верхние или самые высокие рейтингом ограничения.

Например, в следующей таблице можно показать выбор оптимального кандидата, основывающегося на доминировании отношений между четырьмя ограничениями. (Нарушение ограничений представлено символом * (фатальное нарушение знаком!) и оптимальный кандидат отмечен индексом \mathcal{E} . Сплошная линия используется для доминирования связи между ограничениями, в то время как пунктирная линия для незначительной связи. Несмотря на два нарушения, кандидат 3 выбран в качестве оптимального, так как его нарушение минимально, т.е. нарушение с более низким рейтингом ограничений.

(2)

Вход	Ограничение 1	Ограничение 2	Ограничение 3	Ограничение 4
а. кандидат 1	*!			
б. кандидат 2		*!		
\mathcal{E} с. кандидат 3			*	*

Расстановка ограничений: Ограничение 1, Ограничение 2 >> Ограничение 3 >> Ограничение 4.

Существует два типа ограничений: верные и маркированные ограничения, которые неразрывно противоречивы. Прежде всего, мы используем следующие основные верные ограничения.

(3) Max	Входные сегменты должны иметь выходные соответствия (нет деления)
Dep	Выходные сегменты должны иметь входные соответствия (нет эпентезы)
Ident[α F]	Соответствующие сегменты при входе и выходе имеют идентичные значения для [α F].

MAX предотвращает удаление, в то время как DEP запрещает эпентезу.

Ограничение Ident[α F] требует, чтобы соответствующие сегменты при входе (лежащие в основе представления) и выходе (т.е., представление поверхности) должны иметь одинаковое характерное объяснение. Верные ограничения взаимодействуют с маркированными ограничениями; мы можем использовать в анализе следующие типы маркированных ограничений:

- (4) TRUNCATE-Weak Морфологический слабый слог может быть сведен к минимуму.
MAX-INITIAL Первый слог заимствованного слова не может быть усечен.

Должно быть больше верных и маркированных ограничений, и мы добавим больше ограничений, представленных далее в анализе.

3. СОКРАЩЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ

Усечение является очень распространенным процессом среди молодежи. Целью усечения является простота; существует три основных типа усечения или вырезки в английском языке.

- (5) a. начальное отсечение: афереза
varsity ‘university’, *bot* ‘robot’, *chute* ‘parachute’, *roach* ‘cockroach’,
coon ‘raccoon’, *gator* ‘alligator’, *phone* ‘telephone’, *pike* ‘turnpike’, *net*
‘internet’, и т.д.
- b. вырезка середины: синкопа
- i) сохраняются функциональные морфемы: *maths* ‘mathematics’, *specs* ‘spectacles’
- ii) постепенный процесс элизии из-за ритма и контекста: *fancy* ‘fantasy’, *ma'am* ‘madam’
- c. отсечение конца: апокопа
ad ‘advertisement’, *cable* ‘cablegram’, *doc* ‘doctor’, *exam* ‘examination’,
fax ‘facsimile’, *gas* ‘gasoline’, *gym* ‘gymnastics, gymnasium’, *memo* ‘memorandum’,
mutt ‘muttonhead’, *pub* ‘public house’, *pop* ‘popular music’

Первые два типа усечения сохраняют более важные части, основанные на этимологических или функциональных особенностях. Например, *varsity* был вариантом *versity*, сокращенная форма *university* будет, как *varsal*, который был сокращенной формой *universal*. Точно так же, как *fansy* было получено от *fantsy* «вле-

чение, симпатия», сокращенное от «фантазия» (этимологический онлайн-словарь: <http://www.etymonline.com>).

Так же, как и в первых двух типах, конечное усечение относится к простым или составным словам. Конечное усечение встречается гораздо чаще, чем другие два типа. Конечное усечение может также применяться наряду с начальным усечением, чтобы производить сокращенные слова с частью сохраненного прототипа, который является ударным слогом (Wikipedia 2015).

- (6) *flu* ‘influenza’, *frig* or *fridge* ‘refrigerator’, *jams* or *jammies* ‘pajamas/pyjamas’, *polly* ‘apollinaris’, *shrink* ‘head-shrinker’, *tec* ‘detective’

Сокращение также вызывает отклонение. Например, усеченные отклоненные от нормы формы *cos* or *cuz* ‘because’ часто используется так же, как и другие отклоненные формы *ova* ‘over’, or *wot* ‘what’.

- (7) *cos*, *cuz* ‘because’, *ova* ‘over’, *wot* ‘what’

4. ОПТИМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСЕЧЕНИЙ

4.1. Усечение в корейском языке

Типы усечения в корейском языке аналогичны образцам в английском языке, представленных выше. В отличие от английского или других языков, усеченные формы используются в основном в интернет-общении, а не в обычной коммуникации. Следующие примеры (взятые в основном из работ Пак (2006: 461) показывают, что существует три основных типа усечения в интернет-общении. В данной статье, согласные фонемы / p, t, k, l / будут транскрибированы как b, d, g, r в начале слова, в то время как p, t, k, l — в конце слов, следуя стандартной романизации принципа орфографии. Велярный назальный будет транскрибирован как ŋ, а не как орфографической ng. Укороченные части указаны в скобках.

- (8) Начальное усечение: (o).p’a «старший брат», (so).səl «роман», (no).suk.ja «бездомный», (mo).bəm.səŋ «примерный ученик», (pa).thaŋ.hwa.muən «фон» и т.д.

Усечение средней части: doŋ.(ho).hwe «клуб», bok.(sa).phum «копия», huən.(su).mak «плакат», d(i)l.i.mil.da «толкать», g(i.n)yaŋ «просто», g(i.m)an.du.da «отказаться».

Финальное усечение: yu.bu.(nam) «женатый мужчина», jɛ.baŋ.(soŋ) «повторное вещание», jɛ.jəp.(sok) «переподключение» и т.д.

Начальное усечение можно разделить на два типа, основываясь на мотивации усечения, т.е. фонологической и морфологической. Во-первых, в случае моно-морфемной особенности (o).p’a «старший брат», начальный слог начинается со слабого сегмента (т.е. с гласного), а второй слог начинается с сильной напряженной согласной. Точно так же, (pa).thaŋ.hwa.muən показывает предпочтение сильного придыхательного согласного, чем начальный (слабый) простой взрывной.

- (9) (o).p’a «старший брат», (pa).t^haŋ.hwa.muən (p’ =напряженный смычный согласный, t^h= придыхательный смычный согласный).

С другой стороны, начальные слоги в других трех примерах морфологически слабее, чем вторые слоги по смыслу или функции. Каждый усеченный слог является (морфологически) предельной единицей в пределах слова.

- (10) (so).səl 'роман', (no).suk.ja 'бездомный', (mo).bəm.seŋ 'примерный ученик'
 (маленький).рассказ (улица). спать.человек (пример). образец.ученик

Для того, чтобы учесть две укороченные модели морфонологических слабых единиц, мы можем сослаться на следующее Truncate-Weak ограничение.

- (11) Truncate-Weak

Морфонологически слабый (менее важный) слог может быть сведен к минимуму.

Заметим, что, несмотря на ограничение, вызванное усечением в интернет-общении, усечение не будет применяться, если первоначальная форма (значение) не может быть восстановлена из усеченных. В любых морфонологических изменениях наиболее фундаментальным ограничением является ограничение — Recoverability.

- (12) Recoverability (ненарушимость)

Значение слова не может быть удержано фонологическими изменениями.

TRUNCATE-Weak все еще может принять важную роль в окончательном усечении, в связи с его морфологической функцией. Опять же, в скобках части урезаны из-за их более слабых ролей в составных словах.

(13)	yu.bu.(nam)	je.baŋ.(soŋ)	je.jəp.(sok)
	«женатый мужчина»,	«ретрансляция»,	«переподключение»
	иметь. жена. (мужчина)	повтор. выпуск. (отправлять)	заново. подключение
(продолжение)

В медиальном усечении Truncate-Weak ограничение удаляет вторую морфему соединения из-за их слабых морфонологических ролей.

(14)	[doŋ.(ho)].hwe	[bok.(sa)].p ^h um	[hyəp.(su)].mak
	«клуб»,	«копия»,	«плакат»
	одинаковый.(заботиться).
встреча	двойной.(копировать). пункт,
статья	вешать. (свободно свисать).
прикрытие

Решающая роль слабого усечения может быть продлена следующими родными корейскими словами, в которых усечение фонологической слабой / i / может привести к недопустимому стечению согласных в начале слова *dr*, *gn*, *gm*, и т.д. Эти недопустимые согласные запрещены из-за нерушимого *CC ограничения, препятствующего группе согласных.

- (15) d(i).i.mil.da «толкать», g(i.n)yaŋ «просто», g(i.m)an.du.da «сдаваться, отказываться».

- (16) *CC (нерушимый)

Стечение согласных не разрешено в пределах слога.

Если начальный сегмент сохраняется, мы можем сослаться на «позиционную» верность ограничения Max-Initial, вставить начальный сегмент (Beckman 1997). В качестве начального усечения в (10) показано, что начальный слог может быть урезан, если он является морфонологически слабым; Max-Initial занимает место ниже, чем Truncate-Weak.

Выбор оптимального вывода показан в (18).

(17) Max-Initial Начальный сегмент слова не может быть усечен.

(18)	gi.nyaŋ	CC	Truncate-W	Max-initial	Max-σ
a.	gi.nyaŋ		*		
b.	gnyɑŋ	*!			*
c.	nyɑŋ			*	*
d.	gyɑŋ				*

Как показано в таблице, нарушение слабого усечения не является фатальным, но решающим; (18a) удаление; в то время как *CC удаление (18b) является неприкосновенным. Третий кандидат (18c) исключается из окончания с последним кандидатом в связи с нарушением Max-Initial (более того, нарушив неприкосновенную Recoverability, выход *nyɑŋ* не может быть понятным. Поэтому удаление начального согласного могло бы быть непонятным в других случаях, например, *(di)li.mil.da «толкать», *(gi).nyɑŋ «просто», *(gi).man.du.da и т.д.).

Медиальное усечение относится к английским заимствованиям, также как к корейским присоединена заимствованная комбинация, как показано ниже. Следующие примеры показывают, что медиальное усечение распространено в английских заимствованиях.

- (19) a. hen.(di).p^hon ‘hand phone’, a.(i).t^hem ‘item (ai.tem), me.(i)l ‘mail’, ge.(i)m ‘game’
 b. si.(nɛp) syat ‘snap shot’, p^hon (mi).t^hiŋ ‘phone meeting’, p^ho.(t^ho) syɑp ‘photo shop’
 c. nun (c^hɛ).t^hiŋ ‘eye chatting’

В примере (19a) усечение второго слога вызвано эпентезой гласной ([hen.(di)]) или разложением дифтонга ([aj] → [a.i.]) по причине фонотактик в корейском языке, запрещающих словам заканчиваться согласными (например, [nd]) или глайдовой рекурсией дифтонга (например, [aj]) (S.-C. Ahn 2010). Таким образом, ограничением Truncate-Weak происходит слабость морфонологической функции усечения второго слога.

Однако во втором случае (19b) показано, что мы можем сохранить слог с помощью вставной гласной (т.е. [si]), если он является начальным слогом. Мы можем применить Max-initial ограничение для данных заимствований. Кроме того, пример (18c) показывает, что медиальное усечение может быть применено в корейской заимствованной комбинации, в которой медиальный слог усечен независимо от морфонологической функции. Используя Max-initial наряду с другими соответствующими ограничениями, мы можем показать оптимальный выбор усечения следующим образом (мы снова опускаем нерушимую Recoverability для более простой иллюстрации).

(20)	si.nɛp.syat	*CC	Truncate-W	Max-initial	Max-σ
a.	si.nɛp syat		*		
b.	sɛp.syat	*!			*
c.	nɛp syat			*	*
d.	si. syat				*

Предпочтение начальной части заимствования может наблюдаться в следующих примерах, в которых они занимают первые два такта (CV.CV или CVC), сокращающие остальные слова.

- (21) si.p^hel.(liŋ) ‘spelling’, ε.ni.(me.i.syən) ‘animation’, k^həm.(p^hyu.t^hə) ‘computer’, k^ha.sa.(no.ba) ‘Casanova’.

К тому же, в отличие от усечения в родных корейских словах, заимствованные усечения должны иметь, по крайней мере, два такта поскольку пользователи языка не могут восстанавливать первоначальный смысл, если после усечения остается только один слог.

(22)

	k ^h əm.p ^h yu.t ^h ə	Trunc-W	Max-initial	2-mora	Max-σ
a.	k ^h əm.p ^h yu.t ^h ə	*!		*****	
b.	p ^h yu.t ^h		*	*	*
c.	k ^h əm.p ^h yu			***	*
d.	k ^h əm				**

MAX-INITIAL (наряду с Recoverability) и другие ограничения применяются в общем процессе усечения также, как аббревиатуры принимают первую часть из каждого слова в сложных словах.

- (23) [gaŋ.(ryək)][c^hu.(c^hən)] «серьезная рекомендация»,
 крепкий. сила напор. договариваться
- [jəŋ.(gi)][mo.(im)] «регулярная встреча»,
 принимать решение. время встреча
- [bi.(mil)][bən.(ho)] «пароль»,
 секрет. незнакомый номер. символ
- [goŋ.(doŋ)][gu.(mε)] «групповое приобретение»,
 общий. один покупать. покупать

Основываясь на проведенном анализе, мы можем поставить расположение ограничений в следующем порядке.

- (24) Расположение ограничений
 Recover, *CC >> Truncate-Weak >> Max-Initial, 2-mora >> Max-σ

4.2. Разделение на слоги

Существует ряд случаев, в которых последовательность двух гласных через границу слога становится единой гласной или скользящей — дифтонгом.

- (25) a. Эллипсис гласных
 sə.(u)l ‘Сеул’, ga.(i)p «присоединение»,
 yo.(i)l «день недели», s’a.(u)m «драка, спор»
- b. Дифтонгизация
 ki.ək → kyək «память», pu.in → pwin «жена», su.əp → syəp «урок»,
 cu.in.koŋ → cwin.koŋ «главный герой», cu.in.caŋ → cwin.caŋ «хозяин»

Эллипсис гласных в (25a) обусловлен ограничением *VV, озадачивающий две соседние гласные в интернет-общении. И этот процесс также часто встречается в нормальной стандартной речи.

(26) ka.(i)l «осень», ma.(i)m «душа», no.(i)l «закат»

В отличие от простого эллипсиса гласных в (25a) в примере (25b) мы видим, что *VV ограничение вызывает дифтонгизацию, нежели простое усечение гласной. Ниже таблица (28) показывает, как ненарушаемый *VV, МАХ-начальный и МАХ, последний кандидат с дифтонгизацией выбран в качестве оптимального выхода, хотя низко расположенный Макс-σ нарушается всеми тремя кандидатами в том числе одним оптимальным.

(27) *VV Две смежные гласные не могут быть на поверхности
МАХ Входной гласный должен иметь соответствие на выходе

(28)

gi.ək	*VV	Max-initial	Max	Max-σ
a. gi.ək	*			
b. gik			*	*
c. gək		*	*	*
d. gyək				*

С другой стороны следующие примеры показывают, что разделение на слоги вызывает дифтонгизацию, когда начальный слог имеет высокую гласную /i/. Для этого процесса мы привлекаем два дополнительных маркированных ограничения *VhV и *VwV.

(29) si.har → syar «игра, матч», si.həm → syəm «экзамен»,
si.wəp → syəp «прохладно»

(30) *VhV, *VwV интервокальный h (и w) не может возникнуть

Теперь следующая таблица показывает выбор оптимального выхода. Первые два кандидата, нарушающие *VhV ограничение или *VV устраняются из окончания. Пример (31b) показывает, что простое интервокальное усечение -h не может быть использовано в интернет-общении из-за нарушения *VV. С другой стороны третий кандидат * [səm] нарушает Max-initial в дополнение к двум нарушениям Max. Таким образом, последний кандидат с дифтонгизацией должен был быть выбран в качестве оптимальных кандидатов.

(31)

si.həm	*VhV	*VV	Max-initial	Max	Max-σ
a. si.həm	*				
b. si.əm		*		*	
c. səm			*	**	*
d. syəm				*	*

Как было показано, МАХ или МАХ-σ расположены ниже, чем *VV, поэтому мы можем применить усечение гласной или дифтонгизацию. В выше представленных примерах 25(a) выявлено, что возможная дифтонгизация блокируется из-за следующего неприкосновенного фонотактического ограничения в корейском языке.

(32) * глайдовая рекурсия (нерушима).

Глайдовая рекурсия дифтонгов не может произойти.

(33)

	s'a.um	*Off-glide	*VV	Max-initial	Max	Max-σ
a.	s'a.um		*			
b.	s'awm	*!				*
c.	s'um			*	*	*
d.	s'am				*	*

В отличие от вышеизложенных случаев (31), (33b), не могут быть выбраны в качестве оптимального выхода из-за фатального нарушения верхней грани *глайдовой рекурсии. Конкурирующих кандидатов (33с) также удаляют из-за нарушения ограничения Max-начальный.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели закономерности усечения в интернет-общении и предложили несколько основных факторов, инициирующих усечение и разделение на слоги. Прежде всего, было показано, что морфологически или фонологически слабые части являются мишенями усечения, т.е. при условии ограничения слабого усечения. Хотя это ограничение вызывает усечение в интернет-общении, несмотря на то, что располагается под неприкосновенностью верхнего ограничения RECOVERALILITY. Таким образом, усечение не применяется, если первоначальная форма или смысл не может быть извлечен из одного усеченного. Наряду с данными ограничениями, существуют и другие важные ограничения, которые взаимодействуют друг с другом, чтобы указать оптимальный выбор выходов для усечения. Более конкретно, маркированные ограничения *CC, *VV и *VhV взаимодействуют с верными ограничениями, MAX-начальный, MAX-σ и MAX, в которых маркированные ограничения оцениваются более выше, чем верные ограничения. Было также показано, что усечение заимствованных слов с английского можно объяснить в рамках одной аналитической структуры. Наконец, что касается процесса повторного слогоделения (усечения слога), дополнительное неприкосновенное ограничение *глайдовая рекурсия играет решающую роль в устранении незаконного усечения.

© Дата поступления: 01.02.2016

Дата принятия в печать: 28.04.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ahn Sang-Cheol. 2010. Korean Phonology. London: EAP.
- [2] Beckman Jill N. 1997. Positional Faithfulness. Doctoral dissertation, University of Massachusetts.
- [3] Crystal David. 2001. Language and the Internet. Cambridge University Press.
- [4] Crystal David. 2008. Txtng: The Gr8 Db8. Oxford University Press.
- [5] Crystal David. 2010. Internet Linguistics. London: Routledge.
- [6] Jeon Byung-yong. 2002. 통신언어의 음운론적 특성에 대한 연구-대화방 언어를 중심으로. Hanguk Eoneo Munhwa (Korean Language and Culture) 21:251—274, 한국언어문화학회. Hanguk Eoneo Munhwa Hakhoe.
- [7] Kager René. 1999. Optimality Theory. Cambridge University Press.
- [8] Lee Jeong-bok. 2003. 인터넷 통신언어의 이해 (Understanding Internet Languages). Wolin.
- [9] Lee Jeong-bok. 2005. 사회언어학으로 인터넷 통신언어 분석하기 (Analyzing Internet languages in sociolinguistics). Hangukeohak (Korean Linguistics) 27, 37—79. Hangukeo Hakheo.

- [10] Lee Jeong-bok. 2009. 인터넷 통신언어의 확장과 한국어 연구의 확대 (Expansion of Internet-mediated languages and Korean language studies). Sothong.
- [11] Lee, Jeong-bok. 2012. 스마트폰 시대의 통신 언어 특징과 연구 과제 (Usages, research trends, and challenges of net-language in the smart-phone era). *The Sociolinguistic Journal of Korea* 20: 1, 177-211.
- [12] Lee Ju-Hee. 2010. Tongsin eoneouy phyogiwa eumunjeok theukseong (A Study of Phonological features and orthography in computer mediated language). *Linguistic Research* 27.1: 1—18.
- [13] Lee Ju-Hee and Sunwoo Park. 2012. 한국어 문자메시지의 표기와 특성: 20 대 대학생을 중심으로 (A study of writing styles and characteristics of Korean text messages: With reference to university students). *Studies in Phonetics, Phonology and Morphology* 18:1, 131—161.
- [14] McCarthy John and Alan Prince. 1995. Faithfulness and reduplicative identity. *University of Massachusetts Occasional Papers* 18: *Papers in Optimality Theory*, 249—384.
- [15] McCarthy John. 2008. *Doing Optimality Theory*. Malden, MA: Blackwell.
- [16] Oh, Mira. 2003. A correspondence-theoretic account of truncation. *Korean Journal of Linguistics* 28. 4, 629—650.
- [17] Park Cheol-Ju. 2006. PC 통신언어 명사의 음운론적 연구. *Gukeo Gyoyuk (Korean Language Education)* 119: 457—486, 한국어교육학회 (The Society of Korean Language Education).
- [18] Partridge Eric. 1942. *Dictionary of Abbreviations*. London: George Allen and Unwin.
- [19] Shi Chung-Kon. 2006. 사이버 언어의 조어법 연구 (A study on word-formation patterns in cyber language). *Hangukeohak (Korean Linguistics)* 31: 215—243, Hangukeo Hakheo.
- [20] Song Min-Kyu. 2004. 사이버언어 사전과 사이버언어의 현재 (A dictionary of cyberlanguage and a present condition of cyberlanguage). *Hangukhak Yeongu (Korean Studies)* 20: 107—126. Center for Korean Studies, Korea University.
- [21] Song, Min-Kyu. 2007. *가상공간의 신어연구 (A Study on the New Words in Cyber-space)*. Doctoral dissertation, Korea University.
- Website references
Wikipedia 2015
Online Etymology Dictionary

TRUNCATION IN KOREAN CYBER COMMUNICATION

Kyunney Egorova, Sang-Cheol Ahn

Institute of Foreign Philology and Regional Studies

North-Eastern Federal University

Belinskogo str., 58, Yakutsk, Russia, 677000

The aim of the research work is to deliver a consistent patterns of truncation in the internet communication and the factors that initiate the truncation based on the Optimality Theory suggested by McCarthy and Prince 1995, McCarthy 2008. The tasks of the research are to review the types of truncation in Korean language, to make a detailed analysis of the overall processes of truncation based on analytical tool — the Optimality Theory.

Truncated forms in Korean language are mainly observed in the Internet communication, but not in regular communication. There are three main types of truncation in the internet communication. This paper examines the patterns of truncation in internet communication and suggests the major factors triggering truncation and desyllabification. To this end, we employ the basic framework of Optimality Theory (McCarthy & Prince 1995, McCarthy 2008) as our tool of analysis. During the discussion, we invoke several major

constrains and show how they interact to represent the surface realization of those new forms. First of all, two major constraints, TRUNCATE-WEAK and RECOVERABILITY, indicate that morpho-phonologically weak elements can be truncated only if the original form or meaning can be recovered from the truncated ones. Beside these, the markedness constraints, *Off-glide, *CC, *VV, and *VhV, interact with the faithfulness constraints, such as MAX-INITIAL and MAX-σ, in which the markedness constraints are ranked higher than the faithfulness constraints. In any morphological changes the main constraint is RECOVERABILITY. It is also shown that the same analytical method applies to the truncation in English loanwords as well.

Key words: truncation, Korean, internet communication, Optimality Theory.

REFERENCES

- [1] Ahn Sang-Cheol. 2010. Korean Phonology. London: EAP.
 - [2] Beckman Jill N. 1997. Positional Faithfulness. Doctoral dissertation, University of Massachusetts.
 - [3] Crystal David. 2001. Language and the Internet. Cambridge University Press.
 - [4] Crystal David. 2008. Txtng: The Gr8 Db8. Oxford University Press.
 - [5] Crystal David. 2010. Internet Linguistics. London: Routledge.
 - [6] Jeon Byung-yong. 2002. 통신언어의 음운론적 특성에 대한 연구-대화방 언어를 중심으로. Hanguk Eoneo Munhwa (Korean Language and Culture) 21:251—274, 한국언어문화학회. Hanguk Eoneo Munhwa Hakhoe.
 - [7] Kager René. 1999. Optimality Theory. Cambridge University Press.
 - [8] Lee Jeong-bok. 2003. 인터넷 통신언어의 이해 (Understanding Internet Languages). Wolin.
 - [9] Lee Jeong-bok. 2005. 사회언어학으로 인터넷 통신언어 분석하기 (Analyzing Internet languages in sociolinguistics). Hangukeohak (Korean Linguistics) 27, 37—79. Hangukeo Hakheo.
 - [10] Lee Jeong-bok. 2009. 인터넷 통신언어의 확장과 한국어 연구의 확대 (Expansion of Internet-mediated languages and Korean language studies). Sothong.
 - [11] Lee Jeong-bok. 2012. 스마트폰 시대의 통신 언어 특징과 연구 과제 (Usages, research trends, and challenges of net-language in the smart-phone era). *The Sociolinguistic Journal of Korea* 20: 1, 177—211.
 - [12] Lee Ju-Hee. 2010. Tongsin eoneouy phyogiwa eumunjeok theukseong (A Study of Phonological features and orthography in computer mediated language). *Linguistic Research* 27.1: 1—18.
 - [13] Lee Ju-Hee and Sunwoo Park. 2012. 한국어 문자메시지의 표기와 특성: 20 대 대학생을 중심으로 (A study of writing styles and characteristics of Korean text messages: With reference to university students). *Studies in Phonetics, Phonology and Morphology* 18:1, 131—161.
 - [14] McCarthy John and Alan Prince. 1995. Faithfulness and reduplicative identity. University of Massachusetts Occasional Papers 18: Papers in Optimality Theory, 249—384.
 - [15] McCarthy John. 2008. Doing Optimality Theory. Malden, MA: Blackwell.
 - [16] Oh Mira. 2003. A correspondence-theoretic account of truncation. *Korean Journal of Linguistics* 28. 4, 629—650.
 - [17] Park Cheol-Ju. 2006. PC 통신언어 명사의 음운론적 연구. Gukeo Gyooyuk (Korean Language Education) 119: 457—486, 한국어교육학회 (The Society of Korean Language Education).
 - [18] Partridge Eric. 1942. Dictionary of Abbreviations. London: George Allen and Unwin.
 - [19] Shi Chung-Kon. 2006. 사이버 언어의 조어법 연구 (A study on word-formation patterns in cyber language). Hangukeohak (Korean Linguistics) 31: 215—243, Hangukeo Hakheo.
 - [20] Song Min-Kyu. 2004. 사이버언어 사전과 사이버언어의 현재 (A dictionary of cyberlanguage and a present condition of cyberlanguage). Hangukhak Yeongu (Korean Studies) 20: 107—126. Center for Korean Studies, Korea University.
 - [21] Song Min-Kyu. 2007. 가상공간의 신어연구 (A Study on the New Words in Cyber-space). Doctoral dissertation, Korea University.
- Website references
Wikipedia 2015
Online Etymology Dictionary

СЕМАНТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ТАМИЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТИПОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

А.А. Смирнитская

Отдел языков народов Азии и Африки
Институт востоковедения Российской академии наук
ул. Рождественка, 12 /1, Москва, Россия, 107031

В статье автор рассматривает лексико-семантическую группу «термины родства» в тамильском языке с позиций семантической типологии и теории семантической деривации. Изучается взаимосвязь значений лексем, описывающих нуклеарную и расширенную семью, с другими значениями данного языка, выявляется наличие или отсутствие между ними связи типа «семантический переход», реализуемой синхронной полисемией, семантической деривацией в процессе исторического развития, когнатами или другими способами. Исходной точкой исследования являются типологические данные Каталога семантических переходов в языках мира *DatSemShift*, разрабатываемого группой исследователей под руководством Анны А. Зализняк в Институте Языкознания РАН. Автор проверяет наличие в тамильском языке каких-либо из переходов, описанных в каталоге *DatSemShift*, и выдвигает предположения о новых переходах, специфических для реальности тамильского языка. В числе других удается подтвердить наличие семантической связи изучаемого типа между значениями, обозначаемыми английскими ярлыками: *father — parents; girl — daughter; to deliver (a child) — parents; <young animal> — child; old woman — wife; owner — wife* и другими. Также материал позволяет автору выдвинуть предположение о наличии подобной связи между значениями: *old — grandfather; earth — mother; son — courage; unripe — son* и другими. Семантика данного поля является источником семантических сдвигов в абстрактные понятия, в лексику обладания, в обращения и др., также обнаруживается значительное число внутренних семантических связей в рамках данного поля. Значения из нуклеарной части системы участвуют в универсальных семантических переходах, описанных в *DatSemShift*, тогда как термины родства, характеризующие боковые ветви этой бифуркативной системы (*uncle, aunt*), оказываются несопоставимы с терминами из индо-европейских линейных систем родства. Их значение может быть включено в Каталог *DatSemShift* только с указанием на специфику бифуркативной системы родственных терминов. Данные о семантических переходах могут быть полезны в работе над толковыми и переводными словарями, в антропологических исследованиях, а также для реконструкции значения в сравнительно-историческом языкознании. Системное понимание семантических связей в лексике родства позволяет по-новому посмотреть на место этого лексико-семантического поля в концептуальном пространстве тамилоязычной культуры.

Ключевые слова: тамильский язык, термины родства, семантический переход, полисемия, семантическая типология.

1. ВВЕДЕНИЕ

Семантическая типология, которая активно развивается в последние десятилетия, в отличие от традиционной семантики предполагает не только изучение толкования слова и его лексической сочетаемости, но и изучение типологии динамических взаимоотношений между значениями. Исследования такого рода стали неотъемлемой частью широкого пространства изучения трансформирующихся и «перетекающих» одно в другое значений, участвующих как и исторических, так и в синхронных процессах.

Изучением динамических семантических изменений значения занимаются несколько исследовательских коллективов в Европе, США и России. Полученные данные о языковых изменениях становятся аргументом в работах по сравнительно-историческому языкознанию. Так например, в работе Т.А. Михайловой семантические параллели развития значений **крестьянин** → **муж** в германских языках используются как дополнительное подтверждение схожего перехода значений в др. ирл. языке **aithech-1** 'крестьянин, житель' → **aithech tige** 'муж, хозяин дома' (букв. 'крестьянин дома'). В частности, автор рассматривает семантические переходы др. сканд. **bóndi** 'свободный владделец земли, крестьянин, хозяин дома и скота; бонд; муж' → др. сканд. **hūsþōndi** 'муж как хозяин дома' → скандинавское заимствование в др. англ. **hús-bonda** 'муж как хозяин дома' → совр. англ. **husband** 'муж' [7].

Что касается синхронного аспекта, в России начиная с 90-х г. XX в. исследованиями лексических классов и таксономических категорий и их динамическим соотношением с семантическими дериватами и лексической сочетаемостью слова занимается Е.В. Падучева (см. например, известную монографию [8]). В монографии Е.В. Рахилиной, посвященной семантике предметных имен [9], исследуется в том числе проблема семантического перехода одного значения в другое, причем рассматриваются и графические модели описания такого перехода.

В этой области языкознания, переживающей период расцвета, еще нет в то же время общепринятой системы терминологии. Так, в сборнике 2008 г. под редакцией Martine Vanhove для объяснения сходных явлений используются такие терминологические единицы, как *semantic affinities* (Bernard Pottier), *lexical change* (Peter Koch), *mapping semantic spaces* (Neiloufar Family), *semantic associations and confluences* (Bruno Gaume, Karine Duvignau & Martine Vanhove), *semantic parallelisms* (Michel Masson), *semantic associations* (Martine Vanhove) и другие [17]. При этом разные термины акцентируют разные аспекты изучаемого явления. Так, в терминах *semantic shift* и *lexical change* делается акцент на направленном изменении значения, и при такой внутренней форме термина приобретают осмысленность понятия «исходного значения» и «значения-цели». В то же время термины *semantic affinity* и *semantic association* акцентируют близость связанных между собой значений, но не предполагают причинно-следственного характера этой близости.

Среди других в том же сборнике есть статья «A catalogue of semantic shifts: Towards a typology of semantic derivation» Анны А. Зализняк, чьего теоретического подхода и придерживается данная работа.

Под «семантическим переходом» мы, вслед за Анной А. Зализняк, будем понимать «наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах одного слова в широком смысле» [4. С. 33]. Семантический переход обнаруживает себя в форме «реализаций, различаемых в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений: синхронная полисемия, диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствование» [Ibid].

Семантические переходы, регулярно воспроизводимые в разных языках в разные исторические эпохи, как пишет Анна А. Зализняк, «отражают некие базовые константы, на которых основана концептуализация мира, производимая человеком при помощи языка» [3. С. 586].

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ТАМИЛЬСКИХ ТЕРМИНАХ РОДСТВА

Тамильский язык, как и другие языки дравидийской семьи, сравнительно недавно вошел в число объектов изучения лингвистики. На сегодняшний день существует значительное число работ, описывающих фонетику, морфологию и синтаксис тамильского языка — это работы таких исследователей, как S.B. Steever в США, T. Lehmann в Германии, E. Annamalai, G. Ravisankar и их коллеги в Индии, М.С. Андронов в России и многие другие. Однако семантический языковой уровень в этих работах затрагивается лишь косвенно. Эту лауну и призвана заполнить данная работа. Рассматриваемый тамильский материал может быть использован в общих семантико-типологических описаниях.

Исходным пунктом рассмотрения выбрано значение, представленное английским «ярлыком» из Каталога семантических переходов DatSemShift, создаваемого группой исследователей под руководством Анны А. Зализняк [1. Электронный ресурс]. Для каждого «ярлыка» мы указываем представляющие его в тамильском языке лексемы, даем полное описание значений и приводим список семантических переходов, в которых участвует данное значение с реализациями в виде семантической деривации или синхронной полисемии. Делаются предположения о других возможных семантических переходах для данного значения. В работе используются переводы на русский и английский языки для уточнения семантики терминов и с целью вовлечения большего круга языков в типологическое сопоставление.

Термины родства относятся к древнему и чрезвычайно важному для человека пласту лексики. Как писала С.М. Толстая относительно славянских языков, «лексика и терминология родства в славянских языках принадлежат к древнейшему общеславянскому (а ядро — к индоевропейскому) фонду и демонстрируют не только сложность и разветвленность традиционной системы родственных отношений, но и характерные для славян способы их осмысления» [11. С. 8]. Изучение терминологии родства в каком-либо языке позволяет многое уяснить о данном языке и культурных стереотипах говорящего на нем народа. Термины родства являются богатым источником «информации о содержательной стороне самого концепта родства, его релевантных параметрах и характеристиках, его оценке в сознании носителей традиционной культуры» [Там же].

Другой исследователь И.Б. Качинская в своей диссертации 2011 г. указывает, что «лексико-семантическая группа „Термины родства“ является группой-«донором» — группой, в которой регулярно осуществляются „семантические сдвиги“, происходит как бы выброс элементов (значений терминов) далеко за пределы «семейной» тематики» [5]. В этой работе автором выявлены основные семантические

поля, в которые направлена «интервенция» терминов родства в архангельских говорах русского языка — это топонимы, растительный, животный и предметный мир, область мифологии, абстрактные понятия и междометия.

В существовании индийского общества термины родства играют большую роль. Их традиционное использование, например, при обращениях, очень обширно по сравнению с другими формами и проникает даже в речь на английском языке. Так, в речи билингов хинди-английский при обращении к женщинам среднего возраста примерно в равной мере, 55% по данным исследователей, используются английское *madam* (or *ma'am*) и пришедшее из индийской традиции использование термина родства *aunty* [15. С. 7].

Тамильская система родства имеет некоторые отличия от славянской и большинства других систем, распространенных в современной Европе. С антропологической точки зрения дравидийская система родства является одной из древнейших бифуркативных систем, с ее противопоставлением родственников по линии отца и по линии матери, и кросскузенными браками. Некоторые антропологи определяют дравидийский тип родства как исходный для развития бифуркативно-коллатерального и генерационного типов, а предравидийский тип родства как древнейший [2. С. 46].

В отличие от привычной носителю русского языка линейной системы, тамильская система родства реализует параметр относительного возраста человека, что находит отражение, в частности, в противопоставлениях лексем 'старший/младший брат' (*aṇṇaṅ/tampī*) и 'старшая/младшая сестра' (*akkaḷ/tankai*), которые в тамильском языке употребляются повсеместно взамен общих обозначений. Кроме этого, система предполагает значительное участие в жизни нуклеарной семьи однополых с родителями сиблингов, то есть тети с материнской и дяди с отцовской стороны. Соответственно, язык различает их наименования, а кузены со стороны брата отца и сестры матери описываются теми же словами, что и родные братья и сестры.

Изучая терминологию родства с лингвистической точки зрения, мы можем изучать не только формы выражения и семантику терминов, но и полисемию, а также вторичные значения терминов родства. В результате такого исследования будет получена важная типологическая информация о семантических связях значений этой группы, которая может быть использована в дальнейших лексико-семантических работах, в частности, в «Каталоге семантических переходов» *Dat-SemShift*.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В НУКЛЕАРНОЙ СЕМЬЕ

Рассмотрим отдельно каждое значение, начиная с терминов родства нуклеарной семьи, которая обычно «состоит из находящихся в брачных отношениях мужчины и женщины, а также их детей» (по [6. С. 18]).

Значение **mother** выражается в тамильском языке с помощью двух основных корней — *amma* и *taṅ*, из которых референтным является корень *taṅ*, а апеллятивным — *amma*.

Согласно данным DatSemShift, в языках мира зафиксировано по крайней мере четыре семантических перехода, в которых участвует это значение. Из них в тамильском языке подтверждается семантический переход (А.) **mother** → **main** (ID 298)¹, он проявляет себя в семантических дериватах *tāykkirātam* ‘главная, центральная деревня’ (от *kirātam* ‘деревня’), *tāykkalam* ‘космический корабль-носитель’, ‘mother ship’ и полисемии лексемы *tāy* ‘что-л. главное, основное, основополагающее’ и ‘головная организация’. В имеющемся материале мы не нашли реализаций семантических переходов (Б.) **mother** → **womb** (ID 443) и (В.) **mother** → **continent** (ID 2987). Семантический переход (Г.) **mother** → **queen (bee)** подтверждается полисемией (значение *зоол.* ‘матка, самка’) и деривацией *tāykkaraiyāṅ* *зоол.* ‘матка термитов’. Можно, вероятно, также выдвинуть на основании тамильского материала предположение о семантическом переходе **mother** → **native** («связанный с родом и местом рождения»): *tāyakam*, *tāynaṭu* ‘родная страна’, *tāyuzi* ‘родной язык’, в противоположность русскому ‘отечество’. Еще один возможный семантический переход для данного значения: **mother** — **original**. Реализацией его являются дериваты *tāyucciṭu* ‘оригинал документа’; *tāypporuḷka!* *мн.* ‘сырье’, а также синхронная полисемия *tāy* ‘мать’, ‘источник’.

Что касается лексемы *amma*, ее значение, по-видимому, сдвигается в область грамматической семантики, порождая значение «суффикс, обозначающий профессионала женского пола»: *ṭaktaramma* ‘докторша’. Аппелятив *amma* используется в качестве уважительного обращения к женщине, ср. *рус. госпожа, хозяйка, сударыня*, а так же как обращение «к младшей женщине со стороны старшего по возрасту или социальному положению». Использование этого аппелятива, как и вообще терминов родства при обращении как к знакомым, так и к незнакомым собеседникам, очень характерно для индийского общества, как пишут Т. Ларина и Н. Сурьянараян в своей работе [15]. Также мы наблюдаем для данной лексемы переход в «междометие, выражающее удивление, радость, сожаление или боль» (ср. русское «Ой, матушки!»).

Помимо двух основных лексем для выражения значения **mother** используются лексемы *māyā* ‘мать’; *amma!* ‘мать’, ‘госпожа, хозяйка’; *ammai* ‘мать’, ‘госпожа, сударыня’; *ammaṅai* ‘мать’ и *tāitiri* ‘земля’, ‘мать’. Последняя лексема с ее полисемией, вероятно, может служить основанием выдвинуть предположение о семантическом переходе **earth** — **mother** (ср. *рус.* выражения ‘земля-матушка’, ‘мать сыра земля’).

Значение **father** выражается в тамильском языке с помощью корней *takapraṅ(ar)* и *tantai*, которые имеют референтное употребление, и аппелятива *appa*. В языках мира в настоящее время, согласно данным DatSemShift, описано два семантических перехода для этого значения: **father** — **parents** (ID 2357) и **father** — **chief** (ID 3590). Реализацией перехода **father** — **parents** можно было бы считать пару значений *tantai* — *tāyantaiyar*, однако *tāyantaiyar* является сложным словом, объединяющим значения *tāy* ‘мать’ и *tantai* ‘отец’, и это не семантический переход.

¹ Здесь и далее в скобках, если имеется, указан идентификатор семантического перехода в каталоге DatSemShift.

Второй семантический переход также не подтвердился в нашем материале. Помимо двух основных лексем, данное значение выражают лексемы *attan* ‘отец’, ‘лицо, старшее по возрасту или положению’, ‘Бог’; *aṇṇā* ‘отец’ (также используется как обращение), ‘старший брат’; *tantavan* ‘отец’.

Здесь следует заметить, следуя за Г.С. Старостиным, что в тамильской системе родства встречаются лексемы, которые, возможно, находятся под влиянием индо-арийских языков. Возможно, к такому случаю стоит отнести и лексему *attan* ‘отец’. Г.С. Старостин пишет: «там. *attan* ‘отец’, *attai* ‘сестра отца’, каннада *atte*, *atti* ‘свекровь’, тулу *attē* ‘тетя, свекровь’, куи *ata* ‘бабушка и др.’, куви *atta* ‘тетя’, etc. Этот корень, конечно, следует сравнить с ПИЕ **at(t)a* ‘отец’ и ПА **ēt* ‘старший родственник’, и благодаря этому мы должны, вероятно, скорее ожидать прадравидийское **at(t)-*, а не **at(t)*. Но поскольку корень экспрессивный, нерегулярное сохранение дентального в интервокальной позиции может постулироваться как валидная гипотеза» [10. С. 255]. Однако в настоящем исследовании специально проблема заимствований не рассматривается.

Значение **son** в тамильском языке выражают лексемы *makan*, *maintan*, *putalvan*, а также *kumāran*, *mūttappiḷḷai*, *cakoḷan*, *puttiran*, *kolli*, *māntan*. В базе данных DatSemShift описан один семантический переход со значением **son**: **boy** — **son** (ID 574). Для тамильского языка такой переход нехарактерен, он не был обнаружен как со стороны значения *son*, так и со стороны значения *boy*, которое в тамильском языке представляет лексема *paiyan*. Вероятно, можно было бы выдвинуть предположение о семантическом переходе **son** — **courage**. В тамильском языке реализацией такого перехода является пара: *makan* ‘сын’ и семантический дериват *makanmai* ‘сыновнее чувство’, ‘мужество’. Можно также выдвинуть предположения о семантическом переходе **new** — **son**: *putal* ‘новый’ — *putalvan* ‘сын’; о семантическом переходе **unripe** — **son**: полисемия *māntan* ‘сын’, ‘недозрелый’ (значение ‘недозрелый банан’); семантическом переходе **son** — **groom** на основании полисемии лексемы *mūttappiḷḷai*.

Для выражения значения **daughter** в тамильском языке есть следующие лексемы: *makaḷ*, *putalvi*, *kumāri*, *kumāratti*, *puttiri*, *puttirikai*. Согласно базе данных DatSemShift, для значения с английским ярлыком *girl* описан только семантический переход **girl** — **daughter** (ID 575). Подтверждающей этот переход реализацией можно, вероятно, считать полисемию *penkuzantai* ‘дочь’, ‘девочка’. Другие выражения значения ‘девочка’ — *cirumi*, *penkuzantai*, *poṇṇu*. Данных для предположений о других возможных семантических переходах для значения *daughter* не было обнаружено.

Согласно базе данных DatSemShift в языках мира зафиксировано по крайней мере три семантических перехода, в которых участвует значение **parents**: (А.) **father** — **parents** (ID 2357); (Б.) **old (vs young)** — **parents** (ID 2358); и (В.) **to deliver (a child)** — **parents** (ID 2359). В тамильском языке значение **parents** выражают лексемы *perṟorkaḷ*, *tāyantaiyar*. Реализацией перехода А. можно было бы считать пару значений *tantai* — *tāyantaiyar*, однако *tāyantaiyar* является сложным словом, объединяющим значения *tāy* ‘мать’ и *tantai* ‘отец’, и это не семантический переход. Семантический переход Б. в имеющемся тамильском материале не подтвер-

ждается. Реализаций семантического перехода В. является пара значений *peru* — *perroṭ(kal)*, где лексема *perroṭ* является морфологическим дериватом от *peru*. При этом спектр значений лексемы *peru* широк: ‘получать, добывать, доставать’; ‘рожать, рождать, порождать, носить (ребенка)’, ‘стоять’; ‘быть достаточным, законченным, завершенным’. Также эта лексема участвует в инфинитивных конструкциях в качестве вспомогательного глагола со страдательным значением.

Значение **child** в тамильском языке выражают лексемы *piḷḷai*, *kuzantai*, а также менее употребительные *puru*, *iḷampiḷḷai*, *mākkaḷ*, *māntar*, *māntan*. В настоящее время в каталоге DatSemShift собрано восемь типов семантических переходов для этого значения: (А.) **child** ↔ **sucker (botany)** (ID 2205); (Б.) **to result in** → **child** (ID 1814); (В.) **fruit** → **child** (ID 2072); (Г.) **urine** — **child** (ID 2577), (Д.) **fine, powder-like** → **child** (ID 2865); (Е.) **red** → **child** (ID 3259); (Ж.) **mouse** → **child** (ID 3295); (З.) <**young animal**> → **child** (ID 3494). В тамильском языке подтверждаются только семантические переходы (А.) и (З.): переходу (З.) соответствует грамматикализация лексемы *piḷḷai* в суффикс со значением «молодой детеныш животного или молодое растение»: *aṇiḷpiḷḷai* ‘детеныш белки’, *kiḷḷipiḷḷai* ‘детеныш попугая’, *teṇṇampiḷḷai* ‘молодой кокос’. К семантическому переходу (З.) примыкает семантический переход (А.). Вероятно, можно говорить о семантическом переходе **child** — **bridegroom**, основываясь на наличии дополнительного значения *piḷḷai* ‘жених’ и на морфологической производности: *piḷḷai* ‘ребенок’ — *māppiḷḷai* ‘жених’. Также можно выдвинуть предположение о семантическом переходе **child** — **people**, основываясь на полисемии лексемы *mākkaḷ* и о семантическом переходе **child** — **man**, выраженном полисемией лексемы *māntar*.

Семантическая зона «сиблинги» из группы терминов родства по-разному концептуализируется в языках мира. Такие свойства сиблинга, как пол, относительный возраст, отношение к говорящему («свой» или «чужой»), в одних языках учитываются, в других — нет. Как пишет Р. Koch, «разные языки выбирают разные уровни абстракции при организации концептуального материала в рамках данной таксономической иерархии» [14. С. 1145]. Так, например, малайский язык выбирает наиболее общий уровень абстракции, реализованный лексемой *saudara* («ребенок, рожденный от тех же родителей»), в отличие от японского, в котором получают выражение все противопоставления, описываемые П. Кохом: *ane* ‘своя старшая сестра’, *imōto* ‘чужая старшая сестра’, *onēsan* ‘своя младшая сестра’, *imōtosan* ‘чужая младшая сестра’, *ōtōto* ‘свой младший брат’, *ōtōtosan* ‘чужой младший брат’ и т.д.

В тамильском языке значение **brother** выражается лексемами *caḷōḷaran* (*caḷōḷarar*), *uṭṭanpirantavan* (*uṭṭanpirantaṅ*). Важной частью системы являются значения, явно выражающие относительный возраст внутри поколения. Такая лексика употребляется чаще, чем общее слово: *aṇṇan*, *mūttavan* — ‘старший брат’ и *tampi*, *iḷaval*, *iḷaiṅan*, *iḷaiyavan* — ‘младший брат’. В Каталоге семантических переходов DatSemShift семантические переходы с участием значения *brother* пока отсутствуют. Для тамильского языка такие семантические переходы также оказались не характерны. Следует, вероятно, говорить о расширении использования лексем с более

детализированной семантикой *aṇṇaṇ* ‘старший брат’ и *tampi* ‘младший брат’. Они используются, соответственно, как обращения к более старшему и более младшему молодому мужчине. Однако такое расширение функций не является семантическим переходом.

Значение **sister** выражают лексемы *cakoṭari*, *uṭanpirantavaḷ*; при выражении более точного относительного возраста употребляются лексемы *akkāḷ* ‘старшая сестра’ и *tanḱai* (*tanḱacci*) ‘младшая сестра’. Семантические переходы с участием значения *sister* в базе данных DatSemShift пока отсутствуют. На материале тамильского языка также не было выявлено таких семантических переходов.

Центральной для выражения значения **wife** в тамильском языке является лексема *manaivi*. Также используются менее употребительные лексемы *maṇai*, *manaiyaṭṭi*, *maṇaiyaḷ*, *maṇuṣi*, *maṇaikkizatti*, *mūṭṭaḷ*, *peṇcaṭi*, *kuṭumpini*, *ilaiyaḷ*, *ilaiyataṛam*, *ilaiyakuṭiyaḷ*, *ilaiyamaṇaivi*, *cakkaḷatti*. В Каталоге семантических переходов на настоящее время описаны следующие семантические переходы, в которых участвует это значение: (А.) **old woman** → **wife** (ID 872); (Б.) **woman** → **wife** (ID 966); (В.) **owner** → **wife** (ID 2989). Реализацией перехода (А.) в доступном нам материале является пара выражаемых совместно в одной лексеме значений: *mūṭṭaḷ* ‘старуха’, ‘первая жена’ (от корня *mūṭu* ‘старость’, ‘древность’, ‘зрелость’). Семантический переход (Б.) подтверждается наличием семантического деривата *peṇcaṭi* ‘жена’ от *peṇ* ‘женщина’. Реализацией семантического перехода (В.) является полисемия лексемы *manaivi* ‘жена’, ‘владелица дома’. Следует выдвинуть предположение о семантическом переходе **home** — **wife**; его иллюстрирует морфологически родственная для *maṇaivi* лексема *maṇai* ‘дом’, ‘место для дома’, а также наличие других дериватов от того же корня со значением ‘жена’ — *maṇaiyaṭṭi*, *maṇaiyaḷ*. Возможно, следует выдвинуть предположение о семантическом переходе **family** → **wife**, его иллюстрирует семантическая деривация *kuṭumpam* ‘семья’ — *kuṭumpini* ‘жена’. В повседневном общении также употребляются сочетания *kuṭumpa talaivar* со значением ‘муж как глава семьи’ и *kuṭumpa talaivi* со значением ‘жена как глава семьи’.

Для выражения значения **husband** используется лексема *kaṇavaṇ* и заимствованное из и.-е. языков *puruṣaṇ*, а также менее частотные, представляющие собой, скорее, перифрастические описания, *maṇaikkizavaṇ*, *maṇ*, *taṭṭaṇ* и *maṇavaḷaṇ*. В каталоге DatSemshift описаны следующие переходы для значения *husband*: (А.) **young** → **husband** (ID 159); (Б.) **old man** → **husband** (ID 860); (В.) **man** → **husband** (ID 933); (Г.) **owner** → **husband** (ID 2086); (Д.) **ruler** → **husband** (ID 2716). В тамильском материале не подтверждается семантический переход А. Подтверждением семантическому переходу (Б.) является семантическая деривация: *kizavaṇ* ‘старик’ → *maṇaikkizavaṇ* ‘муж’ (букв. «домашний старик»). В тамильском материале подтверждается семантический переход В, поскольку лексема *puruṣaṇ* также имеет дополнительное значение ‘мужчина’. Подтверждается также и семантический переход Г, давно известный по многочисленным примерам в и.-е. языках, таким как лат. *dominus* ‘хозяин дома, супруг’, др. исл. *bóndic* ‘хозяин дома’, ‘муж’; нем.

Hausherr букв. ‘муж, дома господин’ и другие примеры (см. выше [7]), его реализацией является упоминавшаяся выше лексема *maṇaikkizavan*. Семантический переход (Д.) в тамильском материале подтверждается наличием у лексемы *maṇ* дополнительных значений ‘царь’ и ‘глава’, а также полисемией лексемы *taṭṭaṇ* ‘глава’, ‘господин’. Также, по-видимому, можно высказать предположение о семантическом переходе **husband** → **courage**, подтверждаемом в тамильском языке, парой *puruṣaṇ* ‘муж’, ‘мужчина’ — *puruṣakāram* ‘мужество’, ‘усилия, старания, попытка’ и с другой стороны, в русском языке, семантической деривацией *мужество* от *муж* (хотя, возможно, оба эти примера реализуют переход **муж** → **мужество**, поскольку лексема *puruṣaṇ* имеет также это значение). Ср. также родственные лексемы *puruṣattanmai*, *puruṣattuvam* ‘мужественность’, ‘доблесть’. Также в материале наблюдалось некоторое сближение значений ‘муж’ и ‘жених’, реализованное полисемией лексемы *maṇavaḷaṇ* — ‘жених’, ‘муж’.

4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В РАСШИРЕННОЙ СЕМЬЕ

В тамильском языке существует несколько способов выражения значения **grandmother** — это лексемы *paṭṭi*, *ammāyi* (*ammāy*), *ammammā*, *appaṭṭi*, *appammā* и *mūṭāy*. При этом дифференцированно выражаются родственники с отцовской и материнской стороны: *ammāyi* (*ammāy*), *ammammā* ‘бабушка с материнской стороны’, *appaṭṭi*, *appammā* ‘бабушка с отцовской стороны’. Лексема *paṭṭi* ‘бабушка’ используется как обращение к старой женщине — так же, как и более редко употребляющаяся лексема *mūṭāy*. В DatSemShift не описаны семантические переходы, в которых участвует значение *grandmother*. Вероятно, следует говорить о семантическом переходе **old** → **grandmother**, учитывая факт расширенного использования лексемы *paṭṭi*, и использования ее как обращения к старой женщине; другой подтверждающей реализацией является лексема *mūṭāy* ‘бабка’, ‘старая женщина’ (от корня *mūṭi* ‘старость’, ‘древность’, ‘зрелость’). Также интересна достаточно регулярная, в том числе в индо-европейских языках, семантическая деривация **mother** → **grandmother**, которая однако, не является семантическим переходом: *ammā* → *ammammā*, *appammā*; *mother* → *grandmother*, *mère* → *grand-mère*. Возможно, для тамильского языка этот переход является новообразованием, и даже заимствованием из и.-е. языков, потому что реализующие его лексемы описаны только в современных словарях, таких как [Kriyavin 2008]. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем также в отношении лексем *ammappa* и *appappa*.

Значение **grandfather** в тамильском языке описывают лексемы *paṭṭaṇ*, *paṭṭaṇār*, *tāṭṭa*, *ammappa*, *appappa* и *mūṭātai*. Значение лексемы *tāṭṭa* ‘дед’ (*уважают.*), ‘старый человек’. Существуют отдельные наименования для родственников по материнской и отцовской линии: *ammappa* ‘дедушка с материнской стороны’, *appappa* ‘дедушка с отцовской стороны’. Последнее может также использоваться как междометие, обозначающее избыток чувств. По данным DatSemShift, данное значение участвует в семантическом переходе **grandfather** → **uncle** (ID 3652). В тамиль-

ском материале данный семантический переход отсутствует, так как он противоречит принципу построения дравидийской системы терминов родства. Возможно, следует выдвинуть предположение о переходе **old** → **grandfather**, реализацией которого является пара совместно выражаемых значений лексемы *taṭṭa* ‘дед’, ‘старый человек’, а также семантическая деривация *mūṭai* ‘дед’ от корня *mū* ‘старость, древность’.

В отличие от более известных европейцу линейных систем, в которых в одной лексеме объединяются значения ‘брат отца’ и ‘брат матери’ (рус. дядя, англ. *uncle*), тамильская система для каждого из этих лиц использует отдельный термин, отдельное значение. А так как тамильская система учитывает относительный возраст внутри поколения, т.е. различает старшего брата отца и старшего брата матери, младшего брата отца и младшего брата матери, получаем замечательное разнообразие терминов, денотатом которых является лицо, находящееся к говорящему в отношении ‘дядя’. Таким образом, значение **uncle** в тамильском языке нельзя описать каким-то одним словом. Со стороны отца это значение выражается, соответственно, лексемами: *periya takappaṇ*, *periyappaṇ*, *periyappa* ‘старший брат отца’ и *ciriya takappaṇ*, *cinnappa* ‘младший брат отца’.

Но при этом «материнская» и «отцовская» ветви системы родства частично накладываются друг на друга, что иллюстрирует дополнительное значение лексемы *periyappaṇ* ‘муж старшей сестры матери’. Такое же «наложение» происходит в значении лексемы *ammaṇ* ‘брат матери’ и ‘муж сестры отца’, а также *periyammaṇ* ‘старший из братьев матери’; ‘муж старшей сестры отца’.

Значение ‘дядя со стороны матери’ выражается с помощью лексем *māṭaṇ*/*māṭaṇ*/*māṭa* (почтит. вариант *māṭanaṅ*), *ammaṇ*, *ammaṅci*, *periyammaṇ*, *taṭṭamaṇ*. Согласно имеющимся лексикографическим источникам, лексема *māṭaṇ*(*ar*) также имеет значения ‘отец жены’; ‘отец мужа’. Лексема *māṭa* ‘брат матери’, ‘муж сестры отца’ также используется как обращение к любому знакомому мужчине, если он старше по возрасту. В некоторых лексикографических источниках указывается также *periyammaṇ* как ‘старший из братьев матери’; ‘муж старшей сестры отца’. Недифференцированное по возрасту значение ‘дядя со стороны матери’ выражают лексемы *taṭṭamaṇ* ‘брат матери’ и *ammaṅci* ‘дядя со стороны матери’, ‘сын одного из дядьев со стороны матери’.

Без всякого сомнения, близость значений **father** и **uncle** связана с древними родовыми отношениями, в которых братья матери и отца играли в семье важнейшую роль. Так, по описанию антрополога Л.В. Шапошниковой, сделанном ею во время полевой работы в дравидийском пастушеском племени тогда, в то время насчитывавшем 840 человек, «многие тогда считают, что брат матери для них важнее собственного отца» [13]. В языке тогда наблюдается несимметрия системы, сходная с тамильской: «брат матери и отец матери, принадлежащие к одному и тому же роду, называются одним и тем же словом *mun*» [Там же]. Такая ситуация, как известно, характерна для архаических обществ.

По данным DatSemShift, значение **uncle** участвует в семантическом переходе **grandfather** → **uncle** (ID 3652). Этот семантический переход известен давно, о его

присутствии в славянских языках писал еще О.Н. Трубачев в 1959 г. (см. [12]). Однако, как указывалось выше, он не получает подтверждения в исследуемом материале.

Тамильский язык для выражения значения **aunt** использует лексемы *māmi*, *attai*, *periyattai*, *periyammā*, *cinṇammā*, *citti*. Как и предыдущее, это значение в тамильской системе родства имеет свои особенности и несводимо к *aunt* из английской или *тетя* из русской линейной системы. В тамильском языке различаются ‘тетя со стороны отца’ и ‘тетя со стороны матери’, также выражается относительный возраст внутри поколения: *attai* ‘тетя (сестра отца)’, ‘жена брата матери’, ‘свекровь, теща’; *periyattai* ‘старшая сестра отца’, ‘тетя отца или матери’.

Как обращение к знакомой замужней женщине, старшей по возрасту, используется лексема *māmi* ‘сестра отца’; ‘мать мужа или жены’, ‘жена брата матери’. Для уважительного обращения к хозяйке дома используется лексема *periyammā(l)* ‘старшая сестра матери’ и ‘жена старшего брата отца’. Для уважительного обращения, которое используют не члены семьи по отношению к любой женщине в семье, кроме хозяйки дома, выбирается лексема *cinṇammā (citti)* ‘младшая сестра матери’; ‘жена младшего брата отца’. Для значения **aunt** в DatSemShift не описано семантических переходов. Однако, вероятно, можно предположить наличие семантического перехода **aunt** → **mother-in-law**, реализуемого парой значений ‘тетя’ и ‘свекровь’ лексем *attai* и *māmi*.

При употреблении лексемы **cousin**, в зависимости от пола человека, может подразумеваться ‘двоюродный брат’ или ‘двоюродная сестра’. При необходимости выразить собирательное значение ‘братья и сестры’ может быть использовано множественное число лексемы *caḷōṭarankaḷ*, для выражения ‘двоюродные братья и сестры’ — *onṛuviṭṭa caḷōṭarankaḷ*. Значение ‘двоюродная сестра’ может быть описано лексемами *onṛuviṭṭa* (букв. ‘удаленная’) *caḷōṭari*. Лексема *onṛuviṭṭa*, в общем случае, используется для описания удаленных родственных связей, без различения степени удаленности.

Значение ‘двоюродный брат’ может быть выражено лексемами *ammañci* ‘дядя со стороны матери’, ‘сын дяди со стороны матери’. Также данное значение выражают лексемы *onṛuviṭṭa caḷōṭaran*, *attāñ*, *ammañcēy*. При этом одна и та же лексема нередко полисемична: *ammañci* ‘дядя со стороны матери’; ‘сын одного из дядьев со стороны матери’. Очень широкое значение имеет лексема *attāñ* ‘сын одного из братьев матери или сестры отца’; ‘муж старшей сестры’; ‘старший брат мужа’, ‘деверь’; ‘старший брат жены, шурин’; также используется как нежное обращение жены к мужу.

Семантических переходов со значением **cousin** в DatSemShift не описано. Можно говорить о семантических связях между наименованием сына (дочери) того или иного родственника с наименованием этого родственника, например, *ammā* ‘мать’ — *ammañci* ‘дядя со стороны матери’, ‘сын одного из братьев матери’. Но такая связь не является семантическим переходом.

Тамильский язык для выражения значения **nephew** использует либо лексему *marukaṅ (marumakan)* ‘племянник’, ‘зять’, либо сочетание *caḷōṭaraniṅ makaṅ* (букв.

‘сын брата’). Семантических переходов для этого значения в базе DatSemShift не описано. В исследуемом материале также не удалось найти подтверждения каким-либо семантическим переходам с этим значением.

Лексемы *maruki*, *marumaka!* ‘племянница’, ‘невестка’ выражают значение **niece**. Также это значение может быть выражено сочетанием *sakoṭaran̄iṅ maka!* (букв. ‘дочь брата’). Семантических переходов для значения *niece* в базе DatSemShift пока нет, на тамильском материале также не удастся выдвинуть предположения о таких семантических переходах.

Значение **grandson** в тамильском языке описывают лексемы *pēraṅ* ‘внук’ (как «тот, кто носит имя деда»), ‘дедушка’; *pēraṅpillai*, *pauttiraṅ* (‘сын сына’), *taukittiraṅ*. Различаются *pauttiraṅ* ‘внук’, ‘сын сына’ и *taukittiraṅ* ‘внук’, ‘сын дочери’. Семантических переходов для этого значения в базе DatSemShift не описано, новых на основании исследуемых данных не обнаружено.

Тамильский язык выражает значение **granddaughter** с помощью лексем *pēṭṭi* ‘внучка’; *taukittiri* ‘дочь дочери’; *pauttiri* ‘внучка, дочь сына’ (ср. *pautti* ‘смерть’). Семантических переходов для этого значения в базе DatSemShift не описано, новых на основании тамильских данных не обнаружено.

Для выражения значения **mother-in-law** в тамильском языке используются лексемы *māmi* (*māmiyār*), *attai*. При этом в языке объединяются в этом значении родственники со стороны отца и матери: *māmi* ‘сестра отца’; ‘мать мужа или жены’; *attai* ‘сестра отца’; ‘жена брата матери’; ‘свекровь, теща’. Семантических переходов для этого значения в базе DatSemShift не описано, новых на основании исследуемых данных не обнаружено.

Значение **father-in-law** в тамильском языке выражается лексемой *māmaṅ* (*māmaṅ*, почтит. *māmaṅāṅ*): ‘отец жены’; ‘отец мужа’; включает также значение ‘дядя (со стороны матери)’. На основании этой полисемии можно говорить если не о семантическом переходе, то о сближении значений **uncle** — **father-in-law**. В базе данных DatSemShift не описано семантических переходов для этого значения.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно заметить, термины родства, относящиеся к нелинейной бифуркативной тамильской системе, в некоторой своей части несравнимы с терминами линейных систем родства, таких как системы многих и.-е. языков. В то же время значения *mother* и *father*, *husband* и *wife* и некоторые другие значения из нуклеарной части семьи можно сравнивать со значениями линейных систем, и можно искать реализации семантических переходов. Сопоставление большинства значений, касающихся расширенной семьи (таких, как *uncle*, *aunt*, *cousin* и др.), вероятно, ограничено системами терминов родства того же бифуркативного типа. И таким образом, сведения о семантических переходах для этих значений могут быть получены только при сопоставлении с лексикой сообществ с соответствующей системой терминов родства.

Рассматривая тамильские реализации значений терминов родства, а также некоторые их английские и русские эквиваленты, были найдены подтверждения следующим семантическим переходам, внесенным в каталог DatSemShift: **father** → **parents**; **girl** → **daughter**; **to deliver (a child)** → **parents**; **child** ↔ **sucker (botany)**; **<young animal>** → **child**; **old woman** → **wife**; **woman** → **wife**; **owner** → **wife**; **old man** → **husband**; **man** → **husband**; **owner** → **husband**; **ruler** → **husband**.

Помимо этого, в работе были выдвинуты предположения о некоторых семантических переходах, как общих, так и специфических для тамильского языка. Это переходы: **mother** → **original**; **earth** → **mother**; **mother** → **native**; **son** → **courage**; **new** → **son**; **unripe** → **son**; **son** → **groom**; **child** → **daughter**; **child** → **bridegroom**; **child** → **people**; **child** → **man**; **home** → **wife**; **family** → **wife**; **husband** → **courage**; **муж** → **жених**; **old** → **grandmother**; **old** → **grandfather**; **aunt** → **mother-in-law**. Эти переходы, после дополнительного обсуждения, подлежат внесению в каталог базы данных семантических переходов в языках мира DatSemShift.

Изучение терминов родства является важной частью исследования тамильской семантики. Рассматривая реализации семантических переходов, мы вскрываем семантическую близость тех или иных значений в тамильском языке. Установленный семантический переход, подтвержденный данными Каталога семантических переходов, дает нам информацию о типологически значимой близости значений. В то же время предположение о семантическом переходе, подтверждаемое только данными тамильского языка, может дать информацию как о типологически значимом переходе, требующем проверки, так и о случае исключительной близости значений, специфической только для тамильского языка и культуры.

Система тамильских терминов родства с ее особенностями, такими как различие родственников со стороны отца и матери, возможностью кросскузенных браков, общими наименованиями некоторых родственников (например, 'дядя со стороны матери' и 'сын дяди со стороны матери') и др., формирует некоторое психологическое пространство, которое известный антрополог-тамилист М. Травик называла «архитектурой конфликтующих желаний». М. Травик считала, что эта архитектура составляет основу межличностных отношений в тамильском обществе [16].

Регулярность и когнитивная значимость выявляемых в Каталоге семантических переходов семантических соотношений обнаруживает себя в том, «что они независимо воспроизводятся для слов с тем же исходным значением в разных языках или в разных словах одного языка» [4]. Именно поэтому следующей задачей, продолжающей данную работу, можно считать сопоставление разных реализаций исходного значения терминов родства в тамильском и других дравидийских языках, а также в языках других групп.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] DatSemShift — M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Rousseau, A.A. Zalizniak. Database of semantic shifts in the languages of the world, DatSemshifts 2012—2013. URL: semshifts.iling-ran.ru.
- [2] Аллен Н.Дж. Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1995. Вып. 1.
- [3] Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. (Studia philologica).
- [4] Зализняк А.А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32—51.
- [5] Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): Автореферат дисс. М., 2011.
- [6] Мердок Дж.П. Социальная структура. Пер. с англ. А.В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003.
- [7] Михайлова Т.А. О логике семантической деривации в возникновении и эволюции терминов свойства: др. ирл. *aithech tige* vs. др. англ. *husband* // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2013. № 4. С. 126—137.
- [8] Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [9] Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Изд. 2, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2010.
- [10] Старостин Г.С., ред. Аспекты компаративистики. Вып. 4. М.: Изд-во РГГУ, 2009. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXVIII.)
- [11] Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе. М., 2009. (Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 7—22.)
- [12] Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: КомКнига, 2006.
- [13] Шапошникова Л.В. Элементы материнского рода в племенной организации, традициях и обычаях тода // Серия «Востоковедение». 1977. № 1.
- [14] Koch Peter. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view. In Martin Haspelmath; Ekkehard König; Wulf Oesterreicher & Wolfgang Raible, Language typology and language universals: An international handbook. Vol. 2. Berlin & New York: Walter de Gruyter, 2001. P. 1143—1175.
- [15] Larina T., Suryanarayan N. English and Hindi address forms in a bilingual context // Cognitive Psycholinguistics: Bilingualism, Cognition and Communication: 35-th International LAUD Symposium. LAUD Linguistic Agency, University of Duisburg — Essen, Germany, 2012. P. 199—220.
- [16] Trawick M. Notes on Love in a Tamil Family. University of California Press, Berkeley, 1992.
- [17] Vanhove M. (ed.) From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

Словари

- [1] Русско-тамильский словарь. Сост. М.С. Андронов, А.Ш. Ибрагимов, Н.Н. Юганова, Е.И. Коновалов. М., 1989.
- [2] Тамильско-русский словарь. Сост. А.М. Пятигорский, С.Г. Рудин. М., 1960.
- [3] Cre-A: Online Tamil Language Repository: <http://www.crea.in/index.php?wrdopt=corpus&startwort=%E0%AE%B5%E0%AE%A3%E0%AE%95%E0%AF%8D%E0%AE%95%E0%AE%AF%8D&ispost=0>.
- [4] Kriyavin tarkalat tamiz akarati. tamiz-tamiz-ankilam. Chennai, 2008.
- [5] Tamil lexicon. Madras: University of Madras, 1924—1936.

SEMANTICS OF KINSHIP TERMS IN TAMIL FROM THE SEMANTIC TYPOLOGY POINT OF VIEW

A.A. Smirnitskaya

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka str., 12/1, Moscow, Russia, 107031

In this article the author examines the lexical-semantic group “kinship terms” in Tamil, applying the attainments of modern semantic typology and the theory of semantic derivation. The kinship terms describing nuclear and extended family are explored. The “semantic shift” relation between two different meanings is established if such relation is realized by synchronous polysemy in one lexeme, semantic derivation, diachronic semantic change, cognates or some other means. The starting point of the study is the typological data from the DatSemShift catalogue of semantic shifts in languages of the world developed by a group of researchers under the guidance of Anna A. Zalizniak in the Institute of Linguistics, RAS. We verify the presence of semantic shifts described in the Database in Tamil. Also, we propose new semantic shifts specific only for this language. We confirm the presence of semantic relation of the studied type among the meanings with English “labels”: father — parents, girl — daughter, to deliver (a child) — parents, <young animal> — child, old woman — wife, owner — wife and others. The data also allows the assumption that the same relation exists between the meanings: old — grandfather, earth — mother, son — courage, unripe — son and others. The meanings of this field are the sources of semantic movements to abstract notions, lexicon of possession, forms of address and others; in addition many inner semantic relations inside this field are revealed. The meanings covering the nuclear part of the kinship system participate in universal semantic shifts described in the DatSemShift catalogue, while the meanings from collateral branches of this bifurcative kinship system (uncle, aunt) turn out to be incomparable with kinship terms from indo-european lineal systems. Their meanings can be included in the DatSemShift catalogue only with an indication of system specifics. The information about semantic shifts can be useful for explanatory and translation dictionaries, for anthropological research and for reconstruction of meaning in historical linguistics. Systematic understanding of the semantic connections in the kinship terms allows a different vision of their place in the conceptual space of the Tamil culture.

Key words: polysemy, semantic shift, Tamil, kinship terms, semantic typology.

REFERENCES

- [1] DatSemShift — M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Rousseau, A.A. Zalizniak. Database of semantic shifts in the languages of the world, DatSemshifts 2012—2013. URL: semshifts.iling-ran.ru.
- [2] Allen Nicholas J. Nachal'nyj ehtap ehvolyucii terminologii rodstva dravidijskogo tipa. *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva*. Vyp. 1. SPb., 1995.
- [3] Zalizniak A.A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2006. (Studia philologica).
- [4] Zalizniak A.A. Semanticheskij perekhod kak ob»ekt tipologii. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013. № 2. S. 32—51.
- [5] Kachinskaya I.B. Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira (po materialam arhangel'skih govorov). Avtoreferat diss. M., 2011.
- [6] Merdok Dzh.P. Social'naya struktura. Per. s angl. A.V. Korotaeva. M.: OGI, 2003.
- [7] Mihajlova T.A. O logike semanticheskoy derivacii v vozniknovenii i ehvolyucii terminov svojstva: dr. irl. *aithech tige* vs. dr. angl. *husband*. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*. 2013. № 4. P. 126—137.
- [8] Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004.
- [9] Rahilina E.V. Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetaemost'. Izd. 2, ispr. i dop. M.: Azbukovnik, 2010.

- [10] Starostin G.S., red. *Aspekty komparativistiki. Vypusk 4.* M.: Izd-vo RGGU, 2009. (Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti. Vypusk XXVIII.)
- [11] Tolstaya S.M. *Kategoriya rodstva v ehtnolingvisticheskoj perspektive* M., 2009. (*Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture.* M., 2009. S. 7—22.)
- [12] Trubachev O.N. *Istoriya slavyanskih terminov rodstva i nekotoryh drevnejshih terminov obshchestvennogo stroya.* Moskva: KomKniga, 2006.
- [13] Shaposhnikova L.V. *Elementy materinskogo roda v plemennoj organizacii, tradiciyah i obyčajah toda.* *Seriya Vostokovedenie.* 1977. № 1.
- [14] Koch Peter. *Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view.* In Martin Haspelmath; Ekkehard König; Wulf Oesterreicher & Wolfgang Raible, *Language typology and language universals: An international handbook.* Vol. 2. Berlin & New York: Walter de Gruyter. 2001. P. 1143—1175.
- [15] Larina T., Suryanarayan N. *English and Hindi address forms in a bilingual context.* *Cognitive Psycholinguistics: Bilingualism, Cognition and Communication: 35-th International LAUD Symposium.* LAUD Linguistic Agency, University of Duisburg — Essen, Germany, 2012. P. 199—220.
- [16] Trawick M. *Notes on Love in a Tamil Family.* University of California Press, Berkeley, 1992.
- [17] Vanhove M. (ed.) *From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations.* (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

Dictionaries

- [1] *Russko-tamil'skij slovar'.* Sost. M.S. Andronov, A.Sh. Ibragimov, N.N. Yuganova, E.I. Konovalov. M., 1989.
- [2] *Tamil'sko-russkij slovar'.* Sost. A.M. Pyatigorskij, S.G. Rudin. M., 1960.
- [3] Cre-A: Online Tamil Language Repository: <http://www.crea.in/index.php?wrdopt=corpus&startwort=%E0%AE%B5%E0%AE%A3%E0%AE%95%E0%AF%8D%E0%AE%95%E0%AE%AE%E0%AF%8D&ispost=0>.
- [4] *Kriyavin tarkalat tamiz akarati. Tamiz-tamiz-ankilam.* Chennai, 2008.
- [5] *Tamil lexicon.* Madras: University of Madras, 1924—1936.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (на примере перевода на русский язык романов «Дама с камелиями» и «Грозовой перевал»)

П.С. Тасенко¹, Н.Ю. Нелюбова¹, В.И. Ершов²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

²Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В данной статье рассматриваются особенности перевода на русский язык текстов французской и английской художественной литературы на примере романов А. Дюма «Дама с камелиями» и Э. Бронте «Грозовой перевал». В частности, подвергается анализу использование приема адаптации в переводе с целью подтверждения гипотезы о связи данной лексической трансформации с сохранением стиля текста оригинала. Данный вид трансформации применяется при переводе отдельных труднопереводимых фраз и явлений в тексте оригинала ввиду их национальной специфичности, временной удаленности либо непривычности для носителей иной культуры. Теоретической базой проведенного исследования послужили труды в области изучения стиля художественной литературы и проблемы передачи стиля подлинника [Бархударов, 1975; Комиссаров, 1990; Чайковский, 1997; Чуковский, 2014; Baker, 2011], а также работы, посвященные проблеме адаптации отдельных явлений текста оригинала [Алексеева, 2004; Влахов, Флорин, 1980; Щетинкин, 1987; Clifford, Landers, 2001; Newmark, 1988]. В данном исследовании были использованы следующие методы: анализ научной литературы по данному вопросу, статистический метод, а также сравнительный анализ текстов литературно-художественных переводов с текстами оригиналов. В результате тщательного анализа изучаемого приема нами был выделен ряд переводческих трансформаций, с помощью которых осуществляется применение адаптации при переводе текстов художественной литературы. Проведенный анализ подтвердил, что главной задачей в переводе оригинального художественного произведения является передача не только информативной, но и эстетической функции художественного стиля.

Ключевые слова: художественный перевод, французская и английская художественная литература, переводческие трансформации, прием адаптации, стилистические черты оригинала, эстетическая функция художественного стиля.

1. ВВЕДЕНИЕ

Перевод текстов художественной литературы — совершенно особый вид перевода, отличающийся от других (специального, нехудожественного перевода) своим творческим характером. Для осуществления перевода художественных про-

изведений необходимо привлекать экстралингвистические знания, чтобы уметь выявить в тексте и адекватно передать разнообразные реалии, аллюзии, отсылки текста оригинала [19. С. 13].

Автор художественного произведения всегда стремится показать, подчеркнуть свою индивидуальность, иногда используя с данной целью самые неординарные языковые средства, активно «играя словами», не подчиняясь правилам и законам, которые, как правило, соблюдаются авторами научной литературы (строгость в передаче терминологии и стиля, присущая данному жанру). В такой неограниченности, нестандартности формы и, соответственно, содержания произведений художественной литературы заключается трудность перевода — для перевода текста оригинала необходимо подбирать такие языковые средства, чтобы как можно полнее, точнее выразить единство содержания и формы исходного текста.

Цель перевода — преобразование текста подлинника в эквивалентный ему текст на другом языке. Об эквивалентности перевода можно судить по степени сохранения в тексте перевода *инварианта*, чем выше эта степень, тем более эквивалентен перевод. В данном случае понятие инвариантности тесно связано с экстралингвистическим субстратом [2. С. 58].

Итак, каждое художественное произведение характеризуется особой системой языковых средств, которые автор отбирает и организовывает в тексте в соответствии со своим чувством языка, преследуя определенные эстетические, дидактические цели. При переводе данного вида текстов необходимо как можно точнее относительно исходного языка (ИЯ) отобрать и организовать выразительные средства в языке перевода (ПЯ), учитывая специфику средств выражения по отношению к передаваемому содержанию.

При переводе текстов художественной литературы часто возникает проблема интерпретации явлений и понятий, несвойственных культуре ПЯ, но привычных для культуры стран ИЯ. Характер того или иного явления либо понятия определяет выбор наиболее подходящей стратегии перевода. В данном случае существуют следующие возможности: перевести явление буквально без дальнейших пояснений, дать сноску к буквальному переводу или использовать прием адаптации.

Прием адаптации труднопереводимых явлений тесно связан с понятием передачи стилистической окраски текстов художественной литературы. Данный прием применяется при переводе отдельных труднопереводимых фраз и явлений в тексте оригинала ввиду их национальной специфичности, временной удаленности либо непривычности для носителей иной культуры [21. С. 91]. Таким образом, при переводе возникает необходимость заменять неизвестное известным, непривычное — привычным [15. С. 38—57].

В статье исследуется проблема перевода французских и английских художественных произведений на русский язык, в частности, передачи авторского стиля при интерпретации исходного текста, а также предлагаются пути наиболее точного и адекватного отражения в переводе стиля автора произведения. Цель статьи — проанализировать использование приема адаптации в переводе для под-

тверждения гипотезы о связи данной лексической трансформации с сохранением стиля текста оригинала.

Нами был проведен анализ двух произведений: «Дама с камелиями» А. Дюма-сына (французский язык, 295 с.) [20] и «Грозовой перевал» Эмили Бронте (английский язык, 357 с.) [18], который заключался в сравнении текстов оригинала с текстами перевода и их исследовании с целью изучения использования приема адаптации в переводах С. Антик (240 с.) [6] и Н. Вольпин (384 с.) [4] на русский язык. Проанализированные произведения были выбраны ввиду их отнесенности к одному и тому же литературному жанру (роман) и практически одной даты публикации (1848 и 1847 г. соответственно).

Актуальность выбранной темы определяется необходимостью более полного выявления и всестороннего изучения проблемы адекватной передачи стиля текстов французской и английской художественной литературы на русский язык, а также процесса использования приема адаптации при интерпретации труднопереводимых явлений текста оригинала и сохранения при этом стилистических черт подлинника.

Теоретической базой проведенного исследования в области изучения стиля художественной литературы и проблемы передачи стиля подлинника послужили труды Л.С. Бархударова, М. Бейкера, В.Н. Комиссарова, Р.Р. Чайковского, К. Чуковского, а также работы И.С. Алексеевой, С. Влахова, С. Флорина, К.Е. Лендерса, П. Ньюмарка, В.Е. Щетинкина, посвященные проблеме адаптации отдельных явлений текста оригинала.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в нем изучается не только проблема адекватной интерпретации смысла, содержания переводимого произведения художественной литературы, но и наиболее точной передачи индивидуального стиля писателя и эстетического воздействия, которое было задумано автором произведения, а также проблема непосредственной связи применения приема адаптации в текстах художественной литературы с сохранением стилистических черт оригинала.

2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Понятия «адаптация определенных явлений текста оригинала (или лингвоэтническая адаптация)» и «адаптация текста» при своей видимой общности абсолютно различны [1. С. 22]. Первое понятие подразумевает прием, с помощью которого в переводном тексте (ПТ) создаются соответствия путем изменения описываемой ситуации с целью достижения *одинакового воздействия* на читателя [9. С. 22]. Понятие «адаптация текста» или «адаптивное транскодирование» подразумевает пересказ, переложение текста, упрощение его лексического и грамматического состава. В данном случае возможно отступить от текста оригинала настолько, насколько переводчику покажется необходимым, следовательно, чем больше исходная форма текста и непосредственно зависящее от него содержание будут изменены, тем более ложным будет представление, полученное

читателем об оригинале. Такая интерпретация передает только основную сюжетную линию оригинального произведения, и в этом случае переводчику лишь в незначительной степени удастся воссоздать своеобразие стиля исходного текста (ИТ) [16. С. 41]. Данный перевод не является полноценным по отношению к тексту оригинала. Такой специфический тип передачи произведения не может называться эквивалентным подлиннику, и такой перевод нельзя назвать адекватным [13. С. 55].

Специфика перевода с позиций аналитико-синтетического процесса заключается в том числе в особом соотношении предмета анализа и предмета синтеза. Основными характеристиками этого соотношения являются эквивалентность и адекватность. И по форме, и по содержанию перевод (вторичная информация) призван адекватно замещать оригинал (первичную информацию) [7. С. 131].

Иногда в процессе перевода понятия «адаптация определенных явлений текста оригинала» и «адаптация текста» могут быть перепутаны. К труднопереводимым явлениям могут быть подобраны как можно более нейтральные эквиваленты, таким образом происходит адаптация всего текста в целом. Таким образом, текст оригинала обезличивается, становится бесцветным, лишенным своего исходного колорита, аутентичности. Нельзя обесцвечивать художественный текст, но в то же время ни к чему принимать противоположную крайность и раздвигать заданные автором стилистические и жанровые границы, переходя в гротеск или фельетонный стиль [8. С. 227].

В данном случае не выполняется главная задача перевода — не только передать содержание текста, но и уловить посыл автора произведения, понять, что он хотел сказать тем или иным фрагментом текста, чтобы добиться *именно того эффекта*, который хотел произвести писатель на читателя, оказать на него именно то *эстетическое воздействие*, которое было задумано автором. Очевидно, что «чрезмерная адаптация» не может считаться адекватным переводом, ведь в таком случае не все идеи писателей могут быть переданы и стиль текста подлинника может не сохраниться.

Таким образом, важно учитывать, что прием адаптации обладает не только положительным свойством облегчить читателям текста перевода понимание оригинала, но и отрицательным — это нарушение процесса межкультурной коммуникации, произвольное «обеднение» культуры языка подлинника, «сглаживание» различий между культурами, в результате чего у рецептора может возникнуть неправильное представление о том, что «везде все одинаково» [3. С. 84].

Понятие адаптации явлений текста непосредственно связано с прагматическим аспектом значения слова, которое, в свою очередь, часто бывает культурологически маркированным [10. С. 156]. (Мы убрали промежуточный заголовок, относящийся к прагматическому значению, чтобы не акцентировать на этом внимание, но в приведенной выше цитате заменить «слово» на «высказывание» мы не можем, так как это цитата из Вестника РУДН, как мы поняли, такое цитирование желательно).

Так, необходимость в применении приема адаптации определенных явлений текста часто возникает ввиду возможных прагматических несоответствий в различных культурах.

Прагматическая адаптация явлений текста может иметь различные цели [11].

1. Обеспечение адекватного понимания оригинала читателем ввиду отсутствия у него достаточных фоновых знаний. В этом случае необходимо делать дополнения, в частности, при переводе географических реалий, названий печатных изданий, учреждений, бытовых реалий.

2. Достижение необходимого эмоционального воздействия и адекватного восприятия текста на эмоциональном уровне.

Причиной необходимости адаптации могут служить различные ассоциации в разных культурах относительно одного и того же явления.

Например, в предложении «*J'étais mince comme une anguille, j'aurais pu passer comme elle à travers une touffe de joncs...*» (Pesquidoux, «Le livre de raison») рассказчик сравнивает себя с угрем, говоря о своей стройности или даже худобе. В русском переводе предпочтительно прибегнуть к приему адаптации и сравнить девушку не с угрем, как в тексте оригинала, что вызвало бы странные ассоциации у читателя, а с тростинкой или жердочкой, что более привычно для русской культуры.

3. Ориентация не на среднестатистического, а на конкретного читателя, а также на конкретную ситуацию общения. Для этой цели в ПТ вносятся изменения, необходимые для решения тех задач, которые поставил автор текста оригинала. Часто данный вид адаптации используется для перевода названий художественных произведений или фильмов для того, чтобы они звучали более естественно, привычно для рецептора. Например, в названии французского фильма «*Il était une fois un flic*» («Жил-был полицейский») используется разговорное слово «*flic*». Переводчик заменил это слово нейтральным «полицейский», чтобы адаптировать его для российской аудитории [5. С. 47—79].

Цель прагматического перевода состоит в том, чтобы как можно точнее передать сообщение [12. С. 75]. Однако при переводе художественных произведений и применении приема адаптации большую роль играет не столько передача содержания, сколько формирование правильного представления у читателя о ситуации в целом [17. С. 230].

Правильное применение приема адаптации при переводе определенных явлений ИТ позволяет не только передать суть повествования, но и сохранить стиль подлинника. Итак, как уже было отмечено выше, при переводе часто возникает необходимость адаптировать явления, выражения, которые могут быть непонятны читателю в силу своей национальной специфики [14. С. 134]. Прием адаптации широко используется, в частности, при переводе пословиц, поговорок, фразеологизмов. Однако в любом случае необходимо сохранять стиль всего произведения.

Таким образом, понятие адаптации непосредственно связано со стилем. Важно не просто адаптировать текст в целом и отдельные труднопереводимые его элементы так, чтобы было сохранено содержание, но передать и стилистические

черты, присущие произведению, сохранить образность повествования, чтобы связь между писателем и читателем не была разрушена волей переводчика или недостаточной его компетенцией.

3. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В РАМКАХ ПРИЕМА АДАПТАЦИИ

Проведенный анализ подтверждает предположение, выдвинутое нами выше, о связи использования приема адаптации с передачей стилистических черт произведения. В результате тщательного анализа изучаемого приема нами был выделен ряд переводческих трансформаций, с помощью которых реализуется прием адаптации при переводе текстов художественной литературы. Следует уточнить, что приемы, включенные в этот список, по своей сути являются самостоятельными способами перевода, но, применительно к адаптации, выполняют особые функции, описанные ниже. Кроме того, данные приемы в рамках адаптации схожи между собой, так как в этом случае имеют в своей основе *замену*, однако отличаются некоторыми характерными особенностями, которые описаны ниже.

Согласно результатам нашего исследования адаптация незнакомых или непривычных явлений и понятий достигается в переводе с помощью следующих переводческих приемов.

1. **Замена образа** — слово, обозначающее незнакомое или непривычное явление, заменяется на слово, обозначающее явление, знакомое носителям языка перевода. Проведенный анализ показал, что данный прием — самый распространенный в переводе, однако с точки зрения сохранения аутентичности текста и его стилистических черт замена образа иногда является довольно «грубым» способом перевода, порой искажающим уникальность художественного произведения. Данный прием часто используется при переводе фразеологизмов, когда в ПЯ отсутствует эквивалентная ФЕ с тем же образом.

Приведем ниже примеры из исследуемых романов и их анализ.

«Дама с камелиями»

Оригинал	Перевод
«<...>Essayons de réjouir le ciel. Il peut nous le rendre avec usure.» (p. 40).	«<...>Постараемся же порадовать небо. Оно воздаст нам сторицей» (с. 42).

В данном примере используется адаптация фразеологизма, основанная на приеме замены. Французское устойчивое словосочетание «*rendre avec usure*», которое переводится как «*отплатить с лихвой*», «*отдать сполна*», переводчик передал русским устойчивым выражением «*воздать сторицей*», которое в данной ситуации является смысловым эквивалентом. Переводчик не случайно использовал данный устаревший книжный фразеологизм — речь идет о небе, о Боге, и это выражение как раз подходит по контексту, отражая суть высказывания. Даже несмотря на то, что данный старославянизм отличается довольно яркой национальной спецификой, здесь он не выделяется и передает возвышенный стиль повествования.

В этом случае можно также говорить об употреблении историзмов и архаизмов, однако в данном примере главную роль играет именно прием замены образа. Стоит отметить, что в переводе произведения «Грозовой перевал» нами также было выявлено употребление устаревшего слова «сторицей», не являющегося эквивалентом переведенного словосочетания («...and had not I prevented it, he would have gone to the master, and got *full revenge*...») — «...и если бы я его не удержала, он тут же побежал бы к хозяину и был бы *отомщен сторицей*...».

«Грозовой перевал»

Оригинал	Перевод
«But he seemed to recollect himself, presently; and smothered the storm in a brutal curse, muttered on my behalf <...>». (p. 14)	«Но, видимо, [он] одумался и отвел душу, разразившись грубой руганью по моему адресу <...>». (с. 15)

В данном примере использован прием адаптации, «замена образа», то есть смена ассоциации автора оригинального текста на более привычную для читателей русскоязычной версии романа. Так, «[he] smothered the storm» в дословном переводе обозначает «[он] успокоил бурю». Автор романа использовал данный образ для отображения крутого нрава своего персонажа, который он сумел «усмирить», выругавшись. В переводе, с учетом того, что данная ассоциация может быть чужда русскому читателю, был использован более привычный фразеологизм «отвести душу».

2. **Обобщение** — переход от частного к общему. Данный прием в рамках адаптации используется в том случае, если в ПЯ смещены отношения рода и вида, четко определенные в ИЯ, либо если в языке перевода отсутствует какое-либо понятие/слово, упомянутое в оригинальном тексте или оно является непривычным для его носителей. Примеры:

«Дама с камелиями»

Оригинал	Перевод
«Sous le péristyle du théâtre se présenta à elles un petit domestique<...>». (p. 83)	«У выхода к ним подошел маленький грум <...>». (с. 86)

В переводе данной фразы использован прием обобщения ввиду слишком узкого значения переводимого слова, которое может быть незнакомо читателям. Так, «péristyle» означает «перистиль» или «перистилиум», — открытое пространство, окруженное с четырех сторон крытой колоннадой. Данный архитектурный прием можно часто увидеть в конструкции европейских театров и других зданий, поэтому для французских читателей значение данного слова в тексте, скорее всего, было бы понятно. Однако данное явление редко встречается в российской архитектуре, поэтому переводчик счел нужным его адаптировать, прибегнув к обобщению.

«Грозовой перевал»

Оригинал	Перевод
«<...>and Mister Linton mixed a tumbler of negus<...>». (p. 54)	«<...>и мистер Линтон приготовил ей бокал глинтвейна<...>». (с. 56)

В данном примере переводчик «адаптировал» явление, которое, на его взгляд, могло показаться незнакомым читателю. Так, в словаре можно найти перевод слова «negus» — «негус», но вряд ли многие читатели знают, что данное слово обозначает один из видов глинтвейна. Так, переводчик применил прием обобщения, заменив неизвестное известным.

3. Опушение — явление, понятие или слово, которое кажется непереводаемым или необязательным для перевода, «упраздняется». Данный прием используется относительно редко, и, с точки зрения сохранения стиля произведения и адекватности перевода в целом, является в большинстве случаев недопустимым.

Примеры:

«Дама с камелиями»

Оригинал	Перевод
«C'est à ma génération que je m'adresse, à ceux pour qui les théories de Voltaire n'existent heureusement plus, à ceux qui, comme moi, comprennent que l'humanité est depuis quinze ans dans un de ses plus audacieux élans». (p. 39)	«Я обращаюсь к моему поколению, [-] к тем, которые, подобно мне, понимают, что человечество за последние пятнадцать лет сделало один из наиболее смелых скачков». (с. 41)

В переводе данного предложения отсутствует часть, которая могла бы быть переведена следующим образом: «[я обращаюсь] к тем, для кого теории Вольтера, к счастью, уже не существуют». В перевод она включена не была, так как могла бы показаться недостаточно ясной русскому читателю, который может не знать теорий французского философа Вольтера. Таким образом, переводчик применил прием адаптации, опустив уточнение, данное автором оригинала. На наш взгляд, данный прием нужно применять только тогда, когда какое-либо явление или понятие невозможно передать на ПЯ. В данном случае, по нашему мнению, следовало бы дать сноску к переводу данной фразы, например: «Имеется в виду деистическая теория Вольтера, в которой считается, что Бог сотворил Вселенную и представил ее самой себе». Так, данное опущение повлияло на смысл переведенной фразы незначительно, однако ее самобытность была утрачена.

В тексте перевода романа «Грозовой перевал» данный прием использован не был.

4. Описательный перевод — незнакомому (непривычному) явлению/слову дается пояснение, расшифровка данного понятия, которое, как правило, выражено формулировкой из нескольких слов. В отличие от экспликации (введение дополни-

тельной информации в текст перевода) и амплификации («расшифровка» некоторых понятий) [15. С. 38—57] — переводческих трансформаций, также заключающихся в уточнении, пояснении, описательный перевод не подразумевает использования *переводимых слов* в тексте перевода.

Примеры:

«Дама с камелиями»

Оригинал	Перевод
«On est redoutée comme une bête fauve, méprisée comme un paria<...>» (р. 130)	«Нас боятся, как диких зверей, нас презирают, как низшую касту<...>» (с. 132)

Данное предложение представляет собой яркий пример адаптации, неизвестное заменено известным, применен прием описательного перевода. Так, «*un paria*» переведено здесь как «*низшая каста*», что соответствует как смыслу этого понятия, так и стилю произведения. Однако в русском языке существует слово «*пария*». В Индии этим термином называют людей низшей касты, а в переносном смысле *пария* — это отверженное, бесправное существо. Автор перевода счел нужным «расшифровать, описать» данный термин, чтобы он был понятен широкому кругу читателей, которые могут не знать кастовой иерархии Индии.

«Грозовой перевал»

Оригинал	Перевод
«I had just taken the children upstairs, after tea was finished, <...> I had come down, and was standing by the table in the hall, lighting a bed-room candle for Mr Edgar <...>». (р. 217)	«После чая я отвела детей наверх, <...>затем сошла вниз и стояла в передней у стола, зажигая ночник для мистера Эдгара <...>». (с. 218)

В данной фразе в тексте оригинала упомянуто явление, характерное для XVIII в., в котором происходит действие романа, но несвойственное современному быту — свеча, которую слуги ставили знатым господам на ночь у кровати. Переводчик применил прием адаптации, используя относительно современное слово «ночник», тем самым не заменив переводимое явление, а описав его, передав суть обозначаемого предмета. В данном случае этот прием близок к замене образа, однако в переводе данного явления сохранена его семантика, изменена только лексическая единица, обозначающая его. На наш взгляд, слово «ночник» является достаточно современным и не в полной мере соответствует стилю произведения.

5. Употребление архаизмов и историзмов. Устаревшие слова в рамках приема адаптации используются в том случае, если в современном языке текста оригинала одно и то же слово использовалось как в предыдущих столетиях, так

и в настоящее время, обозначая одно и то же явление, тогда как в языке перевода для обозначения этого же явления используется уже другое, более современное слово, и его употребление в переводе произведений, удаленных по времени, было бы неуместным. Примеры:

«Дама с камелиями»

Оригинал	Перевод
«Si j'avais été libre, d'abord je n'aurais pas reçu le comte avant-hier<...>». (p. 176)	«Если бы я была свободна, я не приняла бы графа третьего дня<...>». (с. 178)

В переводе данного предложения используется устаревшее выражение «третьего дня» для обозначения слова «avant-hier», для которого в русском языке существует современный эквивалент «позавчера». Автор перевода счел необходимым «состарить» данное слово для сохранения особого стиля текста произведения, свойственного эпохе, в которую происходило действие романа. В данном случае этот прием вполне уместен, так как позволяет передать особую атмосферу повествования, наметив «дистанцию времени».

«Грозовой перевал»

Оригинал	Перевод
«'The Lord help us!' he soliloquized in an undertone of peevish displeasure, while relieving me of my horse<...>». (p. 4)	«„Помоги нам, господь!“ — проговорил он вполголоса со сварливым недовольством, пособляя мне спешиться <...>». (с. 4)

В данном примере также употреблены устаревшие слова с намерением показать читателю разницу между современностью и эпохой действия романа. Чаще всего данный прием подходит для создания подобного эффекта, однако в целом мы согласны с утверждением И.С. Алексеевой о том, что чрезмерное употребление архаизмов при переводе текстов художественной литературы, удаленных по времени, искажает стиль оригинала [2. С. 22]. Данный пример представляет собой именно такой случай — автор перевода использовал сразу два слова, редко употребляющихся в русском языке в настоящее время. Слово «спешиться», то есть «слезть с коня, лошади», можно встретить в современном русском языке (хотя чаще предпочтение отдается второму варианту), однако его сочетание с вышедшим из употребления словом «пособлять» создает ощущение некоторой неестественности с точки зрения языка и стиля произведения. В данном случае было бы корректнее использовать в переводе сочетание стилистически нейтральной лексической единицы с одним из устаревших слов.

В результате проведенного анализа двух произведений нами была составлена следующая статистическая таблица, в ней указаны приемы, с помощью которых

в переводе достигается адаптация незнакомых или непривычных явлений и понятий, и количество выявленных примеров их применения:

Прием	«Дама с камелиями»	«Грозовой перевал»
1. Замена образа	18	29
2. Обобщение	6	10
3. Опущение	9	—
4. Описательный перевод	5	5
5. Употребление архаизмов и историзмов	10	58
Количество случаев применения адаптации:	48	102

Как следует из приведенной таблицы, количество замен в переводе произведения «Грозовой перевал» значительно больше, чем в переводе романа «Дама с камелиями». Это объясняется не только тем, что первое произведение больше по объему, но и характером самого перевода — автор перевода романа «Дама с камелиями» прибегал к описанию или дословному переводу, когда в тексте оригинального произведения встречались явления, присущие французской культуре, в то время как автор перевода романа «Грозовой перевал» часто адаптировал такие явления, используя прием замены.

На наш взгляд, прием опущения в рамках адаптации, использованный несколько раз в переводе романа «Дама с камелиями», является недостаточно корректным с точки зрения сохранения стиля оригинального произведения. Автор перевода романа «Грозовой перевал» передала понятия такого рода дословно, добавив к ним сноски в конце страницы, что, на наш взгляд, является более корректным.

Что касается обозначения «временной дистанции» в обеих русскоязычных версиях романов, в переводе английского произведения использовано множество архаизмов и историзмов, что может в некоторой степени затруднить чтение данного романа современным читателем, однако благодаря такому приему автор перевода подчеркнула отдаленность событий и уклада жизни, описанных в романе, от наших дней. В переводе романа «Дама с камелиями» также употреблены устаревшие слова, однако их значительно меньше, язык перевода достаточно современный, но в то же время автору перевода удалось сохранить стиль произведения и передать исторический колорит романа.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что использование приема адаптации часто оказывается необходимым ввиду существующих различий между культурами ИЯ и ПЯ, однако в отличие от других лексических, грамматических и морфологических трансформаций применяется достаточно редко.

В ходе данного анализа была подтверждена гипотеза о взаимосвязанности передачи в переводе стиля оригинального произведения и применения приема адаптации. Также анализ показал, что прием адаптации неоднозначен, то есть реа-

лизуется с помощью ряда переводческих трансформаций, которые выполняют особые функции применительно к адаптации.

Важно не просто адаптировать текст в целом и отдельные труднопереводимые его элементы так, чтобы было сохранено содержание, но и передать стилистические черты, присущие произведению, сохранить его образность, чтобы связь между писателем и читателем не была разрушена.

На основе проведенного анализа можно сделать следующий вывод: подход к переводу текстов художественной литературы может быть различен, но, несмотря на возможные неточности, при переводе необходимо добиться главной цели — предать не *форму*, а *суть*, не только *информативную*, но и *эстетическую* функцию художественного произведения.

Дата поступления: 10.05.2016

Дата принятия в печать: 17.06.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004.
- [2] Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- [3] Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975.
- [4] Бронте Э. Грозовой перевал. М.: Азбука-классика, 2009.
- [5] Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: учебное пособие. М.: Международные отношения, 1980.
- [6] Дюма А. Дама с камелиями. М.: Эксмо, 2007.
- [7] Евтеев С.В., Семёнов А.Л. Перевод: параллельные тексты и системы «Память переводчика» // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 3.
- [8] Ермолович Д.И. Пение без звука: об итогах одного переводческого конкурса // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1.
- [9] Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.
- [10] Иванова С.В., Чанышева З.З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурноносности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 4.
- [11] Колодина Е.А. Соотношение понятий «значение» и «смысл» в приложении к кинодиалогу // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск, 2012. № 2 (19).
- [12] Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
- [13] Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социальные аспекты). Магадан: Кордис, 1997.
- [14] Чуковский К. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб., 2014.
- [15] Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1987.
- [16] Baker M. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. New York: Routledge, 2011.
- [17] Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. New York: Routledge, 2011.
- [18] Brontë E. Wuthering Heights. London: Pearson, 2012.
- [19] Clifford E. Landers. Literary Translation: A Practical Guide. New Jersey: Multilingual Matters, 2001.
- [20] Dumas A. (fils). La Dame aux Camélias. Malesherbes: Maury-Imprimeur, 2012.
- [21] Newmark P. A textbook of translation. London: Prentice Hall, 1988.

**THE ADAPTATION TECHNIQUE
IN THE TRANSLATION OF LITERARY TEXTS
(as exemplified in the translation
of french and english literary texts)**

P.S. Tasenko¹, N.YU. Nelyubova¹, V.I. Ershov²

¹Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

²Military department
Moscow state institute of international relations,
Ministry of Foreign Affairs RF
Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454

This article describes some particularities of translation of literary texts from French and English into Russian as exemplified in the novel "The Lady of the Camellias" by A. Dumas and the novel "Wuthering Heights" by E. Brontë. The article examines in particular the use of the adaptation technique in order to confirm the hypothesis of the connection of this translation transformation with conveyance of the original's stylistic features. This transformation is applied in the translation of some phenomena and phrases in the original text that can barely be translated because of their national singularity, a significant time gap, or peculiarity for other culture bearers. The theoretical foundation for the article are literary style researches [Barkhudarov, 1975; Komissarov, 1990; Chaikovskij, 1997; Chukovskij, 2014; Baker, 2011], as well as researches in the field of the use of adaptation in the translation of literary texts [Alekseeva, 2004; Vlakhov, Florin, 1980; Shchetinkin, 1987; Clifford, Landers, 2001; Newmark, 1988]. The research methods used in the study are the following: relevant scientific literature analysis, statistical approach, comparative study of literary texts and their translations. A thorough analysis of the nature of adaptation enabled us to specify a range of translation transformations which allow adaptation to be applied in the reanslation of literary texts. According to the results of the research, the informative as well as the aesthetic function plays a very important role in the translation of literary texts.

Key words: literary translation, French and English literary texts, translation transformations, adaptation technique, original text's stylistic features, aesthetic function of literary style.

REFERENCES

- [1] Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie. M.: Akademiya, 2004.
- [2] Apresyan Yu.D. Eksperimentalnoye issledovanie semantiki russkogo glagola. M.: Nauka, 1967.
- [3] Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.
- [4] Bronte E. Grozovoj pereval. M.: Azbuka-klassika, 2009.
- [5] Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980.
- [6] Duma A. Dama s kameliyami. M.: Eksmo, 2007.
- [7] Evtsev S.V., Semenov A.L. Perevod: parallelnye teksty i sistemy «Pamyat perevodchika». *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics*. 2014. № 3.
- [8] Ermolovich D.I. Penie bez zvuka: ob itogakh odnogo perevodcheskogo konkursa. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics*. 2015. № 1.
- [9] Zherebilo T.V. Slovar lingvisticheskikh terminov. Nazran, 2010.
- [10] Ivanova S.V., Chanyshva Z.Z. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kulturoznosti. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics*. 2014. № 4.
- [11] Kolodina E.A. Sootnoshenie ponyatij «znachenie» i «smysl» v prilozhenii k kinodialogu. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. Irkutsk, 2012. №2 (19).
- [12] Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). M.: Vysshaya shkola, 1990.

- [13] Chajkovskij R.R. Realnosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sotsialnye aspekty). Magadan: Kordis, 1997.
- [14] Chukovskij K. Vysokoe iskusstvo. Printsipy khudozhestvennogo perevoda. СПб., 2014.
- [15] Shchetinkin V.E. Posobie po perevodu s frantsuzkogo yazyka na russkij. M.: Prosveshchenie, 1987.
- [16] Baker M. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. New York: Routledge, 2011.
- [17] Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. New York: Routledge, 2011.
- [18] Brontë E. Wuthering Heights. London: Pearson, 2012.
- [19] Clifford E. Landers. Literary Translation: A Practical Guide. New Jersey: Multilingual Matters, 2001.
- [20] Dumas A. (fils). La Dame aux Camélias. Malesherbes: Maury-Imprimeur, 2012.
- [21] Newmark P. A textbook of translation. London: Prentice Hall, 1988.

ХРОНИКА

РЕЦЕНЗИИ

КАРАСИК В.И. ЯЗЫКОВАЯ СПИРАЛЬ: ЦЕННОСТИ, ЗНАКИ, МОТИВЫ: МОНОГРАФИЯ / В.И. КАРАСИК. — ВОЛГОГРАД: ПАРАДИГМА, 2015. — 432 С.

Новая монография Владимира Ильича Карасика «Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы», посвященная актуальным проблемам таких направлений современного языкознания, как аксиологическая лингвистика, лингвоперсонология, лингвоконцептология, нарратология и теория дискурса, является логическим продолжением ряда предыдущих трудов автора («Языковой круг: личность, концепты, дискурс». Волгоград: Перемена, 2002; М.: Гнозис, 2004; «Языковые ключи». М.: Гнозис, 2009; «Языковая кристаллизация смысла». М.: Гнозис, 2010; «Языковая матрица культуры». М.: Гнозис, 2013; «Языковое проявление личности». Волгоград: Парадигма, 2014; М.: Гнозис, 2015).

Проявление принципа антропоцентризма, характеризующего состояние современной лингвистики и реализуемого в ее различных парадигмах, наиболее заметно в выделении таких взаимосвязанных между собой предметов исследования, как ценности, языковая личность, коммуникативные модели и векторы поведения. Данному кругу проблем посвящены соответственно три главы рецензируемой монографии.

В первой главе выделяются и рассматриваются аксиогенные (ценностно порождающие) ситуации, в которых сконцентрировано выражение моральных и/или утилитарных ценностей и которые воплощаются в различных дискурсивных жанрах и текстотипах, включающих паремии, мифы, легенды, притчи, анекдоты и др. Автор замечает, что «список аксиогенных ситуаций очень велик и в определенном плане соотносим со списком сюжетов мировой литературы» (с. 8). Наиболее подробному анализу подвергаются аксиогенные ситуации в апокрифическом произведении «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», в притчах, аллюзивных афоризмах и комических паремиях, в анекдотах о новых русских и телевизионном сериале, что позволяет выявить определенные корреляции между типами текста/жанра и ценностями, фиксируемыми в них.

Высшей ценностью поведения в апокрифических назиданиях и поучениях, характеризуемых прямолинейной дидактичностью, признаются мудрость и основные добродетели, определяющие поведение мудреца: праведность, скромность, правдивость, законопослушность, честность, доброжелательность и т.д. Анализируя аксиологические ситуации, представленные в притчах, В.И. Карасик, во-первых, выводит основные ценности, соотносимые с соблюдением этических норм и выполнением утилитарных предписаний; во-вторых, предлагает трехмерную оценочную модель для квалификации ситуации с различных позиций: характеристика положения дел (достойно одобрения/осуждения, сожаления/осмеяния), субъекты (созерцатель в роли констатирующего субъекта или деятель, ориентированный на преобразование действительности), диктальная и модусная оценки, позволяющие разным субъектам неодинаково оценивать одну и ту же ситуацию; в-третьих, устанавливает типичные соотношения разновидностей оценочной локализации, ориентации и тональности, указывая на частотность их проявления, например, оценка субъекта-деятеля преимущественно является одобрительной или осуждающей, в то время как сожаление в большей степени свойственно субъекту-созерцателю (с. 49—77).

Несомненный интерес читателя вызовет часть монографии, посвященная анализу аксиогенных ситуаций в анекдотах о новых русских, образ которых вызывает крайне негативную реакцию и «резкий протест у представителей интеллигенции, испытавшей разочарование по поводу основных результатов изменения ценностей в обществе» (с. 139), а также выделенные автором в результате анализа телевизионной саги «StarGate» («Звездные врата») стереотипы поведения и ценности американской лингвокультуры (с. 140—156). Заслуживает внимания вывод о закономерном росте значимости косвенных поучений или назиданий, представленных в игровой форме, в юмористическом или развлекательном видах дискурса, поскольку прямая назидательность оказывается не всегда действенной (с. 157).

В монографии предложено новое направление развития лингвоперсонологии, учитывающее ценностное измерение общения при выявлении личностных ориентиров и построении аксиологических моделей личности. Во второй главе обсуждаемой монографии рассматриваются лингвистически релевантные характеристики личности, имеющиеся в психологии и психиатрии (психофизические, диспозициональные и дименсиональные психотипы), в определенной степени коррелирующие с классификациями языковых личностей, представленными в лингвистических исследованиях. Выделение диспозиционального типа позволяет автору дифференцировать личности по их отношению к себе, миру, другим личностям и к ценностям, а также охарактеризовать специфическое выражение подобного отношения в коммуникативном поведении определенного психотипа. Весьма интересным представляется выявление и описание приоритетных проявлений личности — самопрезентации, манипуляции и криминализации сознания — в доминирующих сегодня типах коммуникации.

Самопрезентация, наиболее заметная в массмедийном, рекламном дискурсе и интернет-коммуникации, выражается в коммуникативном поведении ироничного комментатора, телеведущего, субъекта рекламного текста и проявляется, по мнению автора, в особом типе публичности — «сценичной искренности, акцентированной эмоциональности и постоянной готовности переключить общение в карнавалльно-развлекательный формат» (с. 362).

Представив многогранное описание феномена манипуляции, В.И. Карасик приходит к закономерному выводу о возрастании манипулятивной составляющей в современной институциональной коммуникации, что, в свою очередь, ведет к деградации системы ценностей в социуме. В книге также обсуждается ставшая знаком современной жизни криминализация массового русскоязычного сознания, индикаторами которой являются частотность блатных песен в радио- и телеэфире, доминирование сюжетов жестокости и насилия в медиапространстве, активное проникновение арготизмов, жаргонизмов в повседневную речь и институциональную коммуникацию, проявление призонизации поведения (вторжение норм и обыкновений тюремной зоны в массовую культуру) и др.

Третья глава посвящена определению интерпретативных векторов освоения действительности и осмысления ценностей. Автор демонстрирует опыт комплексного анализа имеющихся подходов к интерпретации дискурса, предполагающих выделение объектных, субъектных и инструментальных характеристик, коррелирующих с базовыми измерениями дискурса — топиком, форматом и модусом.

Одной из важных, теоретически значимых авторских находок, представленных в данной части исследования, на наш взгляд, является выделение, с одной стороны, типов личности по их склонности к определенному способу реагирования — инстинктивной, рассудочной и интуитивной, с другой — типов текстов, соотнесенных с данными реакциями и определенным способом освоения реальности. Анализ подобных текстов, сюжетных топиков, триггеров и траверсов позволяет описать отраженные в них интерпретативные ориентиры мировосприятия и поведения, выявить аксиогенные ситуации, объяснить перефокусировку оценочных позиций, акцентируя внимание на модификациях и трансформациях ценностей в современном обществе, изменении способов их вербальной репрезентации.

«Раскручивая» множество актуальных вопросов и научно-исследовательских проблем вокруг оси, центром которой являются ценности и ценностно порождающие ситуации, Владимир Ильич вовлекает читателя в захватывающий процесс глубокого осмысления современной действительности, заставляя по-новому взглянуть на ставшие привычными факты нашей жизни, ценностные ориентиры и модели поведения, воплощенные в языке. Серьезное научное произведение читается на одном дыхании: логика изложения, четкость в систематизации материала, научная точность сочетаются с увлекательным эмпирическим материалом и его последующей интерпретацией.

Рецензируемая монография несомненно будет полезна начинающим исследователям и специалистам, работающим в самых различных лингвистических

парадигмах: лингвокультурологии, лингвоперсонологии, теории коммуникации и дискурса, жанроведении, лингвоконцептологии, социо- и прагмалингвистике, нарратологии и др. Она будет интересна и рядовому читателю и всем, кого не оставляют равнодушными проблемы человеческого мировосприятия, гармонизации общения, осмысления действительности, современной эпохи и самого себя.

Н.Н. Панченко

© Дата поступления: 15.03.2016
Дата принятия в печать: 29.05.2016

КОНФЕРЕНЦИИ

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ», г. Челябинск, 20—22 апреля 2016 г.

20—22 апреля 2016 г. в Челябинском государственном университете состоялась уже ставшая традиционной Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Событие приурочено к 40-летию юбилею Челябинского университета — площадки, на базе которой в восьмой раз проходит конференция.

Открывая пленарное заседание, ректор ЧелГУ, доктор психологических наук, профессор Д.А. Цириг отметила значимость события и широкую географию участников «Слова–2016». Всего в конференции очное и заочное участие приняли 274 ученых из 14 стран: Великобритании, Польши, Узбекистана, Казахстана, Белоруссии, Украины, Грузии, Словакии, Армении, Латвии, Германии, США, Китая и более чем из 40 городов России — от Симферополя до Владивостока.

На пленарных заседаниях выступили доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов Т.В. Ларина с докладом «Вежливость как регулятор коммуникативного поведения»; профессор Вулвергемптонского университета (Великобритания) П. Хэнкс с докладом “Corpus Pattern Analysis: Discovering how people use words to make meanings”; доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педуниверситета Г.Г. Москальчук с докладом «Содержательность формы текста»; доктор филологических наук, профессор Евразийского лингвистического института филиала Московского государственного лингвистического университета В.Е. Горшкова с докладом «Единство и борьба противоположностей в аудиовизуальном переводе» и доктор филологических наук, доцент Южно-Уральского госуниверситета Н.Н. Кошкарлова с докладом «„Разговоры в Зеркале“ социальной и культурной идентичности: стратегии и тактики обсуждения проблем современности в одноименной книге».

На заключительном пленарном заседании прозвучали доклады А.А. Мироновой, доктора филологических наук, профессора Челябинского государственного педуниверситета, под названием «Языковая личность писца в церковно-приходских летописях XIX века»; Е.Р. Поршневой, доктора филологических наук, профессора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, под названием «Специфика языковой подготовки будущих переводчиков в свете новой образовательной парадигмы», а также доклады представителей Челябинского госуниверситета: «Комплимент в российской коммуникативной культуре» Т.А. Воронцовой, доктора филологических наук, профессора, и «Типология и дидактический потенциал моделей перевода» Т.А. Волковой, кандидата филологических наук, доцента.

В течение трех дней форума на секционных заседаниях обсуждались наиболее актуальные проблемы современной науки о языке. Особое внимание было уделено междисциплинарным исследованиям, посвященным изучению различий в языковых картинах мира и проблемам межнационального общения. Через всю работу конференции красной нитью прошла тема вежливости в межкультурной коммуникации, ярко представленная Т.В. Лариной.

В секциях «Инновационные подходы в лингвистике XXI века» и «Актуальные проблемы перевода» тон дискуссии задали молодые ученые из Санкт-Петербурга, Тюмени, Перми и Челябинска. Так, в докладе А.И. Криворучко был представлен новый взгляд на деятельностно-синергетическую парадигму перевода, в основе которой — современные положения мыследеятельностной концепции перевода Н.Л. Галеевой и синергетической концепции переводческого пространства Л.В. Кушниной.

В секциях «Языковая картина мира и взаимодействие культур» и «Дискурс как объект междисциплинарного исследования» были затронуты проблемы изучения восточных языков и культур. Доклад о системе китайских имен и фамилий в русском языковом сознании сделал кандидат филологических наук Я.Л. Березовской, представитель Южно-Уральского государственного университета. Доцент МГИМО, кандидат филологических наук С.В. Чиронов представил исследование об иллокутивных глаголах (не)согласия в японском языке. В рамках секции «Проблемы современной лингводидактики» обсуждались последние тенденции и инновации для продуктивного формирования языковых и коммуникативных компетенций на различных уровнях обучения.

Поскольку организатором события в этом году выступила кафедра теории и практики перевода ЧелГУ под руководством кандидата филологических наук О.Р. Абдрахмановой, событие во многом приобрело особый «переводоведческий» колорит. Помимо работы секции по современным проблемам перевода, где обсуждались как фундаментальные, так и актуальные прикладные вопросы этой молодой науки, в рамках конференции состоялись два интерактивных мастер-класса. Доктор педагогических наук, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета Е.Р. Поршнева провела двухдневный мастер-класс «Родной язык для переводчиков», на котором предложила как студентам, так и опытным преподавателям перевода проверить свои навыки внутриязыкового перевода. На семинарах М.А. Загота, доцента Московского государственного лингвистического университета, члена Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России, участники активно включались в обсуждение проблем этики в переводческой профессии (мастер-класс «Этика профессионального переводчика и помехи в его работе»), а также вопросов аудиовизуального перевода (мастер-класс «Особенности киноперевода на материале американского кинофильма»). Участники отмечают, что новый формат работы вызвал большой интерес и во многом обеспечил успех конференции.

Особенно отрадно говорить о том, что конференция объединила не только лингвистов, переводоведов и филологов, но и представителей других гуманитарных направлений. По словам руководителя секции «Языковая картина мира и взаи-

модействие культур» доктора филологических наук, профессора Е.Н. Азначеевой, в докладе кандидата философских наук, доцента И.В. Сибирякова о феноменологической сущности языковой игры был представлен глубокий философский анализ на стыке философии и языкознания. В ходе обсуждения доклада кандидата философских наук Е.Б. Хромовой о вкладе перевода в формирование русского философского языка произошел настоящий обмен опытом — в дискуссии приняли участие специалисты по проблемам перевода. Профессионалы в области рекламы и PR представили свои исследования на пленарном заседании, состоявшемся во второй день работы конференции.

На заключительном пленарном заседании прозвучали слова благодарности гостям конференции, озвучены планы дальнейшего научного сотрудничества. Участники выразили признательность организационному комитету конференции в лице доктора филологических наук, профессора Л.А. Нефёдовой, декана факультета лингвистики и перевода. Именно коллектив этого молодого, динамично развивающегося факультета вот уже 16 лет проводит данную конференцию. Все участники отметили высокий научный и организационный уровень конференции, обеспеченный кафедрой теории и практики перевода, в том числе уровень информационной поддержки: организаторам и волонтерам удалось вести прямую трансляцию конференции в сети Интернет, на сайте конференции размещены фотографии с пленарных и секционных заседаний — все это позволило сделать событие запоминающимся (http://linguist-csu.narod.ru/index/news_photos/0-36).

Гости Челябинского госуниверситета побывали на экскурсии по городу, а также посетили областной краеведческий музей и этнографический музей ЧелГУ в сопровождении студентов-волонтеров — актива факультета лингвистики и перевода. В интервью газете «Университетская набережная» гость из Великобритании, профессор П. Хэнкс, выразил особую благодарность студентам-переводчикам выпускных курсов. Благодаря их отличной работе ему удалось не только поучаствовать в работе секционных заседаний конференции, но и узнать больше о Челябинске.

По итогам конференции опубликованы два объемных тома материалов (http://linguist-csu.narod.ru/index/sbornik_materialov/0-45), участникам выданы сертификаты о повышении квалификации и памятные сувениры.

Л.А. Нефёдова, Е.С. Краснопеева

© Дата поступления: 10.05.2016
Дата принятия в печать: 15.05.2016

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«II ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»
г. Москва, 26—27 апреля 2016 года**

26—27 апреля 2016 года на филологическом факультете Российского университета дружбы народов прошла Международная научно-практическая конференция «II Фирсовские чтения. Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития», посвященная обсуждению актуальных проблем лексикологии и фразеологии, грамматики, перевода и дискурса, лингвокультурологии и этносоциolingвистики, прагматики и межкультурной коммуникации, сопоставительной лингвистики и диалектологии, а также обсуждению современных методик преподавания иностранных языков.

«Фирсовские чтения» проводятся в память выдающегося отечественного испаниста Н.М. Фирсовой. Вот уже второй раз, под эгидой «Фирсовских чтений» объединяются ученики и все те, кого вдохновило научное творчество Н.М. Фирсовой.

Цели и задачи конференции — обмен опытом и мнениями о современных тенденциях и взглядах на филологию среди ведущих специалистов, привлечение молодых ученых к научной деятельности.

Вступительным словом открыл конференцию первый проректор по научной работе, д. филос. н., проф. Н.С. Кирабаев, обозначив филологию одним из приоритетных направлений современной науки. Актуальность тематики конференции подтвердил в своем выступлении советник по культурным вопросам посольства Испании в Москве доктор Альваро де ла Рива.

Выступления Н.С. Кирабаева и Альваро де ла Рива задали основные векторы работы всей конференции.

Работа пленарного заседания началась с доклада д. филол. н., проф. И.И. Чельшевой (Институт языкознания РАН), раскрывающего роль диахронических лингвистических дисциплин в подготовке филолога-романиста. В выступлении И.И. Чельшева обозначила основные проблемы, с которыми сталкиваются студенты и преподаватели в связи с изменениями программ высшего лингвистического образования, а также те моменты, которым стоит уделить особое внимание, т.к. без них нельзя считать полноценной подготовку филолога-романиста.

Вслед за И.И. Чельшевой с докладом выступила председатель оргкомитета конференции д. филол. н., проф. Н.Ф. Михеева (Российский университет дружбы народов). В своем выступлении Н.Ф. Михеева остановилась на ключевых характеристиках билингвального образования в Испании, обозначив проблематику и наметив пути дальнейших исследований в данной области.

Вопрос билингвизма в Испании затронула в докладе, посвященном особенностям испанской лингвокультуры, и д. филол. н., проф. М.М. Раевская (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Проблемы лингвокультурологии были подняты в выступлении д. филол. н., проф. О.А. Сапрыкиной (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова). В докладе О.А. Сапрыкина осветила социолингвистическую ситуацию одной из крупнейших стран португальской речи — Мозамбика.

Доклад д. филол. н., проф. Т.В. Лариной (Российский университет дружбы народов) раскрывал функционально-прагматические особенности эмоциональной коммуникации в межкультурном контексте. Особое внимание уделялось автором выявлению характеристик английской и русской лингвокультур.

Подвело итог дневному пленарному заседанию выступление д. филол. н., проф. О.С. Чесноковой (Российский университет дружбы народов), представившей участникам конференции характерные черты баскской топонимии. В докладе О. С Чеснокова обосновала значимость систематизации топонимии баскского происхождения и роль такого исследования для ряда лингвистических дисциплин.

Работа вечернего пленарного заседания была открыта докладом д. филол. н., проф. Л.В. Моисеенко (Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза), посвященным проблеме конструирования интерактивных единиц смысла в интернет-коммуникации.

Д. филол. н., проф. Т.И. Ретинская (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева) в рамках работы пленарного заседания осветила основные направления исследования региональных вариантов национального языка. Исследование проводилось Т.И. Ретинской на материале шампанского и арденнского региолектов французского языка.

Доклад д. филол. н., доц. Н.С. Найденовой (Российский университет дружбы народов) раскрывал роль этнокультурных стереотипов в построении рекламных текстов. Н.С. Найденова подчеркнула значение лексико-синтаксических и семиотических средств для создания эффектного рекламного текста, отражающего черты национального самосознания.

Выступление д. филол. н., проф. И.А. Цыбовой (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ) освещало проблемы межъязыковой лакуарности на примере отыменных прилагательных во французском и русском языках.

Завершило работу пленарного заседания выступление к. филол. н. А.В. Садикова (ФГОУ ДПО «Высшие курсы иностранных языков МИД России»), посвященное вопросу коммуникативного значения слова как объекта лексикографического описания.

Заочными участниками пленарного заседания выступили такие ученые-лингвисты, как д. филол. н., проф. Ю.Л. Оболенская (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д. филол. н., проф. О.Н. Прохорова (Белгородский государственный национальный исследовательский университет), д. филол. н., проф. И.В. Чекулай (Белгородский государственный национальный исследовательский университет), д. филол. н., проф. Жером Багана (Белгородский государственный национальный исследовательский университет), д. филол. н., проф. И.А. Куприева (Белгородский государственный национальный исследовательский универ-

ситет), д. пед. н., проф. А.А. Полякова (Сочинский институт (филиал) РУДН), д. филол. н., проф. Т.Е. Литвиненко (МГЛУ ЕАЛИ (филиал в г. Иркутске)).

После завершения пленарного заседания участники конференции были приглашены на концерт в честь дня Лингвистики, организованный студентами кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов.

В рамках конференции 27 апреля работали 6 секций, где ученые-лингвисты представили результаты своих текущих исследований. Доклады ученых были посвящены рассмотрению актуальных проблем лексикологии и фразеологии, грамматики, перевода и дискурса, лингвокультурологии и этносоциolingвистики, прагматики и межкультурной коммуникации, сопоставительной лингвистики и диалектологии, а также современным методикам преподавания иностранных языков.

В заключительном слове председателя оргкомитета конференции, заведующей кафедрой иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов Н.Ф. Михеевой были подведены итоги конференции и обозначены перспективы дальнейшего развития научного сотрудничества. Успешность состоявшегося научного мероприятия позволила наметить проведение «III Фирсовских чтений» в 2018 году.

За работой конференции пристально следили представители телестудии АРТИСТ. Сюжет о «Фирсовских чтениях» вышел в рубрике «Новости науки». С репортажем можно ознакомиться по ссылке: <https://drive.google.com/file/d/0B0vynAVtFClsQjNBc0h6OTdpcE0/view>.

С материалам конференции можно ознакомиться на сайте кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.

Н.Ф. Михеева

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие читатели!

В этом году ожидается радостное известие для всех, кто интересуется вопросами межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, лингвострановедения, культурологи и этнологии или следит за ярким научным творчеством ярославского филолога и культуролога профессора Владимира Ильича Жельвиса. Речь идет о выходе в свет его книги «Обнимитесь, миллионы!».

Название новой работы известного ученого навеяно «Одой к радости» Шиллера, а сама книга посвящена общению людей разных национальностей: русских, американцев, англичан, немцев, французов, испанцев, итальянцев, китайцев и японцев. Цель автора состоит в том, чтобы показать, что каждая национальная культура обладает своими особенностями, которые могут совпадать или не совпадать с особенностями соседних культур. При этом, подчеркивает автор, нет культур хуже или лучше других. У каждой национальной культуры ровно столько же достоинств, сколько и недостатков, потому что любое достоинство в изменившихся условиях может превратиться в недостаток. Автор книги приводит многочисленные примеры ошибок людей, воспринимающих чужую культуру исключительно с позиции культуры собственной. Ошибки эти могут быть весьма драматичными. Книга написана просто, с учетом требований самого широкого читателя, которому она и адресована.

Сумма, необходимая для издания этой книги, — 150 тысяч рублей. Принято решение собрать эту сумму с помощью так называемой системы краудфандинг, легче всего переводимой как «с миру о нитке». Предполагается, что желающие увидеть эту книгу в печати и получить ее по цене издательства могут послать определенную сумму в издательство planeta.ru, которое согласилось эту книгу издать. Разные суммы предполагают разные бонусы, подробности о которых — planeta.ru/campaigns/34984. Последняя цифра — номер заказа этой книги. Сбор средств уже идет, и, если удастся нужную сумму собрать, книга выйдет уже осенью этого года.

Вот, что сам Владимир Ильич Жельвис пишет о своей новой работе и как он объясняет свое согласие на сбор средств «с миру по нитке» в пользу ее издания:

«Все народы, без единого исключения, одинаковы в том смысле, что у всех есть достоинства и недостатки. Вроде бы я сказал трюизм, но все ли об этом задумываются? А между тем у каждого человека и у каждого народа — утверждаю я — ровно столько же достоинств, сколько и недостатков. Потому что достоинство в одной ситуации обязательно оборачивается недостатком в другой. И поэтому не существует народа, который лучше других, но не существует и такого, который хуже всех прочих. Конечно, каждому народу его собственный нравится больше других, и это нормально и правильно. Ведь каждый из нас прекрасно знает, что его собственная мать не безупречна, она, как всякий человек, не без слабостей. Но это

не мешает нам любить свою мать больше других матерей. Надо только помнить, что чужая мать кому-то так же дорога, как твоя собственная. Вот если мы научимся это все понимать, понимать не умом, а сердцем, на земле наступит «мир и в человецех благоволение». Об этом надо говорить, и говорить именно вот такими простыми словами, какими написана моя книжка. Надо, чтобы это поняли и взрослые и дети, и люди с образованием и без оногo. Поэтому я написал книгу, где говорю о том, как делятся народы и национальные культуры, и даже очень кратко рассказываю об отличиях друг от друга. Русских от американцев, американцев от англичан, англичан от немцев и так далее. Наверно, будут такие русские — или американцы, или немцы — которые обидятся, прочитав, что у них есть какие-то недостатки. Они, возможно, привыкли слышать в свой адрес одни панегирики. Я заранее перед ними извиняюсь. Потому что моя задача — убедить, что все мы разные и все мы одинаковые и что главное, что нам сегодня нужно — это взаимопонимание. Я подозреваю, что в книге есть недостатки, за которые прошу прощения. Возможно, она вызовет споры. И это будет просто здорово. Обнимитесь, миллионы!»

Для тех, кто хотел бы поддержать проект, напомним адрес сайта: planeta.ru/campaigns/34984.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

SDC IWODA 2016

Fourth Santiago de Compostela International Workshop on Discourse Analysis

Santiago de Compostela, September 29th—30th, 2016

CALL FOR PAPERS

IWoDA is an international workshop jointly organised by the SCIMITAR team and the DISCOURSE & IDENTITY research group, both of them based at the University of Santiago de Compostela (Spain). The aim of IWoDA is to promote multidisciplinary research on the analysis of discourse, pondering and exploring the multifaceted properties of English-language texts/discourse from different perspectives (quantitative, qualitative, linguistic, cognitive, psycholinguistic, contrastive, sociolinguistic, critical, literary, cultural, filmic, semiotic, etc.).

Guest speakers will provide case studies, tools and methodologies in order to upgrade the skills necessary to do discourse analysis in different settings and for different purposes, thereby promoting life-long learning and encouraging synergies between academics.

IWoDA'16 includes:

- ◆ a hands-on Practical Session conducted by Douglas Biber (Northern Arizona University)
- ◆ four plenary lectures delivered by the following keynote speakers:
 - Douglas Biber & Meixiu Zhang (Northern Arizona University)
 - Hans Boas (University of Texas at Austin)
 - Mike Hannay (VU University Amsterdam) & María A. Gómez González (University of Santiago de Compostela)
 - Maite Taboada (Simon Fraser University).

Although the workshop programme will host all possible topics related to the analysis of discourse in English (as well as in contrast with other languages), we invite submission of abstracts for papers to the following panels related to the theme of IWoDa'16, 'The Construction of Discourse as Social Interaction':

- PANEL 1. Constructions and the construction of discourse
- PANEL 2. Register variation across speech and writing
- PANEL 3. Discourse markers
- PANEL 4. Evaluation, subjectivity and opinion

We encourage proposals from diverse frameworks:

- ◆ theoretical and applied
- ◆ quantitative and qualitative
- ◆ contrastive and typological
- ◆ cognitive, psycho- and sociolinguistic
- ◆ critical and literary
- ◆ cultural, filmic, multimodal, and semiotic

The **deadline** for the submission of abstract is **May 31st, 2016**. **Acceptance** will be notified by **June 15th, 2016**. Slots for papers will be 20 minutes, including time for questions. The language of the papers will be English.

Abstract format: maximum length 300 words or one page A4, using Times New Roman font 12 point, including references and keywords. Please visit our webpage <http://www.usc.es/congresos/iwoda/> for online submission instructions.

ORGANISING COMMITTEE

Coordinators

J. Lachlan Mackenzie
María de los Ángeles Gómez González
Elsa González Álvarez
Susana Doval Suárez

Secretaries

Noemí Pereira Ares
Cristina Lastres López

Other Members

Milagros Torrado Cespón
José María Díaz Lage
Santiago Resúa Muñiz

CONTACT

IWoDA'16

English & German Department
Faculty of Philology
University of Santiago de Compostela
Avda. Castelao s/n
E-15704 Santiago de Compostela. Spain
congreso.iwoda@usc.es

<http://www.usc.es/scimitar/>

http://www.usc.es/es/investigacion/grupos/discurso_identidade/investigadores.jsp

**INTERNATIONAL CONFERENCE
ON LANGUAGE AND EMOTION**

**23-25 NOVEMBER 2016
UNED, MADRID, SPAIN**

**Organized by the EMO-FunDETT project group
(FFI2013-47792-C2 —**

<http://www.uned.es/proyectofundett/>):

***EMOtion and language 'at work': The discursive
emotive/evaluative FUNction in DiffErent Texts and
contexts within corporaTe and institutional work***

DUE DATE FOR ABSTRACTS: May 20th, 2016

emo fundett

It is nowadays an acknowledged fact in the world of humanistic science that emotions are a key factor in the comprehension of human nature, and this is the reason why the topic has been and is being explored from different perspectives and within different fields of knowledge (Psychology, Sociology, Linguistics, Philosophy, etc.). In Linguistics, and especially within Cognitive Linguistics, Pragmatics and Discourse Analysis, the phenomenon of the conceptualization and expression of emotion is now considered a natural function of language, and has therefore taken on particular importance as a key feature to confront the dilemmas of the 21st century. In our research at EMO-FunDETT, we mainly take a linguistic (discursive-pragmatic) perspective, with the intention of clarifying and somehow systematizing the study of the expressive function of language, which we also consider to be a reflection of a given stance in the discourse. We look into these issues by examining different levels of linguistic description (phonological, semantic, syntactic, etc.), by using corpora containing texts and contexts related to the world of corporate and institutional work. We follow the work done in the field of linguistics by

ourselves (e.g. Thompson & Alba-Juez 2014) and by experts such as Foolen (e.g. 2012, 2015, 2016) or Dewaele (e.g. 2010, 2011, 2015). Likewise, we understand — in line with psychological studies such as Reeck, Ames and Ochsner's (2016), that emotion regulation is essential for maintaining mental health, social functioning, and physical well-being. This relatively new strand of research emphasizes not only the importance of emotion as a self-regulatory mechanism, but also as a social regulator, and from there our interest in exploring not only the linguistic manifestation of human emotion, but also its relationship to the so-called 'emotional intelligence' (Goleman, 1995, 1998, 2011; Petrides, Pérez González & Furnham 2007). We therefore see emotion as a pragmatic/socio- and psycho-linguistic (cognitive) phenomenon which manifests the relationship brain-body-world (context) within a dynamical system, and whose manifestation in one way or another might affect the social actors' performance in any social environment, and in particular, "at work", i.e. at the workplace.

The fact that the expression of emotion (in both verbal and non-verbal ways) contributes to its social regulation (i.e. that it can be strategically used to alter the emotional responses of another person or group of people) is one of the reasons why it has been associated to the persuasive function of language ever since the ancient Greeks' studies on rhetoric. This constitutes the main focus of study of the EMO-FunDETT PERSUASION, the coordinate subproject of EMO-FunDETT.

Therefore, because we want to share our research with you and at the same time would like to hear from your own findings on the topic of language and emotion, we welcome any proposals covering, but not restricted to, the following sub-topics:

A) Language and emotion 'at work'

- ◆ The relationship and/or differences between evaluation/stance and emotion in language. Are they the same?
- ◆ Emotion as contemplated in the Attitude subsystem within Appraisal Theory (Martin & White, 2005): Does this model provide an all-embracing functional approach to emotion?
- ◆ The expression and/or conceptualization of emotion at the different levels of linguistic description.
- ◆ The conceptualization and expression of emotion in discourse, and especially, in corporate and institutional discourse, within working environments such as those related to health or education.
- ◆ The relationship between the linguistic and the paralinguistic, gestural or bodily expression of emotion.
- ◆ The effect of the expression of emotion upon interpersonal relationships, especially those at the workplace.
- ◆ The grammaticalization and the conventionalization of emotion in language.
- ◆ Discourse functions of the expression of emotion: intensification, evidentiality, etc.
- ◆ Emotions as the trigger for the creation of discourse: How emotions shape language and how language is shaped by emotions.
- ◆ Multilingualism and emotion: Do we feel the same when expressing emotions in different languages?

- ◆ Humor, irony and emotion in language.
- ◆ (Im)politeness and the expression of emotion.
- ◆ Cyberemotion: Emotion as expressed on the web (work-oriented social networks such as Linked-in, Academia, e-mails, forums, blogs, etc.).
- ◆ The affective component in the teaching/learning of a foreign language.
- ◆ Interdisciplinary studies on emotion: Combination of linguistic, and psychological, sociological, philosophical, etc. approaches to the phenomenon.
- ◆ The relationship between the expression of emotion and emotional intelligence.

B) Persuasion 'at work'

- ◆ The relationship between emotion and persuasion.
- ◆ Persuasion in online communication (e-mail, social and professional networks such as Linked-in, Academia, etc.).
- ◆ Persuasion in social technology.
- ◆ Gender differences in the expression of persuasive communication.
- ◆ The expression of persuasion in different contexts (social media, institutions, the workplace, etc.).
- ◆ Interdisciplinary studies on persuasion: Combination of linguistic, and psychological, sociological, philosophical, etc. approaches to the phenomenon.
- ◆ Theoretical groundings of persuasion.
- ◆ Methods and tools for evaluating persuasion.
- ◆ Persuasion through language.
- ◆ Rhetorical approaches to persuasion.
- ◆ Persuasion across languages.
- ◆ Persuasion: Linguistic markers, discursive processes and cognitive operations.
- ◆ The expression of persuasion in non-verbal communication.
- ◆ Persuasion and multimodality.
- ◆ Humor, irony and persuasion in language.
- ◆ (Im)politeness and the expression of persuasion.
- ◆ Persuasion in communication studies.

SCIENTIFIC COMMITTEE:

Laura Alba-Juez — UNED (Madrid, Spain)
Salvatore Attardo — Texas A&M University-Commerce (U.S.A.)
Monika Bednarek — University of Sydney (Australia)
Marta Carretero — UCM (Madrid, Spain)
Ana Mª Cestero Mancera — Universidad de Alcalá (Spain)
Manuel Casado Velarde — Universidad de Navarra (Spain)
Javier de Santiago Guervós — Universidad de Salamanca (Spain)
Jean Marc Dewaele — Birkbeck College (London, U.K.)
Mercedes Díez Prados — Universidad de Alcalá (Spain)
Ana María Ducasse — RMIT (Melbourne, Australia)
Angela Downing — UCM (Madrid, Spain)
Victoria Escandell Vidal — UNED (Madrid, Spain)

José Santiago Fernández Vázquez — Universidad de Alcalá (Spain)
Ad Foolen — Radboud University (The Netherlands)
Catalina Fuentes Rodríguez — Universidad de Sevilla (Spain)
Antonio García Gómez — Universidad de Alcalá (Spain)
María de los Ángeles Gómez González — Univ. de Santiago de Compostela (Spain)
Ramón González — Universidad de Navarra (Spain)
Laura Hidalgo Downing — Universidad Autónoma de Madrid (Spain)
Xavier Laborda Gil — Universitat de Barcelona (Spain)
J. Lachlan Mackenzie — VU University Amsterdam (The Netherlands)
Silvia Kaul de Marlangeon — University of Río Cuarto (Argentina)
Tatiana Larina — Peoples' Friendship University of Russia (Russia)
Ricardo Mairal — UNED (Madrid, Spain)
Juana Marín Arrese — UCM (Madrid, Spain)
Victoria Marrero Aguiar — UNED (Madrid, Spain)
Elena Martínez-Caro — UCM (Madrid, Spain)
JoAnne Neff — UCM (Madrid, Spain)
Eva Ogiermann — King's College London (U.K.)
Juan Carlos Pérez González — UNED (Madrid, Spain)
Barry Pennock — Universidad de Valencia (Spain)
Lucy Pickering — Texas A&M University-Commerce (USA)
José María Prieto Zamora — UCM (Madrid, Spain)
Carmen Sancho Guinda — Universidad Politécnica de Madrid (Spain)
Carmen Santamaría García — Universidad de Alcalá (Spain)
Maite Taboada — Simon Fraser University (Canada)
Francisco Yus — Universidad de Alicante (Spain)

ORGANIZING COMMITTEE:

Chairs:

Laura Alba-Juez (UNED) & Mercedes Díez Prados (Universidad de Alcalá)

Secretaries:

David Ferrer Revull (UNED) & Rosa Muñoz Luna (Universidad de Málaga)

Roberto Carlos Álvarez Delgado (UAH)
Ana Belén Cabrejas Peñuelas (U. de Valencia)
Aurelia Carranza Márquez (UNED)
Isabel Castelao (UNED)
Ana Mª Cestero Mancera (UAH)
Ana María Ducasse (RMIT, Melbourne, Australia)
José Santiago Fernández Vázquez (UAH)
Antonio García Gómez (UAH)
Carmen Maíz Arévalo (UCM)
Victoria Marrero Aguiar (UNED)
Carmen Sancho Guinda (UPM)
Carmen Santamaría García (UAH)

CONFIRMED PLENARY SPEAKERS:

Monika Bednarek (University of Sydney, Australia)

Manuel Casado Velarde (Universidad de Navarra — Correspondiente de la Real Academia Española, Spain)

Javier De Santiago Guervós (Universidad de Salamanca, Spain)

Jean Marc Dewaele (Birkbeck College, London, U.K.)

Ad Foolen (Radboud Universiteit, Nijmegen, Netherlands)

Barry Penneck (Universidad de Valencia, Spain)

Francisco Yus (Universidad de Alicante, Spain)

CONFIRMED GUEST SPEAKER:

Juan Carlos Pérez González (UNED, Spain)

ABSTRACTS:

Abstracts (not exceeding 350 words – excluding the references) should be sent as an e-mail attachment to the conference organizers: David Ferrer (davferrer@flog.uned.es) for the general section on Emotion and Rosa Muñoz Luna (rmluna@uma.es) for the section on Persuasion) **no later than May 20, 2016**. Notifications of acceptance/rejection will be sent out by June 30th, 2016.

Abstracts should include: 1) Title of paper; 2) Name and affiliation of each author; 3) E-mail address of each author; 4) 3—5 keywords.

Webpage: <http://congresos.uned.es/w11346>

The main language of the conference will be English, but contributions in Spanish are also possible. (Cross-cultural) studies about any other languages are welcome too.

REFERENCES:

- Dewaele, Jean Marc (2010). *Emotions in Multiple Languages*. London: Palgrave Macmillan.
- Dewaele, Jean Marc (2011). Reflections on the Emotional and Psychological Aspects of Foreign Language Learning and Use. In *Anglistik: International Journal of English Studies* 22.1 (March 2011): 23—42.
- Dewaele, Jean Marc (2015). Culture and Emotional Language. In Farzad Sharifian (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Culture* (2015). Oxford: Routledge, pp. 357—370.
- Foolen, Ad (2012). The relevance of emotion for language and linguistics. In Foolen, Ad, Lüdtke, Ulrike M., Racine, Timothy P. & Jordan Zlatev (eds.) (2012). *Moving Ourselves, Moving Others. Motion and Emotion in Intersubjectivity, Consciousness and Language*. Amsterdam: John Benjamins.
- Foolen, Ad (2015). Word valence and its effects. In Ulrike M. Lüdtke (ed.), *Emotion in Language: Theory — Research — Application*. Amsterdam: John Benjamins.
- Foolen, Ad (2016). Expressives. In Nick Riemer (ed.). *The Routledge Handbook of Semantics*. London and New York: Routledge.
- Goleman, Daniel (1995). *Emotional Intelligence*. New York: Bantam Books.
- Goleman, Daniel (1998). *Working with Emotional Intelligence*. New York: Bantam Books.
- Goleman, Daniel (2011). *Leadership: The Power of Emotional Intelligence: Selected Writings*. Northampton, MA: More Than Sound.
- Martin, James R. & Peter R.R. White (2005). *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

- Petrides, K.V., Pérez González, Juan Carlos & Adrian Furnham (2007). On the criterion and incremental validity of trait emotional intelligence. In *Cognition and Emotion*, 21 (1), 26—55. Psychology Press. Taylor & Francis.
- Reeck, Crystal; Ames, Daniel R. & Kevin N. Ochsner (2016). The social regulation of emotion: an integrative, cross-disciplinary model. In *Trends in Cognitive Sciences*, 20, 1, 47—63.
- Thompson, Geoff & Laura Alba-Juez (eds.) (2014). *Evaluation in Context*. Amsterdam: John Benjamins.

НАШИ АВТОРЫ

Ан Сан Чоль (e-mail: scahn.mail@gmail.com) — доктор филол. наук, профессор кафедры восточных языков и страноведения Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Институт зарубежной филологии и регионоведения. Сфера научных интересов: теория языка, общее и сопоставительное языкознание.

Богана Жером (e-mail: baghana@yandex.ru) — доктор филол. наук, профессор кафедры французского языка, Белгородский национальный исследовательский университет. Сфера научных интересов: контактная лингвистика. Автор более 300 опубликованных научных трудов, среди которых: Судьба французского языка в Африке: социолингвистические и лингвокультурологические особенности: Монография. Москва: ИНФРА-М, 2013; Словарь современной фразеологии французского языка Африки. Москва, Флинта: Наука, 2014 и др.

Болотина Ксения Эдуардовна (e-mail: www.shusha@inbox.ru) — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов: романское языкознание, дискурс-анализ художественных текстов, лингвокультурология и межкультурная коммуникация, топонимия.

Воркачев Сергей Григорьевич (e-mail: svork@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет». Сфера научных интересов: романские и германские языки, общее и сопоставительное языкознание, теория перевода и межкультурная коммуникация, лексическая семантика, лингвокультурология и лингвоконцептология. Автор более 400 научных и научно-методических трудов, в том числе 22 монографий. Лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2011, 2012, 2013 и 2014 годов.

Ершов Виктор Иванович — кандидат филол. наук, доцент Военной кафедры Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Сфера научных интересов: теоретические основы перевода и методика обучения пе-

реводу на слух. Автор научных публикаций и научных пособий, среди которых: Английский язык. Допрос военнопленных (перебежчиков) и опрос местных жителей. МГИМО, 2016; Английский язык. Лингвистическое обеспечение военной деятельности. МГИМО, 2013 и др.

Егорова Кюннэй Григорьевна (e-mail: kiounnei1@yandex.ru) — аспирант кафедры восточных языков и страноведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Институт зарубежной филологии и регионоведения. Сфера научных интересов: теория языка, общее и сопоставительное языкознание.

Иванова Светлана Викторовна (e-mail: svet_victoria@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой анлийского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет. Сфера научных интересов: лингвокогнитология, лингвоконцептология, дискурс-анализ текстов СМИ, политическая лингвистика, теория текста, гендерная лингвистика. Автор более 150 опубликованных научных трудов, в том числе монографий и учебных пособий.

Краснопеева Екатерина Сергеевна (e-mail: ye.kr121csu@gmail.com) — кандидат филол. наук, преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. Сфера научных интересов: общие вопросы теории перевода, корпусное переводоведение, использование новых информационных технологий в исследованиях переводческой деятельности и методике преподавания перевода.

Логинова Полина Гарриевна (e-mail: polina-loginova@inbox.ru) — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов: романское языкознание, лингвокультурология и лингвоконцептология, межкультурная коммуникация.

Лулева Оксана Валерьевна — кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного института искусства и культуры. Сфера научных интересов: искусственный билингвизм, научающая коммуникация, лингвистика эмоций, лингвоэкологический аспект коммуникации.

Михеева Наталья Федоровна (e-mail: mikheeva_rudn@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор, академик МАН ВШ, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов: романо-германское языкознание, диалектология, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода, лексикография, лингводидактика. Основатель ряда новых научных направлений в лингвистике, таких как: на-

ционально-культурная специфика речевого поведения испаноязычных и англоязычных народов, сопоставительная межвариантная диалектология романогерманских языков и др. Автор свыше двухсот научных и научно-методических публикаций.

Нефёдова Лилия Амирянвна (e-mail: lan2@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Сфера научных интересов: лингвокогнитология, переводоведение, коммуникативная лингвистика, теория текста, гендерная лингвистика. Автор более 180 опубликованных научных трудов, в том числе монографий и учебных пособий.

Нелубова Наталья Юрьевна (e-mail: nat.nelubova@mail.ru) — кандидат филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов: романское языкознание, теоретическая фонетика, морфонология, теория и практика перевода. Автор 30 научных и научно-методических публикаций.

Панченко Надежда Николаевна (e-mail: ranchnn@yandex.ru) — доктор филол. наук, проф., зав. кафедрой языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Институт иностранных языков. Сфера научных интересов: теория коммуникации и дискурса, коммуникативные категории, языковая/коммуникативная личность, истинность и достоверность высказывания, речевые жанры и речевые поступки, лингвоэкология. Автор более 100 научных публикаций, монографий и учебных пособий.

Смирнитская Анна Александровна (e-mail: nyushas@gmail.com) — младший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Отдел языков народов Азии и Африки. Сфера научных интересов: дравидийские языки, разговорный тамильский язык, диалекты тамильского языка, диглоссия, семантика, семантическая типология.

Тасенко Полина Сергеевна (e-mail: polina.tasenko@mail.ru) — студент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Сфера научных интересов: сопоставительная лингвистика, теория и практика перевода, переводческий анализ текста, лингвокультурология.

Фоменко Татьяна Андреевна (e-mail: tاتفomenko@yandex.ru) — кандидат филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (г. Коломна). Сфера научных интересов: лингвистика, психолингвистика, переводоведение.

Черничкина Елена Константиновна (e-mail: ekch@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Сфера научных интересов: искусственный билингвизм, научающая коммуникация, лингвистика эмоций, лингвоэкологический аспект коммуникации, автор более 100 научных публикаций, среди них монографии «Концепция искусственного билингвизма в теории языка» (Волгоград, 2007), «Дискурсивные особенности коммуникативной компетенции» (Волгоград, 2011).

Яковлева Елена Сергеевна (e-mail: elena.iakovleva@inbox.ru) — специалист по работе с иностранными студентами Управления международной образовательной деятельности Юго-Западного государственного университета, аспирантка кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Сфера научных интересов: контактная лингвистика.

Координационный Совет научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов»

Филиппов В.М. — ректор РУДН, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО — *председатель Совета*

Зарюто С.А. — заместитель директора ИПК РУДН — *ответственный секретарь Совета*

Члены Координационного Совета:

Абрамов А.Ю. — директор медицинского института РУДН, кандидат медицинских наук, доцент

Балыхина Т.М. — декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного РУДН, доктор педагогических наук, профессор

Барабаш В.В. — декан филологического факультета РУДН, доктор филологических наук, профессор

Воскресенский Л.Г. — декан факультета физико-математических и естественных наук РУДН, доктор химических наук, профессор

Ефремов А.П. — проректор по учебной работе, доктор физико-математических наук, профессор

Кирабаев Н.С. — проректор по научной работе, доктор философских наук, профессор

Мосейкин Ю.Н. — декан экономического факультета, доктор экономических наук, профессор

Плющиков В.Г. — директор Аграрно-технологического института РУДН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Пономарев Н.К. — декан инженерного факультета РУДН, кандидат технических наук, доцент

Цвык В.А. — декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, доктор философских наук, профессор

Черных Н.А. — декан экологического факультета РУДН, доктор биологических наук, профессор

Шаронов В.Н. — директор ИПК РУДН, кандидат физико-математических наук

Якушев В.В. — декан факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН, кандидат химических наук, доцент

Ястребов О.А. — директор юридического института РУДН, доктор юридических наук, профессор

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ЛИНГВИСТИКА

2016, Том 20, № 2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-20-12
e-mail: lingjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 05.08.2016. Выход в свет 17.08.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,0. Тираж 500 экз. Заказ № 443

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Academic journal

**Russian Journal
of linguistics.**

Vestnik RUDN

2016, volume 20, N 2

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board

Series «Linguistics»:

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. + 7 (495) 434-20-12
e-mail: lingjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Лингвистика»

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Лингвистика»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

(индекс издания)

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.	

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
